

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ПО ПРОБЛЕМАМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И НАУЧНО-
ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Д.В. ФУРМАН

**СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В СОВРЕМЕННОЙ ЭСТОНИИ**

МОСКВА

1991

ВЫПУСК 4

ВВЕДЕНИЕ.

С 1985г. в СССР идет, и идет "по нарастающей", процесс разрушения сложившейся после Октябрьской революции тоталитарной системы идеологических, политических и социально-экономических отношений.

Один из важных аспектов этого процесса - появление новых политических партий, группировок, союзов и т.д., чье существование и борьба друг с другом за власть пришли на смену монопольному господству коммунистической партии.

Поскольку наша идеологически-политически-социальная система была единой на всей территории Союза и государственное единство СССР сохраняется и поныне, этот процесс в различных регионах нашей страны имеет как общие закономерности, общую логику, так и единый ритм, образуемый вереницей "общесоюзных событий". Распад тоталитарной системы, выход на поверхность политических идеологий, ранее бывших в "подпольном", подавленном или даже "потенциальном", не оформившемся, состоянии, становление новых институтов и новых форм политической жизни - все это происходит и в России, и в Татарстане, и в Эстонии, и в Армении. И эти процессы выражаются через единый ряд событий - апрельский пленум ЦК КПСС 1985 г., XIX-я партконференция, I-й Съезд народных депутатов СССР, выборы в Верховные Советы республик и т.д., образующих вехи, стадиальные рубежи этого процесса, и являющихся событиями и истории России и истории Эстонии.

Но несмотря на единую логику и единый ритм процессов разрушения старой системы и становления демократических институтов, в каждой республике, каждом отдельном регионе они имеют свои модификации. Коммунистическая партия в одних республиках практически утрачивает влияние, в других становится мощной оппозиционной силой, в третьих, сейчас уже под новым названием - прочно сохраняют власть. Конфигурации новых политических сил и борьба между ними также очень разные в Эстонии и Киргизии, Грузии и России. Процесс один, но и его содержание и его форма каждый раз имеют свои неповторимые, индивидуальные особенности.

История как бы поставила эксперимент. Один процесс в одной хронологической последовательности при ряде "контролируемых" факторов совершается в очень разных культурных и социальных средах, приводя к результатам, частично общим, частично своеобразным, не похожим друг на друга. Такая "экспериментальная" ситуация дает возможность лучше выявить как общие закономерности процесса, так и специфику тех культурных "сред", в которых он совершается. СССР второй половины 80-х - начала 90-х гг. - прекрасное поле для сравнительных историко-политологических исследований¹. Такие исследования, выявляющие и общее и особенное в идущих в разных регионах СССР политических процессах имеют как научное, так и "практическое" значение, ибо всем нам, где бы мы ни жили - в Москве, Таллинне или Ереване, нам необходимо лучше знать и понимать происходящее, чтобы избавляться от неадекватных, по-рожденным стереотипами и "мифологическими" образами, реакций на события. К сожалению, проведение подобных исследований наталкивается на специфические для нашей страны трудности. Наши социальные науки развивались так, чтобы как можно меньше затрагивать темы, в которых наиболее четко выступают противоречия между идеологическими догмами и реальностью, т.е., практически все темы, действительно важные для понимания нашего общества. Реальные социальные отношения в СССР изучены лишь в самой незначительной мере и по такой, например, важнейшей теме, как состав и эволюция советской элиты нет не только работ, но и практически нет данных. Абсолютно "не тронуты" у нас целые пласты истории различных народов СССР. Например, у нас нет ни одной монографии по истории независимой Эстонии (как и независимых Литвы, Латвии, Армении и т.д.). Более того, вообще вся история отдельных народов СССР считалась сферой, которой должны заниматься лишь представители данных народов, и если в Москве мы можем сейчас найти десятки специалистов по США, Франции, Германии, мы не найдем буквально ни одного специалиста по Эстонии или Грузии. Если прибавить к этому разрушение сейчас связей между московскими научными институтами и соответствующими институтами в республиках и высокую степень идеологической и политической ангажированности ученых, мы поймем, что выполнение такого сравнительного исследования - задача действительно колоссальной трудности. Тем не менее, Аналитический центр АН СССР решился все же взяться за эту задачу. Данная монография - один из самых первых шагов в ее реализации. Она посвящена лишь Эстонии и поэтому лишь

в дальнейшем, в конечном счете, должна войти одной из составляющих в большое сравнительное исследование (хотя элементы сравнительного исследования есть и в данной работе и последняя глава посвящена сравнению Эстонии с другими республиками и выявлению эстонской специфики в политических процессах). При работе над ней перед ее автором стояла дилемма, которая в той или иной степени стоит при выполнении любой научной работы, но в данном случае - особенно остро. Эстония - маленькая страна, но сложность социального и культурного организма очень мало зависит от его размеров. Поэтому Эстония - не "проще" Франции или США, но во много раз менее изучена. Изучать ее политические процессы можно и год и два и десять лет. Но при этом, естественно, будет потеряна актуальность работы. Скрупулезность и глубина исследования и актуальность находятся в отрицательной взаимозависимости. Стремясь выполнить работу в сжатые сроки, автор был вынужден ограничиться лишь поверхностным и предварительным рассмотрением связанных с ней проблем и изучением лишь ограниченного круга источников. При этом он выражает глубокую благодарность за помощь в работе сотрудникам Тартуского Государственного Университета С.Литваку и И.Никифорову.

Работа была завершена в начале августа 1991 г. Затем произошли известные "августовские события", одним из следствий которых было признание независимости балтийских республик. Однако мы не смогли включить материал о послеавгустовском политическом развитии Эстонии. Со временем, при переработке исследования это, естественно, будет сделано.

- 1 Есть и общая логика у этого процесса в СССР и аналогичных процессов в других странах "социалистического лагеря". Но при всем единстве общих принципов социальной системы в каждой из этих стран - очень много своеобразия в политических и социальных институтах. Поэтому исходные условия происходящего близки, но не тождественны. И хотя единый ритм в какой-то мере также присутствует ("цепная реакция" в 1989г.), это тоже далеко не полная синхронизация. Поэтому сравнение пусть единых по своей сути, но протекавших в разных институциональных условиях и в разное время процессов, скажем, в Польше и Албании, - задача более трудная, чем сравнение протекавших при почти полном тождестве исходных институтов и в единой веренице событий процессов в республиках СССР.

I. ПРЕДПОСЫЛКИ ПРОЦЕССА ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ЭСТОНИИ.

Общей предпосылкой современного процесса распада тоталитарной системы в СССР были все углубляющийся разрыв между формальной, официальной идеологией и реальным содержанием сознания общества. Под ригидной поверхностью "монолитной" коммунистической идеологии шел процесс формирования "антиидеологии", который можно сравнить с накоплением пара в закрытом котле. Этот процесс шел везде, во всех республиках, но в Эстонии он имел свои, как общеприбалтийские, так и еще более специфические, эстонские модификации. Самой важной специфической чертой этого процесса в Прибалтике (и прежде всего в Эстонии, которая с особой силой и яркостью воплощает некоторые общеприбалтийские характеристики) было то, что прибалтийские страны вошли в СССР наиболее насильственным способом, при самой минимальной внутренней поддержке этому вхождению. Строго говоря, коммунистическая идеология побеждает в результате спонтанного, внутренне обусловленного процесса только в России. Во всех прочих республиках ее победа связана с приходом русских революционных армий и ликвидацией недолгого периода эфемерных "независимостей". Но в Прибалтику принеся советский строй и коммунистическую идеологию армия вошла лишь в 1940 г., после пакта Молотова - Риббентропа. Она вошла в государства, уже более 20 лет бывшие независимыми, народы которых уже "привыкли" к независимости, в которых внутренние силы, на которые могла бы опираться эта армия и новая власть, были предельно слабы¹. С другой стороны, и армия, вошедшая в Прибалтику - это уже не та армия, которая входила в Украину, Закавказье, Среднюю Азию. Это уже не революционная армия, с преобладанием русских, но страстно интернационалистическая по своей идеологии, а армия сталинского государства, все более сознающего себя преемником Российской империи.

Уже эти обстоятельства вхождения в СССР и победы коммунистической идеологии говорят о том, что Прибалтика с самого начала становления советской власти обладала наибольшим антисоветским, антирусским и антикоммунистическим потенциалом, ее психологическая и идейная интеграция в СССР была особенно сложна и на протяжении всей советской истории Прибалтики было ощущение (и самими прибалтами, и "центром", и русскими)

специфичности этого региона, его особого (пусть неформально, ибо институционально эта особенность ни в чем не выражалась) положения. Память о периоде независимости, и не таком-то древнем, феодальном, а недавнем, современном и относительно длительным, не могла исчезнуть из сознания прибалтийских народов, которые, естественно, совершенно иначе ощущали себя в СССР, чем, например, всю свою национальную историю нового времени жившие "под русскими" татары или украинцы. Независимость - была и следовательно - возможна, может вернуться при какой-то новой конфигурации обстоятельств. Кроме того, любой эстонец (как и любой латыш и литовец) знал, что западные державы не считают вхождение Прибалтики в СССР законным и что где-то существует эмигрантское правительство, что, несомненно, также как-то влияло на его самосознание. Но трудности интеграции были связаны не только с обстоятельствами вхождения Прибалтики в СССР, но с особенностями прибалтийских наций. Прежде всего, это - относительно высокий уровень образования коренных наций, что особенно характерно для протестантской Эстонии, в 1940 г. значительно более образованной, чем католическая Литва и даже чем протестантски-католическая Латвия (с неграмотностью в Эстонии было покончено еще в 80-е гг. прошлого века, а в 30-е гг. здесь был один из самых высоких образовательных уровней в мире). И дело не только в уровне культуры, который, естественно, мешал некритическому усвоению официальных идеологических догм, дело еще и в характере культуры. Прибалтийские республики - единственные в СССР республики с преобладанием "западных" вероисповеданий - католицизма и лютеранства. Культурные различия с русскими здесь значительно больше, чем у украинцев, белоруссов, молдаван. При этом специфически "западная" ориентация прибалтийских культур делала интеграцию прибалтов в СССР значительно более сложной, чем интеграция имеющих ничуть не меньшие культурные различия с русскими, но совершенно иную ориентацию культуры, восточных народов².

Таким образом, захват Прибалтики в 1940 г. означал включение в СССР народов психологически, культурно и идейно в громадной мере чуждых, чья интеграция (реальная, а не формальная) в советский мир должна была быть очень сложным процессом. Шла ли эта интеграция? Укоренялись ли прибалтийские общества в советской системе?

Одна из важнейших проблем, с которой мы сталкиваемся при рассмотрении событий 1988-91 гг. в Эстонии - это проблема того антисоветского,

антикоммунистического и антирусского потенциала, который стремительно вышел в это время наружу. Что представляет из себя этот потенциал? Остатки старого "антисоветизма"? Постоянные, всегда "равные самим себе" настроения, которые лишь нашли удобный момент для выхода наружу? Или же это новый, возросший в советскую эпоху потенциал? Несомненно, что хотя в событиях последних лет какую-то роль играл старый антисоветизм эмигрантов и людей, пронесших старую идеологию через годы советской власти, и что в Прибалтике, безусловно, всегда существовал определенный минимальный уровень "антисоветскости", прежде всего это - именно накопившийся, возросший потенциал. Он проявился не сколько в "старых", сколько в "новых" людях, сформированных уже советской эпохой, прошедших через всю систему нашего идеологического воспитания - у бывших комсомольских работников (едва ли не большинство современных антикоммунистических лидеров - бывшие комсомольские работники), коммунистов, детей эстонских революционеров, как Марью Лауристин. Эти люди оказались более антисоветски и антикоммунистически настроенными, чем даже многие эстонские эмигранты на Западе, так что, например, американский профессор Рейн Таагенера, бывший еще в 1988 г. как бы "гуру" для нового поколения эстонских политиков, в 1990 г. уже предстает как фигура, чуть ли не "просоветская". Но как же мог накопиться этот потенциал, если советские войска вошли в страну, практически не имея в ней внутренней опоры, и затем, на протяжении всей длительной истории Советской Эстонии, шел несомненный процесс "укоренения" советской системы и коммунистической идеологии? Как получилось, что это "укоренение" было одновременно накоплением прорвавшегося затем наружу "отрицательного потенциала"? Вопрос этот - достаточно сложный и мы постараемся лишь наметить контуры ответа на него.

"Укоренению" советской системы способствовало прежде всего физическое "исчезновение", т.е. гибель или эмиграция в 1940-50 гг. практически всей старой, периода независимости, эстонской элиты и вообще едва ли не всех тех, кто представлял для новой власти реальную или потенциальную угрозу. В 1939-40 гг., перед вступлением в Эстонию советской армии, из нее в "рейх" выезжает большая часть эстонских немцев. После присоединения Эстонии к СССР, естественно, начинаются аресты и расстрелы, а 14.06.1941г. - первая массовая "депортация" - в основном представителей социальной элиты³. Затем - война, принесящая гибель массе эстонцев, воевавших и на немецкой и на советской стороне и массе мирных жителей. Истребление немцами не

успевших убежать на Восток евреев. Отъезд в Швецию большинства живших в Эстонии шведов. Массовое бегство при приближении Советской Армии - в Германию и Швецию - до ста тысяч человек. Постепенная гибель продолжавших сражаться в лесах до 1950 г. "лесных братьев". Громадная депортация "кулаков" и "националистов" в марте 1949 г. и наконец, когда все актуально или потенциально активные антикоммунистические и антирусские элементы исчезли, летом 1950 г. сталинские репрессии обрушиваются на обвиненных в "национализме" эстонских коммунистов и немногих примкнувших к Советской власти старых эстонских интеллигентов. Масштабы людских потерь, вызванных этими событиями, для маленькой Эстонии были грандиозны. Достаточно сказать, что если в 1939 г. в Эстонии было 1 134 000 жителей, то в 1950 г. - 1 096 700. Численность 1939 г. была достигнута лишь в 1953 г. (причем в основном за счет русской иммиграции)⁴.

Практически полное исчезновение старой элиты означает, что во всех сферах жизни открывается множество вершущих позиций, заполняемых новыми людьми. Откуда эти новые люди? Имеющиеся данные достаточно ясно говорят, что "своего" человеческого материала, способного занимать командные позиции в советском обществе в Эстонии, в которой социальная революция произошла не в результате взрыва изнутри, а в результате действия внешней силы, катастрофически не хватало и его нехватка компенсировалась эстонцами, родившимися и воспитанными в России и сделавшими в ранний послевоенный период в Эстонии множество стремительных партийно-административных карьер⁵. Эта роль "русских эстонцев" особенно усиливается в 1950 г., когда происходит смена на посту первого секретаря ЦК КПЭ, пытавшегося смягчить сталинские репрессии и обвиненного в национализме эстонского революционера Н.Каротамма "русским эстонцем", выпускником института красной профессуры И. Кэбином⁶, сопровождавшаяся "чисткой" всего партийного руководства, и сохраняется очень долго. Яан Пеннар приводит следующие данные о составе высшего партийного руководства в конце 70-х гг. Из 5 секретарей ЦК - 2 русских, 2 "русских эстонца" и только 1 (В.Вяляс) - эстонский уроженец. В Бюро ЦК из 11 человек местных уроженцев - 37. Фактически период доминирования "русских эстонцев" окончательно завершился только в 1988 г., когда "русский" Карл Вайно был сменин "настоящим эстонцем" В.Вялясом.

Однако постепенно ситуация меняется. Вырастает новое поколение эстонцев, воспитывающихся и живущих уже в новых социальных условиях,

подвергшихся как влиянию пропаганды так и (что в эстонских условиях было, очевидно, еще более важно) действию внутренних психологических механизмов конформизма, приспособления к новой ситуации, и принявших новые "правила игры". Это видно, например, по статистике членов в КПСС - если в 1946г. в КПЭ было только 7136 человек, из них только 41,5% - эстонцы, то в 1970 г. - 70195 и 52,3% - эстонцы⁸. И хотя на "самом верху" долго сохраняется преобладание "русских эстонцев", в целом партийный и советский аппарат все более становится "настоящим эстонским", причем удельный вес эстонцев в партийно-административной верхушке в целом и в том мощном бюрократическом слое, на который она опирается, даже превышает их удельный вес в населении республики⁹. Таким образом, происходит "укоренение" партийной и советской иерархии в эстонской среде (и наоборот, эстонцев в партийной и советской иерархии). Но разумеется, этот процесс "укоренения" нового строя относится не только к партийной и советской иерархии. Советская система модифицирует эстонское общество в целом, "лепит" его в соответствии со своими требованиями и эстонцы приспособляются к новой системе, научаются жить в ней (и жить в целом неплохо).

Вырастает колоссальный слой интеллигенции, удельный вес которой в Эстонии выше, чем в любой другой советской республике¹⁰. И в массе своей - это новые люди, не имеющие родственных связей со старой эстонской интеллигенцией и вообще со старой социальной элитой¹¹, интеллигенты первого поколения, выходцы из низов или их дети, воспитанные уже при советской власти.

И народ в целом приспособился к советским условиям. Сельское хозяйство, особенно во второй половине 60-х - начале 70-х гг., переживает колоссальный подъем, который Рейн Таагепера назвал "тихой революцией".

Жизненный уровень эстонцев - самый высокий в СССР¹². Более того, "центр", Москва, во всяком случае в 70-е - нач. 80-х гг. в какой-то мере создает для Эстонии особые условия, тем самым как бы признавая ее специфическое положение в СССР, как самой развитой и самой "западной" республики. Здесь внедряются разного рода "прогрессивные" формы хозяйствования, здесь значительно более свободный интеллектуальный климат и здесь даже (в единственной советской республике) может приниматься иностранное (финляндское) телевидение.

"Упрочнению" советской власти в Эстонии способствует и постоянный рост в Эстонии русского и "русскоязычного" населения. Если в 1950 г.

неэстонское население в ЭССР составляло 24%, то в 1960 - 25,9%, в 1970 - 31,8%, 1980 - 35,5%, а в 1989 г. - 38,5%¹³. Русское население составляет сейчас большинство населения крупных городов северо-востока Эстонии - Нарвы, Кохтла-Ярве, Силламяэ и половину населения Таллинна. Прежде всего это - представители рабочего класса. В статье А.В.Кирка, П.Э.Ярве и К.Р.Хаава¹⁴ приводятся следующие данные об удельном весе эстонцев и русских в различных профес-сиональных группах (1 означает, что удельный вес в данной группе равен удельному весу в населении).

эстонцы		русские
0,79	рабочие машиностроительной и металло обрабатывающей промышленности	1,19
0,83	текстильщики	1,16
1,10	швейники	0,90
0,78	строители	1,20
0,51	железнодорожники	1,45
1,03	работники автотранспорта	0,98
1,10	работники торговли и общественного питания	0,91
1,02	работники коммунального хозяйства и бытового обслуживания	0,98
1,49	руководители предприятий и их подразделений	0,56
1	инженерно-технические работники	1
1,04	медицинские работники	0,98
1,34	научные работники, преподаватели, учителя	0,69
1,74	работники искусства	0,33
1,19	специалисты торговли, общественного питания, готовок, снабжения и сбыта	0,83
1,16	специалисты планово-учетных органов	0,86

Мы видим, что эстонцы "перепредставлены" в "чистых" интеллигентских профессиях и недопредставлены в рабочих профессиях. Причем этот процесс заполнения русскими рабочих профессий (и соответственно - низших мест социальной иерархии) был именно процессом, постоянно идущим на

протяжении истории советской Эстонии. Так еще в 1957 г. среди занятых в промышленности эстонцы составляли 61,6%, в 1973 г. - 47,8%, в строительстве соответствующие цифры - 62,5% и 49,2%¹⁵. Удельный вес эстонцев среди ученых ЭССР возрос с 1960 по 1963 гг. с 79% до 85%, в то время как их удельный вес в населении неуклонно падал¹⁶. Русская миграция, несомненно, способствовала вертикальной социальной мобильности эстонцев. Но у нее был и еще один очень важный социально-политический эффект. Хотя практически несомненно, что этот процесс не был, как сейчас утверждают эстонские деятели, результатом целенаправленной "колонизаторской" политики¹⁷, а шел в основе своей "естественным" путем¹⁸, результатом его было усиление в Эстонии слоя людей, неизмеримо более проникнутых "общесоюзной идеологией", чем эстонцы, не видящих, в массе своей, себя и Эстонии вне СССР.

Таким образом, за годы советской власти Эстония все более становилась "советской" Эстонией - и в результате истребления или эмиграции наиболее "несоветских" элементов и в результате социальных изменений и сопутствующих им изменений сознания, и в результате воспитания нового поколения, и в результате миграции. Но хотя все эти процессы вели к ослаблению "старого" антикоммунистического и "антисоюзного" потенциала (умирали люди, помнящие старую Эстонию, исчезали старые, "досоветские", привычки и формировались новые и т. д.), одновременно, как это со всей очевидностью продемонстрировали позднейшие события, они же вели к появлению и росту "нового" такого рода потенциала, уже "эндогенного", возникавшего внутри советской системы. Посмотрим теперь как это происходило, как становление и укрепление "Советской Эстонии" было одновременно процессом возрастания антисоветского потенциала.

* * *

То, что ригидная идеологическая система в условиях бурной научной, культурной и социальной эволюции становится все менее способной возбудить веру и преданность, и общество, базирующееся на ней, теряет внутренние источники своей силы и идет к кризису - слишком очевидно и слишком обще, чтобы на этом останавливаться. Для понимания наших советских и в частности, эстонских, процессов, мы должны выяснить, какие социальные формы

принимает этот нарастающий кризис, в каких настроениях и действиях каких социальных групп он выражается.

Как мы уже говорили, 40-е - нач. 50-х гг. для Эстонии - эпоха колоссального социального катаклизма, гибели старой элиты и создания новой. При этом революционная ломка социальной структуры Эстонии приходится на сталинское время, когда в самом СССР еще отнюдь не произошло стабилизации социальной иерархии, не мыслимой в условиях сталинского террора. Но в сталинском СССР Эстония пребывает относительно недолго.

Основные процессы формирования эстонского советского общества и эстонской советской социальной иерархии происходят в эпоху, когда сталинский террор уже кончился, общество стабилизируется. Этот процесс был связан прежде всего со стремлением правящего бюрократического слоя к упрочению своего положения. Сталинский партаппарат все более устает от постоянного страха за свою жизнь и жизнь своих близких, и эта усталость все менее компенсируется фанатичной и догматической верой. Поэтому он и поддерживает новый хрущевский курс, а затем, стремясь избавиться уже не только от страха за жизнь, но и от нестабильности, порождаемой вихрем хрущевского реформаторства, поддерживают Брежнева с его политикой стабильности, "застоя".

При Хрущеве и особенно при Брежневе правящий бюрократический слой добивается гарантий своего положения. При Сталине "падших" представителей верхушки (и их семьи) ждала трагическая судьба, как трагична была судьба ряда обвиненных в национализме в 1950 г. эстонских руководителей. При Брежневе им грозила лишь "ссылка" на дипломатическую работу, как был направлен в Латинскую Америку потерпевший поражение в борьбе за власть в Эстонии В.Вяяс и как потом, уже при М.С.Горбачеве, на исходе этой брежневской "традиции" были отправлены на дипломатическую работу К.Вайно и Б.Саул. И эта гарантированность положения возникает не только от новых "правил игры" в бюрократической иерархии, но и за счет укрепления позиций бюрократии путем приобретения уже небюрократических статусов. Накапливается богатство, имущество, которое делает отставку, крах в бюрократической карьере, не такими болезненными и которое может быть передано детям. Очень интенсивно идет процесс приобретения бюрократией ученых степеней, т.е. гарантированных статусов, в интеллигентской иерархии, которые даже в случае падения со все-таки не полностью стабильной лестницы бюрократической иерархии "смягчат" это падение, создадут "защитную сетку".

Все эстонские партийные руководители предперестроечной и ранней перестроечной эпохи - доктора и кандидаты наук (даже если тема их диссертаций, как у В.Вяляса, "Деятельность Коммунистической партии Эстонии по воспитанию трудящихся в духе социалистического интернационализма в свете решений XXIV съезда КПСС"). И даже сейчас, в 1991 г., когда Эстония уже провозгласила свою независимость, это не помешало ее президенту, представителю еще старой, "доперестроечной", элиты А.Рюйтелю, защитить в Академии сельскохозяйственных наук в Подольске докторскую диссертацию.

Но гарантированность положения означает психологическую независимость. Эстонские деятели 50-х годов, "портреты" которых проходят перед нами в работе К.Таммисту - это люди, проникнутые страхом и поэтому истерически демонстрирующие свою преданность Сталину и идеологическую бдительность. Даже во времена Хрущева у такого, очевидно, порядочного и не трусливого человека, как И.Кэбин (первый секретарь КПЭ в 1950-75 гг.), могли "задрожать поджилки", по его собственному выражению, когда ему показалось, что Хрущев сейчас выразит ему свое недовольство¹⁹. Но В.Вяляс, И.Тооме, А.Рюйтель - это уже люди совсем другого типа, со значительно большей уверенностью в себе, с большим чувством собственного достоинства. Их объективное социальное положение ближе к положению досоветской эстонской элиты, чем к положению революционеров-коммунистов или сталинских выдвиженцев 40-х гг. И соответственно они естественным образом начинают ощущать и психологическую близость скорее с этой старой элитой, чем со своими "формальными" идеологическими предшественниками. Коммунистическая идеология, та идеология, формальная преданность которой была необходимым условием их выдвижения, но которая все менее способна пробудить искреннюю веру, начинает ощущаться как ненужная помеха в окончательной "нормализации" их положения. И когда А.Рюйтель плачет при подъеме трехцветного (и спуске красного) флага, эти слезы, очевидно, не просто слезы эстонца, но и слезы человека, достигшего, наконец, достойного завершения своей карьеры. Таким образом, чем более укореняется коммунистическая партийная иерархия в эстонской почве, чем более прочным становится ее положение, тем меньше она коммунистическая, тем больше у нее стремление "привести форму в соответствие с содержанием".

И это относится, естественно, не только к самой верхушке иерархии, но ко всему колоссальному слою управляющих и бюрократов. На первом конгрессе Народного фронта в 1988г. Т.Тээте, председатель колхоза, скажет: "как

хочется, чтобы эти люди (его колхозники - Д.Ф.) стали хозяевами. Как хочется вновь отдать им хутора или оставить их в колхозе, но при этом чтобы колхоз не оставался колхозом, а чтобы был он акционерным обществом!"²⁰. Это - опять-таки стремление окончательно "нормализовать" свое положение, став председателем акционерного общества и отбросив мешающую старую форму, которая воспринимается уже как нечто унижительное.

Особенно сильные настроения такого рода возникают у эстонской интеллигенции, бурно растущего, ставшего массовым слоем, положение которого также претерпевает колоссальные изменения. Мы уже говорили, что современная эстонская интеллигенция "генетически" не связана со старой интеллигенцией. Это - сыновья (а еще больше - внуки) рабочих и крестьян. И все современные антикоммунистические лидеры эстонской интеллигенции - это люди, прошедшие через все звенья советской социализации (комсомол, экзамен по "научному коммунизму" и т.д.)²¹. Но реальность социального положения - неизмеримо важнее экзаменов по "научному коммунизму".

Прежде всего, ослабление и прекращение террора в послесталинский период означало постепенное уменьшение роли идеологических факторов в карьере и все большую роль - факторов чисто профессиональных. Кроме того, она означала стабилизацию положения интеллигенции. Кандидат и доктор наук, народный художник, академик - все это звания пожизненные, а в большой мере - статусные гарантии и для следующего поколения. И если период 40-50-х гг. - это период таких же стремительных ученых карьер выходцев из низов, как стремительны были в этот период карьеры в партийно-административной иерархии, то в 60-70-е гг. в интеллигенции начинают доминировать дети этих людей, интеллигенция во втором поколении. С 1964 по 1970 гг. доля детей интеллигентов и служащих среди студентов увеличилась с 26,6% до 52,6%²² и соответственно уменьшилась доля детей рабочих и крестьян. Особенно велик удельный вес детей интеллигенции в художественных вузах, где выходцы из низов практически исчезли (и именно интеллигенция творческих профессий окажется в самых "передовых рядах пере-стройки").

Ясно, что интеллигенция второго поколения - люди с совсем иной психологией и даже с иными социальными интересами, чем "выскочки" 40-х гг. Они в громадной мере ощущают свою независимость от партийной иерархии. Более того, тяготение аппарата к ученым степеням для себя и своих детей, его стремление к "респектабилизации", порождает даже определенную зависимость аппарата от элиты интеллигенции, чей статус - и респектабельнее и прочнее.

Реально для эстонских интеллигентов мнение их заграничных коллег значит для их статусного положения неизмеримо больше, чем мнение кахого-нибудь секретаря райкома. И пусть они - внуки рабочих и крестьян, психологически им ближе не эти их деды и не их выбывавшиеся правдами и неправдами в люди отцы, а старая эстонская интеллигенция, продолжателями дела которой они все более себя ощущают, западные коллеги и эстонская эмиграция. Для дочки эстонского революционера, одного из основных деятелей в процессе присоединения Эстонии к СССР И.Лауристин - доцента и зав. кафедрой Тартуского Университета Марью Лауристин естественно ближе не мир ее отца, а мир профессоров и деятелей искусства²³. И если члены ЦК могли плакать при спуске красного и подъеме трехцветного флага, если для них коммунистическая идеология - помеха в процессе их превращения в "нормальную" эстонскую элиту, то ясно, чем эта идеология была для становящегося все более мощным, стабильным мира эстонской интеллигенции. Здесь накапливались ненависть и отвращение к официальной идеологии, и в 70-е гг. в этом "насыщенном растворе" все более происходит "выпадение кристаллов" - отдельные интеллигенты, как правило, молодые или по тем или иным причинам не занимающие прочного общественного положения, отказываются от "правил игры" и становятся диссидентами с перспективой тюрьмы или эмиграции и почетного положения на Западе в роли борца за свободу Эстонии.

Таким образом, мы видим, что сама стабилизация общества, стабилизация и "укоренение" советской системы порождали потенции ее новой дестабилизации, ибо чем более стабилизируется элита - партийно-административная, хозяйственная, интеллигентская, тем более официальная идеологическая система с ее сакральными, но совершенно утратившими для нее какой-либо смысл догмами и лозунгами о коммунизме, роли рабочего класса и т.д. и т.п. воспринимается ею как препятствие к окончательной "нормализации" ее положения - превращения из "парработника" в "политического" или "государственного деятеля", из председателя колхоза в "председателя акционерного общества", из "преподавателя научного коммунизма" или "марксизма-ленинизма" в "политолога" и "социолога". Чем более "укореняется" советская система, тем сильнее тяготение к Западу и к эстонскому досоветскому прошлому, и отнюдь не только элиты.

Социальные изменения в советской Эстонии порождают интересное психологическое явление. Превращение интеллигенции и бюрократии в

грандиозных размеров социальный слой, абсолютно не сопоставимый с размерами этого слоя в досоветской Эстонии, было, естественно, сопряжено с падением социального статуса низов интеллигентской и бюрократической элит. Рядовой инженер в ЭССР - неизмеримо меньше, чем инженер при Пятсе. Но отождествляет-то себя этот инженер с инженером времен Пятса. Изменение социальной структуры эстонского общества ведет к тому, что с узкой элитой старого эстонского общества отождествляет себя грандиозных размеров социальный слой и лишь очень немногие отождествляют себя с рабочими и батраками старой Эстонии.

В эстонском "котле" накапливается пар и его давление на стенки котла становится все больше, чем более стабильным, обеспеченным и даже - свободным становится эстонское общество. В страшные 40-е гг. не было такого потенциала недовольства, какой накопился в сытые и спокойные 70-е - начало 80-х.

* * *

*

В результате действия этих противоречивых процессов - "укоренения" советской системы и одновременно (можно даже сказать - тем самым) ее разложения, складывается очень противочеривая идеологическая ситуация. Если в 40-е гг. в Эстонии существовало очень небольшое, но действительно коммунистическое революционное меньшинство и подавляющее большинство, коммунистической идеологии не разделяющее или прямо ей враждебное, то в "предперестроечную" эпоху ситуация совершенно иная.

Коммунистическая официальная идеология, которая когда-то выполняла революционную роль (и в содержании, символике которой сохраняются идеи революции), но объективно стала охранительной, консервативной силой, все более превращается в чисто внешнюю, фасадную идеологию. Формально ее придерживаются все, за исключением горстки диссидентов. Все цитируют Ленина, говорят о дружбе народов и т.п. Вся молодежь - комсомольцы и более 10% эстонцев - коммунисты. Но как показали последующие события, реально, на деле, этой идеологии не придерживается практически никто. Под тонкой поверхностью официальной риторики формируется и все более стремится выйти на поверхность прямо противоположный ей идеологический комплекс.

Центром этого комплекса, что совершенно естественно, является идеализация периода независимости, крайне негативная оценка последствий ее утраты и смутные, неопределенные мечты о ее восстановлении.

Если официально история периода независимости замалчивается (исторических работ по этому периоду практически нет, книги и газеты этого периода - в "спецхранах") да и независимость-то эта никогда не называется независимостью, только "так называемой" независимостью, то в эстонском "подсознании", в том комплексе идей и представлений, который не проговаривается или проговаривается лишь в узком кругу своих, этот период превращается в утраченный "золотой век"²⁴. И это значительно более "золотой век", чем он был для эстонцев 40-х - нач. 50-х гг., знавших эту независимость не понаслышке и во всей ее сложности и многообразии". Образ этого периода, о котором эстонец 70-х - нач. 80-х гг. знал не так уж много, строится по принципу отрицания современных негативно оцениваемых реалий - так, не было господства русских, официальной коммунистической идеологии, экологических проблем, нехваток различных товаров и т.п.²⁵. Это - образ интеллигентски-сельскохозяйственной идиллии - чистой, аккуратной, богатой, демократической страны, тесно связанной с Западом, с неиспорченной заводами и рудниками природой, товарным изобилием.

Если официальной пропагандой присоединение Эстонии к СССР изображается "народной революцией", то в "неофициальной идеологии" - это результат сговора Молотова-Риббентропа, национальная трагедия, надругательство над беззащитной маленькой страной. При этом все, чем недовольны эстонцы, в том числе и в самих себе, объясняется последствиями "завоевания"²⁶.

И если официальная пропаганда говорит о коммунизме и сближении наций, то эстонец смутно надеется, что может быть, при какой-то новой конфигурации исторических обстоятельств, вернется самостоятельность и связываемый с ней "золотой век". Он отлично понимает, что своими силами вернуть ее он не может и должен ждать, а пока, в ожидании этих обстоятельств, старается сохраниться как народ, выжить.

Эта идея "выживания" в Эстонии играет особую роль в результате специфической демографической ситуации - практически нулевого естественного прироста (чем эстонская ситуация резко отличается от ситуации католической Литвы). С этим эстонцы ничего поделать не могут, ибо переход к большей рождаемости означал бы коренную ломку всех устоявшихся привычек

(и, естественно, ухудшение жизненного уровня). И на этом фоне нулевого роста идет постоянное увеличение доли русскоязычного населения. Возникает вполне реальная перспектива утраты эстонцами большинства в собственной стране. А в некоторых районах Эстонии это уже произошло. В Нарве не услышишь эстонской речи и в самом Таллине эстонцы уже не составляют большинства. Сфера применения эстонского языка сужается, ибо если эстонцы русский знают, то русские в подавляющем большинстве не знают эстонского. Тем более, что в конце 70-х гг. брежневское руководство предпринимает новые усилия по распространению в нерусских республиках знания русского языка и с 1982 г. впервые в Эстонии вводится обучение русскому в начальных классах и детских садах²⁷.

Мы уже говорили, что русская миграция объективно создавала в Эстонии опору "союзной власти", все больший слой людей, в принципе не видящих себя вне Союза. Но, как все процессы, способствующие "укоренению" официальной идеологии и советской системы, он имел и свою обратную сторону, ибо рост русскоязычного населения означал постоянный рост антирусских настроений.

Антирусская направленность складывающегося "антиофициального" идеологического комплекса - естественна. Эстонец ощущает свой народ народом "европейским", культурным, интеллигентным, умеющим хорошо трудиться, но, к сожалению, маленьким и попавшим под власть глупой, грубой, полуазиатской русской силы. Тийт Маде, один из создателей народнофронтовского движения, напишет в статье, опубликованной в "Свенска Дагбладет" и вызвавшей громадных масштабов скандал: "Редко можно найти приятного, дружелюбного и добродушного русского. Их почти нет ... Агрессивность, необходимость показать силу и выдавание чужих успехов за свои ... Даже в любви проявляется агрессивность, насилие. После изнасилования женщины приходят любовь и наслаждение ... Русские сами должны почувствовать, что империя распадается. Надо чтобы они испытали потрясение и поняли, что не являются г-нтрмом земли"²⁸. Ясно, что эта выплескивающаяся наружу ненависть, накапливалась годами, отнюдь не в период "перестройки", а тогда, когда, как писал эстонский поэт и народнофронтовский публицист Яан Каплинский, "мы были вынуждены молчать и симулировать большую любовь и благодарность к своему могучему партнеру"²⁹.

Но если русские вообще, русские в России, еще могут вызывать и какие-то положительные чувства, то русские в Эстонии, "мигранты", это живое и

непосредственное воплощение угрозы для национального будущего, самого существования нации, вызывают лишь ненависть, брезгливость и страх. В этих чувствах национальный аспект (русский - "поработитель", эстонец - "порабощенный", русский - "полуазиат", эстонец - "европеец") сочетается с "классовым" (эстонец скорее интеллигент, бюрократ или земледелец, русский - рабочий или техник). Эстонский эмигрант, американский исследователь Тену Пармит пишет: "... все более заметна тенденция использовать русских иммигрантов как козлов отпущения. Во многих аспектах эти иммигранты стали символизировать московское правление в Эстонии. Поэтому их - справедливо или нет - обвиняют, например, в нехватке жилья. Русские стали мишенью бесчисленных этнических шуток. Практически все плохое в Советской Эстонии определяется местными уроженцами как *vene vask* или "русское дело"³⁰.

Этот "антиофициальный" идеологический комплекс, созревший под поверхностью официальной идеологии - относительно единый, в значительной мере - общеэстонский, создававший основу для самого главного политического размежевания последующей эпохи - размежевания по национальному признаку (эстонцы - "русскоязычные"). Но, естественно, в рамках этого общего комплекса существовали различные нюансы, оттенки позиций, которые сочетались с различными психологическими особенностями и социальными положениями лиц, придерживающихся их.

Этот комплекс мог присутствовать в обнаженной, бескомпромиссной форме, когда упор делается на незаконности включения Эстонии в СССР (результат насилия и сговора двух разбойников - Сталина и Гитлера) и соответственно - аморальности соглашения с результатами этого беззакония. Это - позиция диссидентских группировок, обращающихся с разными воззваниями к Западу и ООН, распространяющих "самиздат" и периодически устраивающих митинги в День независимости Эстонии и в годовщину пакта Молотова-Риббентропа, позиция людей, отказавшихся от карьеры в советском эстонском обществе. Эти люди по своей психологии и своей "функции" - революционеры, но, поскольку они действуют в обществе, возникшем революционным путем, чья официальная идеология формально революционна, их идеология находится

в резком противоречии с их ролью и психологией. Это революционеры - "консерваторы", отвергающие строй и одновременно - отвергающие революционные методы борьбы, отрицающие систему, давно переставшую быть революционной, из-за ее прошлой революционности. Людей этих - не так много³¹, но их бескомпромиссная моралистическая позиция оказывает большое влияние.

Этот же комплекс у лиц с более устойчивым социальным положением присутствует в более мягкой, "либеральной" форме. И наконец, у верхушки, у людей, чей статус прямо связан с официальной идеологией, он - в самом умеренном и скрытом виде. Если диссиденты - революционеры - "консерваторы", то это - консерваторы по своей психологии и функциям, вынужденные имеено в силу своего социального консерватизма принимать формально революционную официальную идеологию. Но в яркой ли, диссидентской, форме или смягченной и скрытой, "антиофициальный" комплекс распространен повсюду. Как писал уже упоминавшийся Я.Каплинский, все были "коллораборационисты" и все были в "сопротивлении". Естественно, это в такой ситуации существовало как противостояние "радикалов", "умеренных" и "консерваторов", так и элементы взаимодействия и поддержки радикалов со стороны людей, занимающих "солидное" и даже высокое положение. Это проявилось в событиях лета-осени 1980 г.

23.08.1980 г. в годовщину пакта Молотова-Риббентропа диссидентские группы организовали в Тарту и Таллинне относительно большие митинги, которые были разогнаны КГБ и милицией и повлекли за собой серию арестов. После этого группа из 40 видных эстонских интеллигентов, испытывающих чувство сострадания к людям, арестованным за высказывание вслух того, что думали и они сами (и очевидно, чувство вины перед ними), зафиксировала эту позицию в "Открытом письме об Эстонской ССР" (газетам "Правда", "Рахва Хяэль", "Советская Эстония"), которое, естественно, в этих газетах опубликовано не было, но распространялось в "самиздате" и на Западе. В письме - перечисление всех национальных проблем эстонцев (уменьшение их удельного веса в населении, сужение сферы применения эстонского языка и т.п.) и призыв "дать уверенность в том, что коренное население Эстонии всегда будет иметь право решающего голоса в вопросах, касающихся будущего своего народа и своей земли"³². Между позицией диссидентов и интеллигентской либеральной оппозицией - и "разрыв", качественные различия, и связи, "континуум". Диссиденты - вне рамок легальности, либералы - "строго" в этих рамках.

Диссиденты рискуют тюрьмой, либералы-интеллигенты, которым куда больше "есть что терять", рискуют должностями, поездками за границу, партийными выговорами. Либералы отмежевываются от диссидентов и поддерживают их. Но "континуум" продолжается и дальше. Занимающие наиболее видное положение интеллигенты отказались подписать письмо 40, Как пишет один из авторов письма, Рейн Руутсоо, "они утверждали (и не безосновательно), что сохранив свое положение, они смогут сделать больше, даже защитить тех, кто связан с письмом"³³. И наконец, были представители партийной бюрократии, которым никто и не думал давать письмо на подпись, но которые "упорно, хотя и завуалированно старались облегчить участь авторов воззвания"³⁴. От "революционных" диссидентов до "консервативной" партийной верхушки - "континуум", ибо диссиденты - это лишь крайнее и "чистое" выражение общезстонского идеологического комплекса, ибо стремление освободиться от Москвы и угрозы "мигрантов" - у всех, и "вверху" и "внизу". Это общее стремление - основа для последующего политического единства эстонцев, но одновременно здесь - и зарождение последующих партийно-политических размежеваний, ибо, как ни едины "верхи" и "низы" в своей нелюбви к Москве и русским мигрантам, людям, сидевшим в тюрьмах, и людям, сидевшим в креслах и лишь смягчавшим их приговоры, трудно затем быть в одних рядах.

* * *

Все сказанное выше относится к эстонскому населению. Но последующая демократизация означала актуализацию политического потенциала психологически и культурно очень изолированного от эстонцев, прежде всего - языковым барьером³⁵, русского населения. Что же это за потенциал?

Прежде всего, надо отметить, что русская община - значительно менее культурна, чем эстонцы. Удельный вес гуманитарной и творческой интеллигенции здесь совершенно ничтожен, и когда в дальнейшем идет демократическая политизация русских, она идет под руководством оказавшихся естественными лидерами инженеров и директоров предприятий, которым значительно труднее формулировать и отстаивать свои позиции, чем социологам, историкам и писателям из эстонских лидеров. Эта община в целом значительно меньше размышляла над общественными проблемами, чем

эстонцы, и у нее просто меньше накопленного потенциала, который рвется наружу у эстонцев и прорывается с приходом "перестройки".

Националистические настроения в этой общине очень слабы - и в силу ее "негуманитарного" социального состава, и в силу того, что это - община мигрантов, противостоящая "коренным", не делающим больших различий между не говорящими по-эстонски собственно русскими и украинцами или евреями (Академик Пальм рассказал в одном из своих выступлений о профессоре-еврее, которого в домоуправлении обозвали "русской собакой")³⁶, не спаянная общностью крови и почвы и действительно не имеющая больших культурных различий, связанных с разным этническим происхождением³⁷. Наоборот, специфически советский "русскоязычный" интернационализм, связанный с коммунистической идеологией, в ней очень силен. И потому, что позиции коммунистической идеологии у русских вообще значительно сильнее, чем у эстонцев, и потому, что само пребывание этих людей в Эстонии связано с единством Советского Союза, вне которого большинство "русскоязычных" жизни просто не представляет. Характерно, что с Эстонией свое будущее в 1986 г. связывали только 55% русских. Если среди эстонцев прежде всего представителями своей национальности, эстонцами, ощущали себя 73%, прежде всего советскими людьми - 10%, то среди русских первых - только 15%, вторых - 78%. Свое национальное окружение предпочитали 79% эстонцев и только 27% русских. Считали, что национальность товарища по работе и соседа - "важна", у эстонцев 90 и 82%, у русских - 49 и 37%³⁸. Все это - та психологическая почва, которая сделала возможным, что лидером русских рабочих в Эстонии стал еврей Е.Коган.

Естественно, что у такой общины нет той же подавленной, но мощной антипатии к эстонцам, какая есть у эстонцев к "русскоязычным" мигрантам. Отношение здесь - не "симметричные". Эстонский язык мигранты, действительно, знают значительно меньше, чем эстонцы - русский (впоследствии у эстонцев даже возникает шутка "тот, кто знает два языка - националист, тот кто знает один язык - интернационалист"), но это связано скорее с жизненными, социальными причинами, чем с каким-либо пренебрежением. Опрос 1987 г. показал, что хотя хорошо знали эстонский только 17% (кое-как изъяснялись еще 34%), но хотели знать язык - 78%³⁹. Для не очень образованной мигрантской общины, в которой лишь 55% связывает свое будущее с Эстонией - это очень большой процент. Они значительно меньше, чем эстонцы, склонны ощущать национальные отношения как напряженные, и значительно более оптимистично

смотрят на их будущее развитие. Так по данным 1986 г. среди эстонцев 2 считало, что национальные отношения улучшаются и 37% - что ухудшаются, в будущем они будут улучшаться, считало 16%, ухудшаться - 37%, у неэстонцев (т.е., в основном - русских) соответствующие цифры - 48% и 14%; 58% и 9%⁴

Более того, как показывают дальнейшие события и последующие опросы в русской общине было значительное меньшинство, вообще готовое встать на "эстонские позиции" (вплоть до перспективы отделения от СССР соответственно - перспективы оказаться "за границей"). В какой-то мере это проявилось уже в "доперестроечные времена". Характерно, например, что при смешанных браках большинство детей выбирают эстонскую национальность среди участников эстонского диссидентского движения очень часто встречаются русские фамилии - дети от эстонских матерей⁴¹. Отчасти это связано с влиянием эстонской среды - опросы показывают, что русские - уроженцы Эстонии ближе по своим оценкам к эстонцам, чем к мигрантам, хотя сохраняются очень большие различия⁴². Но, очевидно, играет роль и другой фактор - в русской общине также накапливается "отрицательный потенциал" (хотя и медленнее, чем у эстонцев), принимающий здесь зачастую форму сочувствия эстонцам, перехода на их позиции.

Впоследствии все эти характеристики сознания русской и "русскоязычной" общины проявятся в ходе политизации, которая будет по сути, чем политизация эстонцев, будет обладать "вторичным" и "реактивным" характером, будет скорее неумелой обороной от во многом неожиданного для русских "антимигрантского наступления, прибегающей к выходящим из употребления, "старомодным" звучащим и неэффективным "интернационалистским" и "социалистическим" лозунгам, и отнюдь не создает того же политического единства эстонских и русских в противостоянии "Тоомпеа", которое характерно для эстонцев, поскольку они противостоят "Москве".

1 Для Эстонии это, очевидно, еще более характерно, чем для Литвы и Латвии, ибо эстонское общество было более стабильным. Пятсовская диктатура, сохранившая парламентские институты, была значительно более "мягкой", чем диктатура Ульманиса или Сметоны, национальные и социальные конфликты здесь были слабее, чем в Литве и Латвии, жизненный уровень - выше и литовского, и латвийского, и финского (о русском мы уже не говорим), причем в конце 30-х гг. Эстония вступила в полосу нового экономического подъема. Коммунистическая партия, сильная в Эстонии в 1917 г., после попытки переворота в 1924 г. находилась на нелегальном положении и к 1940

- г. в Эстонии было лишь 133 члена КПЭ. (см.: Jaan Pennar. "Soviet Nationality Policy and Estonian Communist Elite" in "A Case Study of a Soviet Republic. The Estonian SSR". Boulder, CO, 1978. P.113).
- 2 Очень характерно, что увеличение сейчас контактов с близкими по культуре народам наших восточных республик странами - Афганистаном, Ираном, Турцией способствует скорее "просоветским" настроениям. Эстонцы же всегда сравнивали свое положение прежде всего с положением богатых и демократических скандинавских стран, особенно - Финляндии.
 - 3 В 1941 г. было депортировано 10157 человек, в 1949 - 20702 человека. Цифры депортированных приведены в статье Э.Лаапа "Чтобы заполнить некоторые пустоты" ("Радуга". 1988. N 5. С. 66-67.) См. также: "Советская Эстония". 14.11.1990г. С.3, "Эшелоны, ушедшие на Восток" (беседа с архивистом Х.Урвасте). Разумеется, депортация не означала обязательной гибели. Большинство депортированных затем, при Хрущеве, вернулось в Эстонию. Сейчас они объединились в особую организацию узников сталинских лагерей - "Мементо".
 - 4 Tooni Rarming. "Population changes and processes" in "A Case Study of a Soviet Republic. Estonian SSR". P. 25.
 - 5 Многие из них сражались в годы войны в рядах Эстонского стрелкового корпуса, ветераны которого заполнили практически все командные места в ЭССР. В 1949 г., по данным Я.Пеннара они составляли 98% лидеров партии и 83% руководства Советов. Jaan Pennar. Ibidem. P. 113. Сейчас это поколение умирает и некрологи, печатающиеся в "Советской Эстонии", дают представление о громадной роли эстонцев - выходцев из России в 40-е - 50-е г.г. Более половины некрологов, напечатанных в 88-91 г.г. - на людей, родившихся вне Эстонии. См., например, некрологи, напечатанные 11.05.1988 г. (О.Рупски, бывший министр связи, род. в 1913 г. в Ленинграде); 27.07.1988 г. (Х.Петерсон, бывший директор издательства ЦК КПЭ, род. в 1926 г. в Ленинграде); 6.12.1988 г. (В.И.Клаусон, бывший Предсовмина, род. в 1914 г. в поселке Толмачево под Петербургом); 28.12.1988 г. (Густавсон, глава Совета ветеранов партии при Таллинском горкоме. Род. в 1900 г. в Нарве, затем жил в России); 27.03.1989 г. (В.Кяо, бывший министр текстильной промышленности, секретарь ЦК и заместитель председателя Совета министров, род. в 1924 г. в Ленинграде); 24.07.1990 г. (В.Ани, бывший первый секретарь Таллинского горкома и министр внутренних дел, род. в деревне под Ленинградом); 8.08.1990 г. (Э.Ойнус, работник аппарата ЦК КПЭ, род. в 1933 г. в Волковстрое).

- 6 Даже в 1989 г. И.Кэбин, - уже давно пенсионер, говорил на очень "нечистом", русифицированном эстонском языке. См: Таммисту К. "Под одну гребенку" "Вечерний Таллинн". 01.08.89 г. С. 2.
- 7 Jaan Pannar, Ibidem. p. 122.
- 8 Jaan Pannar, Ibidem. p. 118.
- 9 В 1971 г. эстонцев было 80% членов ЦК и около 90% министров. См.: Jaan Pannar, Ibidem. p. 117. В газете "Вперед" за 19.04.90 г. С. 3 приведены следующие данные. В Таллиннском горисполкоме - 87,1% - эстонцы (хотя в Таллинне эстонцев только половина населения), в райисполкомах районов с численным преобладанием русского населения, в Ленинском - 93% эстонцев, в Морском - 82%, в Калининском - 66,6%.
- 10 В целом интеллигенции и служащих в Эстонии в 1979 г. было 32% - больше, чем в любой другой республике Советского Союза, кроме Грузии (где также - 32%). Ю.Арутюнян и др. "Социально-культурный облик советских наций". М., Наука, 1986. С. 55. В сфере образования, искусства и науки в ЭССР в 1974 г. было занято 10,5% населения. E.Yarvesoo. "The Postwar Economic Transformation" in "A Case Study of a Soviet Republic. Estonian SSR". Boulder, CO, 1978. P. 136.
- 11 В этом отношении очень интересны данные социального состава работников Академии Наук ЭССР на 31 декабря 1948 г. Из рабочих - 42,4%, крестьян-средняков - 21%, служащих - 19,6%, крестьян-бедняков - 8,8%, ремесленников - 4,9%, богатых крестьян - 1,5%, купцов - 1,3%, промышленников и домовладельцев - 0,4%. См.: Мартинсон К.А. "О формировании научной интеллигенции в Советской Эстонии" (в книге "Проблемы социальной структуры республик Советской Прибалтики". Таллинн, Ээсти раамат, 1978.).

Вот данные о жизни одного из ярких и типичных представителей интеллигенции Эстонии этого поколения. Арнольд Кооп - участник Эстонского стрелкового корпуса, с 1946г. - член КПСС. Сразу же отправлен на партийную работу. Уже в 1960г. он - ректор Тартуского пединститута, в 1968 г. - министр высшего и среднего образования ЭССР, а с 1970 г. - ректор Тартуского университета (См. некролог в газете "Вперед" за 23.03.1988 г. С. 1) Данных об окончании высшего учебного заведения в некрологе нет, но, по словам сотрудников Тартуского университета, А.Кооп заканчивал пединститут, в котором он уже был ректором.

- 12 Так в 1988 г. лиц с доходом более 200 рублей в Эстонии было 33,6%, в то время как в СССР в целом - 17,2%, в России - 22%. См.: А.Ковалев "Кто и почему за чертой бедности" - "Экономическая газета", 25 1989 г. С. 11.
- 13 См.: Riina Kionka. "Estonians" in "The Nationalities Question in the Soviet Union". Ed. by D. Smith. London. 1990. P. 47.
- 14 Кирх А.В., Ярве П.Э., Хаав К.Р. "Этносоциальная дифференциация городского населения Эстонии". "Социальные исследования", 1988, N 3 С. 33.
- 15 "История рабочего класса Советской Эстонии". Таллинн, Ээсти раамат, 1985. С. 498.
- 16 К.А.Мартинсон "О формировании научной интеллигенции в Советской Эстонии" в книге "Проблемы социальной структуры республик Советской Прибалтики". Сборник статей под редакцией Р.Н.Пуллата. Таллинн, Ээсти раамат, 1978. С. 208.
- 17 В "Обращении к народам СССР, к народным депутатам СССР депутатов от Эстонии" в августе 1989 г. говорится: "Это (миграция -Д.Ф.) расценивается большей частью населения как целенаправленная политика, конечным результатом которой является уничтожение нации". "Советская Эстония". 01.09.89. С. 1. М.Титма, бывший в 1988-1990 гг. секретарем ЦК КПЭ по идеологии, говорит в своем интервью как о чем-то само собой разумеющемся: "Это был руководимый из центра процесс ради создания верноподданного населения". ("Советская Эстония". 26.11.89 г. С. 6 "Без шестой статьи". Интервью с М.Титма).
- 18 Для понимания этого процесса надо учитывать во-первых, то, что уже в 30-е годы в Эстонии прекратился, несмотря на все меры правительства К.Пятса, прирост коренного населения (процесс, характерный в XX в. для большинства развитых стран), во-вторых, специфику эстонской культуры и психологии эстонцев - народа крестьян с сильным тяготением к образованию и "чистым" интеллигентским и бюрократическим профессиям. Еще в начале периода независимости англичан О.Раттер, автор книги о прибалтийских государствах, писал о специфической тяге эстонцев к высшему образованию, когда разбогатевшие крестьяне отдавали детей в вузы, в чем он усматривал потенциальный источник экономических трудностей. (O.Rutter. "The New Baltic States and their future". London, 1925. P. 195) На образование Эстонская республика тратила около 20% бюджета (см.: Evald Uustala. "The History of Estonian People". London. 1952. P. 222). К 30-м гг. возникает перепроизводство интеллигенции и "белых воротничков" и нехватка рабочих. В эпоху К.Пятса

правительство вело целенаправленную пропагандистскую кампанию под лозунгом: "Эстонцы не могут оставаться народом крестьян и чиновников", успехи которой были, однако весьма невелики (см.: P.Lossoski. "Kraje baltyskie na drodze ob democracji parlamentarnej do dyktatury". Ossolineum, 1979. P. 265). В результате до войны Эстония ввозила "гастарбайтеров" из более отсталых и бедных Литвы и Польши.

В советскую эпоху сохраняется этот же тип социальной мобильности эстонцев. Они устремляются в бюрократию, в интеллигенцию, сферу торговли и обслуживания. Академик В.Пальм пишет: "... столь свойственное эстонскому крестьянину желание дать своим детям образование превратилось в стремление попасть на "чистую работу" (Виктор Пальм. "Земля и мы". "Эстония: о том, что волнует". Таллинн. 1989. С. 70).

Поэтому можно с большой степенью уверенности предполагать, что если бы Эстония сохранила независимость, она все равно не обошлась бы без "гастарбайтеров" и (если бы при этом Россия не была бы закрытым обществом сталинского типа) это были бы русские "гастарбайтеры". Другое дело, что их могло быть меньше и положение их, несомненно, было бы иным.

- 19 "Советская Эстония". 2.08.1990 г. С. 2-3, "Иоганнес Кэбин вспоминает..."
- 20 Народный Конгресс. Сборник материалов конгресса Народного фронта Эстонии, 1-2 октября 1988г. Таллинн, Периодика, 1989. С. 124.
- 21 Вот некоторые биографические данные крупных политических деятелей современной Эстонии, которые сейчас - борцы за независимость. Теперешний премьер Э.Сависаар кончил историческое отделение Тартуского университета, кандидат философских наук, в 1969-70 гг. - инструктор Тартуского горкома ЛКСМЭ ("Советская Эстония". 25.08.89. С. 1).

Клара Халлик, депутат Верховного Совета СССР, отец - русский рабочий, погибший на войне. Мать - эстонка. Училась в педагогическом институте в Тарту, в 22 года - секретарь Тартуского горкома ЛКСМЭ, в 23 года - секретарь ЦК ЛКСМЭ, окончила аспирантуру в Академии общественных наук при ЦК КПСС, кандидатская диссертация - "Культурные связи Эстонии с братскими республиками в 15 послевоенных лет". См.: "Всегда была сама собой" (интервью с К.Халлик). "Советская Эстония". 12.05.89 г. С. 2.

Секретарем комитета ЛКСМЭ Тартуского университета был М.Титма, затем - доктор философских наук, вице-президент Советской социологической ассоциации, директор Института философии, социологии и права и сейчас - крупный политический деятель Эстонии ("Советская Эстония". 08.12.88 г. С. 1).

Самая яркая фигура в этом отношении - ставший видным и очень радикальным деятелем НФЭ депутат Верховного Совета Эстонии Э. Лейссон, бывший "комсомольским вожаком" эстонского строительного отряда на БАМе, который еще в 1986г. не был принят в КПСС, ибо, если верить его "соратникам" по стройотряду, при изложении биографии скрыл бывшие у него сущности ("Советская Эстония". 25.03.89 г. С. 3 "Мышление, опыт, ответственность Энна Лейссона" (открытое письмо бывших членов отряда "Комсомолец Эстонии").

22 Авду Тальме. "Деятельность компартии Эстонии по развитию высшего образования в ЭССР (1966-1975 гг.)". Таллинн, 1989. С. 76.

23 Очень любопытно одно место из интервью Яана Аллика, сводного брата М.Лауристин. * Я.Аллик: ... Марью всегда была тесно связана с кругами эстонской высокоинтеллектуальной элиты - художниками, писателями, очень умными людьми ... Интервьюсер: ... из уст в уста передается, что Марью решила оставшуюся жизнь посвятить исправлению ошибок своего отца. Я.Аллик: - Вряд ли она когда-нибудь сказала об этом вслух. Но подсознательно это логично: должен же кто-то эти просчеты исправлять, а для нас с нею это - дело чести" ("Вечерний Таллинн". 6.11.1989. С. 2, "Стоит ли заниматься политикой?" наш собеседник - член Бюро ЦК КПЭ Яан Аллик).

24 Вне зависимости от идеологических и политических оценок, которые он дает, преемственность идеологического взрыва 88-89 гг. и идеологии предшествующего периода хорошо передана в речи лидера ОСТК В.И.Ярового на первом съезде народных депутатов: "... если раньше об этом (о том, как было хорошо до 1940 г. -Д.Ф.) говорилось шепотом, в уютных кафе, в тишине творческих мастерских, то теперь заявляется громогласно, так, чтобы услышал весь мир". "Советская Эстония". 08.06.89 г. С. 2.

25 Вот примеры действия этого психологического механизма. Из речи академика Э.Липпмаа: "Не было пустых прилавков, талонов на сахар и мыло. Марка и крона были свободно конвертируемой твердой валютой". "Советская Эстония". 02.02.90 г. С. 1. Из выступления на учредительном съезде Народного Фронта художника Э.Пылдрооса (в тот момент - члена Бюро ЦК КПЭ, что придает выступлению особое значение): "Ведь была когда-то Эстония, которой была свойственна ухоженность и порядок, чистые дома, ровные грядки, в которой бесхозяйственность служила предметом насмешек. Был эстонец - трудолюбивый, честный, упорный. А теперь задумаемся на секунду, сколь часто мы поступаем так, как никогда бы не поступили в 1940 году ..."

(Народный конгресс. Сборник материалов конгресса НФЭ, 1-2 октября 1988 г. Таллинн, Периодика, 1989. С. 93).

- 26 "Вам предстоит уже через несколько дней разъяснить, в том числе и тем, кто в 1940 г. топорами рубил наши книги - научные и детские, что мы - народ многовековой культуры ... В Эстонии всегда работали на совесть, пока нам не разъяснили, что важен не результат, важны показатели ... Мы не хотим ..., чтобы Эстония превратилась в свиноводческий комбинат союзного значения или в мельницу для помола фосфоритной муки ... Я хочу, чтобы вы передали в Москве, что эстонский народ никогда не согласится разделить судьбу вепсов и карелов". (Из речи А.Данилсона на проводах делегатов XIX партконференции. "Советская Эстония". 21.06.1988 г. С.1).
- 27 Эстонская реакция на это нашла выражение в частности, в напумевшей в 1988 г. статье М.Хинга: "Проблемы двуязычия: взгляд без розовых очков" ("Эстония: о том, что волнует". Таллинн, 1989), где выдвигается тезис, что раннее двуязычие ведет к порче обоих языков и замедляет интеллектуальное развитие ребенка.
- 28 "Советская Эстония" 08.08.89 г. С. 3. Тийт Маде был очень быстро и энергично "заклеймен". Специальное заявление по поводу его статьи сделал Консультативный совет общественных движений и организаций Эстонии (в него входят Народный фронт, Республиканский совет профсоюзов, союзы врачей, художников и ряд других организаций) "Советская Эстония". 10.08.89 г. С. 3. Т.Корк на заседании Верховного Совета говорил, что Т.Маде "взял на себя функции провокатора сталинистов ... его философия - философия жулика" ("Советская Эстония". 11.08.89. С. 3). Но уже в сентябре на 15 пленуме ЦК КПЭ Я.Аллик говорит о том, что из Маде телевидение и эстонская пресса сделали народного героя. "В демократических странах Европы, - говорит Я.Аллик, - политическая карьера Т.Маде закончилась бы навечно. А у нас?" ("Советская Эстония". 03.09.89. С. 1). Ответ на этот вопрос был окончательно дан во время выборов в Верховный Совет Эстонии, когда Т.Маде, к тому времени - создатель Партии предпринимателей, был избран депутатом.

Психологически очень интересны отношения Т.Маде и лидера "интеров" Е.Когана. Когда была попытка официально осудить Е.Когана и Ярового на собрании группы депутатов от Эстонии, Т.Маде был против. Е.Коган говорит о нем: "Как это ни парадоксально, Т.Маде ведет себя честнее других. С ним можно дискутировать". ("Советская Эстония". 30.09.89. С. 2, "Тринадцать вопросов Евгению Когану").

- 29 "Вперед". 25.02.89.
- 30 Tonu Parming. "Population Change and Processes" in "A Case Study of a Soviet Republic. Estonian SSR". P. 56.
- 31 Руководитель эстонского КГБ Рейн Силлар заявил, что в 1970-89 гг. в Эстонии за антисоветскую агитацию осуждено около 20 человек. "Советская Эстония". 3.08.1990. С. 2, "Интервью с Рейном Силларом". Разумеется, людей, связанных с ними и так или иначе "проходивших" по процессам было значительно больше.
- 32 "Радуга". 1988. N 7. С. 43.
- 33 Рейн Руутсоо. "История "письма 40". "Радуга". 1988. N8. С. 50.
- 34 Рейн Руутсоо. Ук.соч., С. 47.
- 35 По данным исследования 1986 г. среди русских свободно владели эстонским 12%, не владели - 3% (Каарел Хаав, "Главная черта интернационалистского национального сознания - национальная терпимость". "Радуга". 1988. N 7. С. 71). Опрос 1987 г. дал несколько иные цифры - свободно владеют эстонским 17% русских, не владеют - 24% (Елена Балясная. "Проблемы приобщения русскоязычного населения республики к культурной жизни Эстонской ССР". "Радуга". 1989. N 3. С. 84).
- 36 Народный конгресс. Сборник материалов конгресса Народного фронта Эстонии, 1-2 октября 1988г. Таллинн. Периодика, 1989. С. 82.
- 37 Как видно из данных исследования 1986 г., приведенных в статье К.Хаава, при очень больших различиях в отношении к самым разным вопросам между эстонцами и русскими, никаких четких различий между русскими и "другими неэстонцами" обнаружить нельзя.
- 38 Каарел Хаав. Ук. соч. С. 73-79.
- 39 Балясная Е. Ук. соч. С. 84.
- 40 Яан Ребане. "Основные черты национальных процессов в Советской Эстонии". В книге: "Эстония: о том, что волнует". Таллинн, 1989. С. 22.
- 41 Это отмечают эстонские эмигрантские исследователи Тену Парминг и Р.Таагепера. См.: "A Case Study of Soviet Republic. Estonian SSR". P. 56,82.
- 42 Так по опросу, проведенному в декабре 1989 г., с утверждением - "участие эстонцев в событиях 1940 г. было незначительным" согласилось 20% мигрантов, 26% русских - уроженцев Эстонии и 86% эстонцев, с утверждением "не вижу ничего кроме ухудшения" (в результате вхождения в СССР) - 3% мигрантов, живущих в Эстонии до 10 лет, 4% - более 10 лет, 10% уроженцев и 57% эстонцев. "Советская Эстония" 08.05.90. С. 2.

II. ЭПОХА "ГЛАСНОСТИ" (до выборов народных депутатов СССР).

Перестройка, разумеется, не "свалилась с неба" она была подготовлена всем процессом дезинтеграции тоталитарной системы, который шел во всем СССР, в том числе и в Эстонии. Но тем не менее перестройка была неожиданностью. Неожиданность эта - двоякого рода, связана с двумя причинами.

Во-первых, перестройка раскрыла, "высветила" колоссальный разрыв между социальной реальностью и ее "отражением" в общественном сознании. Она происходит в обществе, "тотально" не представляющим своих собственных социальных процессов. Диссидентские группировки (и в Эстонии, и в России) и "кухонное" интеллигентское подполье накануне перестройки не видели перед собой никакой ясной перспективы, не имели никакой ясной программы действий. Меньше всего они ожидали, что реализующие их мечты демократические реформы придут "сверху", от генерального секретаря ЦК КПСС (и если, как это несомненно, основные "перестроечные" идеи возникли и у Ю.В.Андропова и его окружения, то просто от КГБ). Но несомненно, что и Горбачев и его соратники (и их эстонские "эквиваленты"), переходя к новому, революционному курсу, тоже лишь очень смутно представляли себе его последствия и факторы, влияющие на его осуществление.

Во-вторых, в перестройке есть и элемент "реальной неожиданности", ибо победа реформаторского курса именно в 1985 г., разумеется, связана с сугубо субъективными и случайными факторами, предвидеть которые было бы нельзя даже при самом глубоком понимании советской социальной реальности¹. Естественно, что в Эстонии эта неожиданность перестройки была еще большей, чем в Москве или Ленинграде, ибо, хотя социальные процессы, ведущие к перестройке, в Эстонии шли ничуть не менее, а скорее более интенсивно, чем в России, к тем "верхушечным процессам", к борьбе в непосредственно правящей верхушке, которая привела к победе М.С.Горбачева и его курса, Эстония, насколько можно судить, никакого отношения не имела.

Перестройка - процесс реформ, который постепенно перерастал в "революцию" ибо реформы в конце концов приняли характер "стихийного",

естественного процесса, идущего не по какому-либо заданному плану, необратимого и приведшего к радикальным изменениям самих механизмов прихода к власти и ее распределения. Как и любая революция, перестройка представляет собой процесс выхода на поверхность накопившегося "отрицательного потенциала" (только в отличие от революций типа революции 1917 г., этот выход в определенной мере "спровоцирован", клапан в котле начал открываться до того, как возникла угроза, что пар разнесет его стены) - и того "отрицательного потенциала", который накопился в "подсознании", когда люди начинали все более искренне и громко говорить о том, о чем раньше решались лишь думать или говорить в узком кругу (или даже и думать не решались), и того "отрицательного потенциала", который связан с приходом к политической жизни и к участию в распределении власти новых социальных слоев, раньше не участвовавших в политике и спокойно "дремавших" на дне общества. Этот выход "отрицательного потенциала" идет по нарастающей и то, что казалось немыслимым в 1987 г., становится нормой в 1988 г., а то, о чем в 1988 г. могли говорить лишь отчаянные "экстремисты", в 1989 г. становится общим местом в речах консерваторов², и прекратится только тогда, когда вся подавленная "злоба" выразится в каких-то громко произнесенных словах и в совершенных действиях и наступит, опять-таки, как это всегда бывает при революционных процессах, психологическое "опустошение" и "похмелье".

Выход наружу накопившегося отрицательного потенциала создает "заданность" процесса, его как бы "планомерность", которая может интерпретироваться как настоящая планомерность, как "заговор". Как мы увидим впоследствии, именно так стали интерпретировать события в Эстонии многие сопротивляющиеся эстонскому национальному движению представители русского меньшинства, "интеры". Видя логику, последовательность процесса, ведущего от первых робких требований несколько большей самостоятельности до провозглашения независимости, они приходят к довольно логичному выводу, что независимость и "реставрация капитализма" были изначально сознательными целями, к которым добивались эстонские лидеры (а перенося эту же логику на весь Советский Союз, доходят до идеи глобального заговора не то во главе с А.Н.Яковлевым, не то просто заговора ЦРУ). Интересно, что в какой-то мере (опять-таки мы увидим это впоследствии) им "подыгрывают" их противники, которые задним числом начинают изображать свою деятельность как целенаправленную, "романтизировать" ее. Но хотя одни могут говорить: "Они вынашивали планы", а другие даже подтверждают это, говоря: "Мы

вынашивали планы", историческая реальность - менее "романтична" и действия людей - менее сознательны. Целенаправленность процесса создает не наличие плана, а выход наружу накопившегося отрицательного потенциала, накопившейся "злости". Каждый раз люди думают о конкретных ближайших целях, но пока отрицательный потенциал не израсходован, он заставляет при достижении этой конкретной цели, еще недавно представлявшейся пределом мечтаний, ставить следующую более радикальную цель. Кроме горстки диссидентов, никто в Эстонии в 1987-88 гг. не строил планов достижения независимости и "реставрации капитализма" (и диссиденты думали об этом скорее "мечтательно", без конкретного и реалистического плана). Самые знающие и думающие люди не предполагали утраты коммунистами власти почти до того самого момента, когда она произошла³. Но образ независимой "буржуазной" Эстонии был "на дне души" едва ли не у каждого эстонца и "рвался наружу", создавая не сознательную, "заговорщическую", а стихийную, бессознательную целенаправленность.

Выход наружу "отрицательного потенциала" в "революционные" 1987-1990 гг. принял крайне быстрые и "лавинообразные" формы. И тем не менее, в этом процессе можно выделить (естественно, в какой-то мере условно) определенные этапы. На наш взгляд, таких этапов - три. Первый этап начинается с подъема общественного движения в 1987 г. и кончается первыми свободными выборами народных депутатов СССР. Второй - охватывает период от этих выборов до победы некоммунистических (и даже антикоммунистических) сил на выборах в Верховный Совет Эстонии. Третий продолжается до сих пор. На основании чего мы выделяем именно такие этапы? Как нам представляется и как мы стараемся показать в дальнейшем, на каждом из этих этапов наряду с "общеперестроечными" закономерностями, "общеперестроечной логикой" (как логикой общесоюзных процессов, так и логикой специфически эстонской), действуют и свои особые закономерности, особая логика. В частности, на первом этапе существует значительная и все расширяющаяся свобода слова, но еще нет демократической, выборной борьбы за власть (и более того, наступление, и очень скоро, эпохи такой борьбы за власть даже и не предвидится). Естественно, что такая ситуация создает особые формы политической организации и особые механизмы политической социальной мобильности.

Так как у политических организаций этого периода еще нет "своего", независимого от партийной элиты, пути прихода к власти, эти организации

действуют или как организации "экспрессивные" (организации, являющиеся преемниками диссидентских групп), или как "группы давления" на верхушку. Но хотя независящего от партийной элиты пути прихода к власти еще нет, "национально-либеральная" часть эстонской партийной элиты в это время, опираясь, очевидно, на поддержку Москвы и используя давление новых организаций и движений, избавляется от "консервативной" части руководства и "расступаясь", принимает в свои ряды лидеров новых движений. Таким образом, для этого этапа характерен особый, переходный и компромиссный путь социальной политической мобильности - лидеры новых движений выдвигаются посредством уже новых, демократически-популистских механизмов, но их вхождение в правящую верхушку, допуск к власти осуществляется еще "по-старому", их кооптацией партийным руководством.



Первыми, воспользовавшимися открытыми новой, либеральной, эпохой возможностями и создавшими первую политическую (не коммунистическую) партию Эстонии (так и называвшуюся "партией") были, естественно, эстонские диссиденты, объединившиеся еще в доперестроечное время в "Эстонскую группу предания гласности пакта Молотова-Риббентропа" и все более (по мере уменьшения связанных с диссидентским движением рисков) привлекающие к себе молодежь.

Последняя серия арестов и приговоров диссидентов - 1983-84 гг. С 1985 г. арестов не производится⁴. В 1987 г. после прошений о помиловании с обязательством отказа от враждебной деятельности освобождается целая группа заключенных, в том числе Л.Парек и Т.Мадиссон, (а в 1988 - последние из сидевших - Э.Тарто и М.Никлус). В годовщину пакта Молотова-Риббентропа, 23.08.1987 г. диссиденты во главе с Т.Мадиссоном (уже получившим разрешение на выезд из СССР и вскоре перебравшимся в Швецию) и Л.Парек проводят свою первую крупную акцию перестроечного периода - митинг в таллинском парке Хирве. Как писала в характерной для того времени лексике "Советская Эстония", "участники собрания ставили под сомнение правомочность договора, демагогически, с буржуазно-националистических позиций, трактовали отдельные его положения"⁵. Впоследствии эта демонстрация будет рассматриваться в

радикальной версии истории Эстонии "перестроечной" эпохи, как акт, "пробудивший народ"⁶.

Демонстрация 23.08.1987 г. (одновременно демонстрации были организованы в Литве и Латвии) создает очень большой шум. Ее выехавшие за границу организаторы принимаются на "высоком уровне" в Вашингтоне. Верховный Совет ЭССР специально рассматривает этот вопрос и принимает даже (под председательством А.Рюйтеля) обращение к Конгрессу США⁷. Но деятельность диссидентов продолжается и становится, по мере продвижения процесса либерализации в стране, все активнее. Крупный митинг по случаю годовщины независимости проводится 23.02.1988 г., что побуждает эстонское руководство даже организовать специальный митинг протеста против "американского вмешательства" и деятельности диссидентов, на котором, между прочим, выступал и будущий лидер Либерально-демократической партии, а тогда либеральный руководитель Союза художников Э.Пылдроос.

В августе 1988 г. эти диссидентские группы создают Партию Национальной Независимости Эстонии. Во главе ее встает Л.Парек, и дважды сидевший, в 1966 г. - за применение оружия и в 1976 г. - за попытку перехода границы, художник А.Кокин (Сандер Сисс)⁸.

Создаются и другие группировки, например, Эстонское демократическое движение 1988, отличительной чертой которого является требование возвращения Эстонии небольших кусочков заселенных в основном русскими территорий, отошедших после войны к РСФСР⁹.

Деятельность этих группировок в основе своей - "экспрессивная". В реальной борьбе за власть в этот период они не участвуют (и даже, очевидно, не предполагают, что вскоре будут участвовать). Но это отнюдь не значит, что они не влияют на ход политического процесса.

Кажется поразительным несоответствие "формальной" численной силы этих группировок и того шума, который вокруг них создается, и страха, который они внушают. Что же это за страх перед группками в несколько десятков человек, которых в любой момент можно арестовать, совершенно не опасаясь "народного восстания"? Отчасти, конечно, это страх перед Москвой, перед гневом высшего руководства, которое может сказать: "Вот до чего вы довели республику", и наказать виновных. Без этого страха перед Москвой нельзя объяснить, почему приняты специальные заявления Верховного Совета, почему А.Рюитель 22.03.88 г. считает необходимым в речи по телевидению по случаю якобы Дня Советской Армии (а на самом деле - Дня независимости)

произносить так гротескно звучащие в свете последующих событий и роли в них самого А. Рюйтеля, заклинания: "Некоторые зарубежные пропагандистские службы... в последнее время намеренно обостряют так называемый прибалтийский вопрос... Каждому реалистически мыслящему человеку ясно, что никакого пути назад к Эстонской буржуазной республике нет и быть не может"¹⁰. (Возможно этот страх усугубляется тем, что если раньше диссиденты арестовывались, а эстонская элита могла при этом "разводить руками", то теперь Москва не только не арестовывает, но и явно не одобряет арестов и что теперь делать со все более смелеющими диссидентами - непонятно). Но дело не только в страхе перед Москвой. Дело еще и в том, что простая и прямолинейная логика диссидентов (Эстония - страна, оккупированная в результате сделки Молотова-Риббентропа и все последствия оккупации - незаконны) является предельным выражением общеэстонского "антиофициального" идеологического комплекса. Так же думает подавляющее большинство, вплоть до того же А.Рюйтеля. И когда лидеры ПННЭ говорят о своей идеологии, как о той простой правде, которую другие просто не решаются сказать из страха за свои шкурные интересы¹¹, а о себе самих - как о людях прежде всего честных, не приспособляющихся, не думающих о карьере¹², то в глубине души с этим согласны и либеральные "статусные" интеллигенты и партийные функционеры. Страх перед радикалами-диссидентами - это в значительной мере страх перед людьми, думающими то же, что думаешь ты сам, но сидевшими в лагерях в то время, как ты занимался комсомольской работой и поступал в аспирантуру. По существу либеральные круги не могут противопоставить радикалам-диссидентам ничего, кроме соображений "эффективности", всегда оставляющих место для моральных сомнений (и не только моральных, ибо сомнения могут быть и в том, действительно ли "выйти на площадь и громко сказать всю правду" - не эффективно¹³).

Без понимания этого отношения "либералов" к диссидентам, на основании только слов, проносимых теми и другими и вносимых в разного рода документы, мы никогда не поймем реальной роли диссидентов и ПННЭ в политической истории "перестроечной" Эстонии. Формально в 1988 г. с приходом к власти В.Вяляса и созданием Народного фронта в Эстонии четко и прочно утверждается "официальная" политическая раскладка, по которой НФЭ и "национально-либеральная" группировка в ЦК КПЭ - это центр, который противостоит двум противоположным крайностям - ПННЭ и русским

"интерам". Но такая раскладка скорее удобна, политически выгодна, чем отражает реальность¹⁴. Отношение центра к ПННЭ и "интерам" отнюдь не "симметрично". По словам, фразеологии, различия между либералами и "интерами" ничтожны, а между либералами и ПННЭ - громадны. Но в начале перестройки слова (как это можно было видеть на примере выступления А.Рюителя) имеют еще очень небольшое отношение к реальным чувствам и стремлениям. "Интеры" - враги и не конкуренты в той среде, мнение которой важно для эстонских политических деятелей, т.е. в эстонской среде. Их вражда скорее даже полезна для влияния среди эстонцев. Но ПННЭ - это люди, перед которыми "центр" испытывает чувство вины и комплекс "неполноценности". И это - конкуренты в эстонской среде, которой нужно показывать, что мы стремимся к тому же, что и они, но используем другие - может быть менее чистые, но более эффективные средства¹⁵.

ПННЭ - единственная группировка, в которой изначально слова и стоящие за словами мысли и чувства совпадали. В основном же в ранний период "перестройки" мы все время имеем дело с движениями, чьи формально провозглашенные цели абсолютно не совпадают со стоящими за ними идейными и психологическими реальностями.

ПННЭ - слишком "смелая" и "радикальная" организация, чтобы в этот период стать массовой, и первыми массовыми движениями становятся движения, разворачивающиеся под относительно безопасными и "идеологически нейтральными" лозунгами. Это - движение "охраны памятников старины", оформившееся в Общество охраны памятников старины, и движение зеленых. Оба эти движения - движения, истинный смысл которых прикрыт их формально провозглашенными целями. Как писал о "зеленых" М.Титма: "можно сказать, это был первый случай, когда борьба шла под одним лозунгом, но подразумевала другие цели"¹⁶.

Общество охраны памятников старины, оформившееся в декабре 1987 г. и возглавляемое Т.Веллисте¹⁷, по своей политической ориентации наиболее близко ПННЭ. И это понятно, потому что сама идея охраны памятников прошлого, естественно, досоветского прошлого, и, естественно, памятников,

разрушенных русскими и коммунистами - прекрасный "легальный" выход для антирусских и антикоммунистических настроений. Именно ООПС было основным популяризатором сине-черно-белого национального флага, постоянно присутствие-вавшего на его мероприятиях. Постепенно деятельность ООПС перерастает в деятельность уже не столько по охране, сколько по установлению новых па-мятников - павшим в освободительной войне отрядам "лесных братьев", эстонцам, сражавшимся в дивизии СС и т.д.¹⁸

Второе такое массовое движение - это "зеленое" движение, вспыхнувшее в 1986 г. с громадной силой, основным лозунгом которого, была борьба с планами разработки открытым способом фосфоритных месторождений на севере и северо-востоке Эстонии. Экологическое положение Эстонии было, разумеется, тяжелым, но масштабы зеленого движения в 1987-88 гг. не объяснимы чисто экологической озабоченностью. (Это очевидно явствует из того, что когда эстонское национальное движение победило, экологическая проблематика оказалась отодвинутой на задний план. Вернулись даже к идее разработки фосфоритов, бессмысленность и губительность которой убедительнейшим образом доказывалась во множестве речей и публикаций)¹⁹. Прежде всего это - легальный путь критики Москвы ("произвола ведомств") и "антинационального" эстонского руководства и первый акт борьбы с русской миграцией, без которой строительство новых крупных предприятий, в том числе и разработка фосфоритов, невозможны. При этом антимосковски настроенная часть эстонской партийной бюрократии в своей борьбе за власть с "московскими ставленниками" К.Вайно и Б.Саулом начинает активно использовать экологические лозунги и движение²⁰. Очевидно, не случайно, что еще до падения К.Вайно лидер экологов журналист Ю.Ааре становится делегатом XIX партконференции (первый случай включения в правящую элиту лица, выдвинувшегося через одно из массовых движений, не по "нормальной" бюрократической лестнице). В этой обстановке экологическое движение становится все активнее и его требования приобретают все более четкий политический характер. Летом 1988 г. движение публикует воззвание, где говорится: "Требуем предоставить народу Эстонии реальный экономический, культурный и политический суверенитет! Требуем прекратить необоснованную миграцию и расширение производства! Требуем избрания нового руководства, которое будет считаться с волей народа и действовать в интересах Эстонии!"²¹, и правление ЭЗД принимает резолюцию о необходимости созыва внеочередного

съезда КПЭ, отставки правительства и т.д. (против воли относительно умеренного и уже "кооптированного" элитой Ю.Ааре)²².

Но лето 1988 г. - пик, предельная точка политического влияния движения "зеленых". К 1989 г. появляются признаки его упадка²³. Дело в том, что и охрана памятников и экология - лозунги все же слишком "косвенно" относящиеся к сути дела, чтобы стать основой общенародного движения. Для такого движения нужны были идеи и лозунги, пусть все равно не полностью адекватные реальным настроениям, "робкие" и выдвигаемые "с оглядкой", но все же имеющие прямое отношение к самому стержню эстонской антиофициальной идеологии - стремлению к независимости. И во главе такого движения должны были встать не энтузиасты "частных проблем", а люди с прочным и независимым общественным положением и достаточным весом и в правящей верхушке и в широких массах народа - люди из элиты эстонской интеллигенции. Такой организацией стал Народный фронт Эстонии.

* * *

Первый толчок к созданию НФЭ исходит от группы относительно молодых, энергичных, еще отнюдь не находящихся на первых ролях и готовых к определенному риску эстонских интеллигентов, взявших на себя организационные и "моторные" функции, на которые более старые и обремененные разного рода обязательствами представители интеллигентской элиты были, очевидно, не способны. Это - философ Э.Сависаар, экономист Т.Маде, социолог М.Титма и журналист С.Каллас, опубликовавшие 26.09.87 г. в Тартуской "Эдази" письмо с идеей "хозяйственной самостоятельности Эстонии" и сделавшие в ближайшие годы блистательные политические карьеры²⁴. Как говорил впоследствии М.Титма: "Эту идею тогда поддерживали многие, но рисковать не были готовы. Поэтому под текстом и стояли всего 4 подписи, ... идеи носились в воздухе и вопрос был лишь в том, кто сможет поступиться своим политическим благополучием, выразив идею ... публично"²⁵.

Идее "экономической самостоятельности" было суждено сыграть колоссальную роль в истории Эстонии 1987-90 гг. Идея эта - в духе времени и выглядит тоже относительно "невинно" - если мы за экономическую самостоятельность предприятий, почему не может быть экономической

самостоятельности Эстонии? Между тем идея экономической самостоятельности предприятий и идея экономической самостоятельности Эстонии имеют очень разное значение. Экономическая самостоятельность предприятий - это перераспределение экономической власти, при которой совершенно не имеет значения, является ли министерство эстонским, а директор предприятия - русским, или наоборот. Экономическая же самостоятельность Эстонии - идея прежде всего национальная. Основное перераспределение власти, которое она предполагает - это освобождение от власти Москвы. Как и в лозунгах "зеленых" и общества охраны памятников, здесь говорится об одном, а подразумевается другое.

В 1990 г., когда потребность в камуфляже исчезла, создатели идеи экономического хозрасчета Эстонии будут говорить так: "М.Титма - ... концепция была формой постановки проблемы независимости и суверенитета Эстонии без отхода в явную оппозицию режиму ... С.Каллас - ИМЕ (экономическая самостоятельность Эстонии - Д.Ф.) было скорее камуфляжем. Многие поняли сразу, что на самом деле начинается борьба за самостоятельность"²⁶. Т.Маде (в 1991 г.): "... в сентябре 1987 г. по-другому о путях перехода к суверенитету Эстонии вслух, публично, говорить было нельзя"²⁷. И хотя несомненно, в этих высказываниях есть сильный элемент преувеличения (в 1987 и даже в 1988 гг. еще никто не предполагал, что Эстония через 2 года будет иметь некоммунистическое правительство и провозгласит свою независимость)²⁸, то что "хозрасчетная Эстония" означает большую самостоятельность, больше власти у эстонцев, понять было не трудно. Поэтому эта идея смогла стать основой широчайшего народного движения, включающего и эстонскую партийную бюрократию²⁹.

Популярности этой идеи, безусловно, способствовало и то, что аббревиатура слов "экономически самостоятельная Эстония" по-эстонски звучит как "име", что значит - "чудо". И хотя "московский ставленник" и "стагнант" К.Вайно, скорее всего, был прав, когда сказал на 7-м пленуме ЦК КПЭ в январе 1988 г.: "... сырая идея, выдвинутая к тому же не учеными-экономистами, а социологами и журналистами"³⁰, ибо впоследствии, когда "ИМЕ" начало воплощаться в жизнь, Эстония пришла к грандиозных размеров экономическому спаду (во многом поэтому создатели идеи ИМЕ так упорно и подчеркивают сейчас, что это был только камуфляж национальной идеи), в то время эстонское национальное сознание никаких возражений против "ИМЕ" воспринимать не могло. Вскоре все эстонские ученые начинают восхвалять

"ИМЕ", что создает иллюзию предельной научной разработанности этой концепции всеми светлыми головами Эстонии (при помощи светлых голов Москвы, Швеции и Финляндии)³¹. На 1-м съезде народных депутатов СССР Горбачев в беседе с эстонской делегацией скажет: "У вас скоро появятся стихи о хозрасчете", на что академик В.Пальм ответит: "Хозрасчет - это религия сейчас"³².

Идея "группы 4-х" подхватывается группой более "верхушечных", "истеблишментских", либералов, находящихся в совершенно безопасной социальной позиции - руководителей творческих союзов Эстонии, собравшихся 1-2 апреля 1988 г. на объединенный пленум правления творческих союзов, принявший обращение к XIX партконференции. В обращении - ссылки на ленинские принципы и отрицание угрозы сепаратизма ("... местная бюрократия, ... в нынешней ситуации перестройки ... пытается получить для себя выгоду, спекулируя на угрозе сепаратизма ...") и целая программа реформ: 1) конституционные гарантии прав республик, (При этом, что раскрывает специфически "элитарно-интеллигентский" характер документа, в этом же пункте говорится об облегчении поездок за рубеж и предоставлении права работать за границей); 2) демократизация избирательной системы; 3) обновление кадров; 4) гласность и реформа судов; 5) оценка сталинских репрессий; 6) приоритет в экономической жизни территорий над ведомствами; хозрасчет и самофинансирование республик; 7) использование родного языка "во всех сферах жизни на национальной территории". В обращении говорится также, что стала очевидной неспособность руководства республики в данной ситуации управлять сложными политическими и социально-экономическими процессами³³. В другом документе пленума, "Письме ЦК КПЭ, Президиуму Верховного Совета и Совету Министров ЭССР, творческой интеллигенции ЭССР", говорится, что "пленум считает само собой разумеющимся, что в своей деятельности правительству ЭССР следует считать задачей первостепенной важности потребности сохранения и развития эстонского народа..." Далее перечисляются 16 конкретных предложений, в том числе достижение "отрицательного сальдо" иммиграции, целый ряд предложений, касающихся развития эстонской культуры, "никаких разработок новых месторождений, расширения прибалтийской ГРЭС, строительства нефтеналивного порта и т.д." В конце письма "... пленум выражает недовольство деятельностью первого секретаря ЦК КПЭ К.Вайно и председателя Совета Министров Б.Саула"³⁴ (Немного позже отставки руководства официально потребуют и "зеленые").

Документы Объединенного пленума в тот момент опубликованы не были (публикуется лишь отчет о пленуме). Но, естественно, что вся Эстония о них знала, тем более, что 22 апреля состоялось бюро ЦК КПЭ с участием руководителей творческих союзов, отчет о котором был опубликован через 5 дней, где неоднократно говорилось об этих документах и о том, что их публиковать нельзя³⁵.

Таким образом, идеи группы 4-х получают поддержку у лиц и организаций с абсолютно "непоколебимым" общественным положением. Практически несомненно также, что поддержка была и со стороны влиятельной части эстонской партийной элиты, уже готовой, как показали последующие события, сбросить К.Вайно. Наверняка, из этой части элиты группа 4-х и руководители творческих союзов получали какие-то ободряющие "сигналы", без чего все-таки трудно себе представить, чтобы руководители союзов решились выразить недовольство конкретно К.Вайно и Б.Саулом. Эта мощная поддержка и со стороны общественного мнения, и со стороны интеллигентской элиты и из среды партийной элиты дает возможность сделать следующий крупный шаг.

Через неделю после объединенного пленума по телевидению выступает Э.Сависаар и выдвигает идею создания "Народного фронта" - массовой организации в поддержку перестройки. Создается Инициативный комитет Народного фронта во главе с Э.Сависааром и М.Лауристин.

Рейн Вейдеман, один из лидеров НФЭ, позже писал: "Теперь наверное, всем ясно, что Народный фронт - это тот спасательный круг, который народ сам для себя сделал и сам за него ухватился"³⁶. И хотя в этой фразе много политической риторики, она правильно отражает элементы стихийности, "инстинктивности" в создании НФЭ³⁷. Недаром идея "фронт" практически одновременно оформляется во всех прибалтийских республиках и быстро распространяется из них в другие регионы. Что же сделало идею НФЭ столь популярной, столь отвечающей духу времени?

На наш взгляд, это прежде всего соответствующая раннему периоду "перестроечных процессов" идейная и организационная неопределенность.

НФЭ в начале - как бы воплощенная "двусмысленность". Он не противостоит партийной идеологии, напротив, он создан в поддержку курса партии на перестройку и даже сравнивается с разного рода Народными и Отечественными фронтами восточно-европейских стран (хотя очевидно, что при внешнем сходстве реальные функции и направленность эволюции здесь совершенно разные, даже противоположные). Но в то же время он создан не просто для поддержки партии, но именно для поддержки "курса партии на перестройку"³⁸.

Народный фронт - не организация с четким членством, противостоящая другим организациям и прежде всего КПЭ. В ней вообще нет членов. Во главе его вначале - "инициативный комитет", а его первичными организациями являются спонтанно возникающие "группы поддержки". Но есть одно изначально провозглашенное ограничение - в руководстве НФЭ не могут быть руководящие партийные, профсоюзные и пр. работники. Официально - потому, что они уже руководят. Таким образом, под прикрытием поддержки "курса партии" создается организация с независимой иерархией.

Но самая основная "двусмысленность" в Народном фронте - это то, что будучи формально общедемократической организацией - народным фронтом Эстонии, фактически он является национальным фронтом эстонцев. Впоследствии об этом будут много писать и говорить, усматривая здесь "ошибки" ее лидеров. Но, очевидно никаких "ошибок" здесь не было. Дело в том, что стержнем "подпольной" эстонской идеологии были именно национальные проблемы и лишь вокруг них эстонцы могли сплотиться. Национальное чувство было неизмеримо более сильным, чем любые внутриэстонские идеологические размежевания. И хотя прямых и выраженных противоречий национальных ценностей и ценностей демократии - нет, это связано прежде всего с тем, что эстонцы - большинство в Эстонии и сплоченное большинство всегда может демократическим путем диктовать свою волю меньшинству. Потенциально национальные ценности и ценности демократии отнюдь не совпадают и ценности национальные для большинства эстонцев - все-таки выше³⁹. Поэтому стать действительно массовой, более того - общенародной, общеэстонской организацией НФЭ мог лишь как организация по сути своей - прежде всего национальная, хотя формально - прежде всего демократическая, "в поддержку перестройки".

29 апреля бюро ЦК КПЭ, в котором, очевидно, в это время начинают побеждать "национально-либеральные" силы (между прочим, и К.Вайно и

Б.Саул вскоре становятся горячими сторонниками "ИМЕ", что, как вскоре мы увидим, их спасти не могло) принимает решение "... положительно отнестись к движениям, возникшим в поддержку политике партии по перестройке"⁴⁰. Идее НФЭ дается зеленый свет и в считанные недели НФЭ "завоевывает" Эстонию. Уже с июня 1988 г. в Эстонии действует 1100 "групп поддержки". 17 июня происходит первый "смотр сил" НФ - на певческом поле организуются проводы делегатов XIX партконференции, туда приходят 100 -150000 человек. Еще больше людей приходит на организованный НФЭ в сентябре певческий праздник. Под эгидой НФЭ в 1988 г. сплачиваются чуть ли не все эстонцы, люди самых разных политических ориентаций (потенциальных и актуальных). Опрос актива НФЭ, проведенный перед его первым съездом показал, что среди "уполномоченных", избранных "группами поддержки" эстонцев - 91%, русских - 6%, 28% - члены КПСС, 19% - входят в ООПС, 10% - в ЭЗД, 2% - в религиозные общины, 0,2% - в ПННЭ⁴¹.

* * *

Старое высшее эстонское партийное руководство, на которое давят явно - новые общественные движения (кроме критики и требований отставки, выдвигается еще требование созыва внеочередной партийной конференции или съезда) и, очевидно, не явно - "национально-либеральная" группировка партийного руководства и партийное руководство в Москве, пытается "перестроиться", пожертвовав отдельными, наиболее одиозными фигурами, и создать себе новый, "прогрессивный" имидж. 16 января 1988 г. на 7-м пленуме ЦК уходит в отставку секретарь ЦК по идеологии Р.Ристлаан, которого К.Вайно объявит "лично ответственным" за все идеологические неурядицы. На его место приходит И.Тооме (относительно молодой, 1943 г. рождения, но прошедший всю традиционную партийную карьеру работы в аппарате ЦК ЛКСМЭ, таллинском горкоме, затем Совете Министров). Начинается и процесс включения в партийную верхушку активных либеральных интеллигентов. Так, в числе отобранных ЦК КПЭ делегатов на XIX партийную конференцию оказываются лидер экологов Ю.Ааре, академик М.Бронштейн и руководитель Союза художников Энн Пылдрос. Фактически уже при К.Вайно принимаются все основные требования руководства правлений и НФЭ.

Это прекрасно видно уже в речи К.Вайно на IX пленуме ЦК КПЭ в конце мая 1988 г. Речь полна либерально-перестроечной фразеологии ("Перестройка в республике идет. Еще не так быстро, не так заметно, как хотелось бы (в свете последующей судьбы К.Вайно фраза эта звучит довольно смешно - Д.Ф.), но идет... Люди выходят из состояния социальной апатии, нравственно распрямляются, ощущают свое гражданское, национальное достоинство"). К.Вайно готов принять республиканский хозрасчет, признание эстонского языка государственным, признание незаконности высылки 1941 и 1949 гг., ограничение миграции. Об объединенном пленуме правления творческих союзов вообще ничего не говорится, а НФЭ критикуется, но довольно мягко (тезис о недопущении в движение партийных, комсомольских и профсоюзных руководящих работников - "сомнителен"; "как и во всяком новом деле, уже появляется и пена ...", нельзя допустить, чтобы Народный фронт превратился в национальный")⁴². Платформа республиканской парторганизации к XIX партконференции, опубликованная 11 июля (и составленная, таким образом, еще при К.Вайно), включает не только все основные национально-либеральные требования (республиканский хозрасчет, закон о федерации, самостоятельное участие Эстонии в международных организациях по Балтике, демократизации Советов и т.д.), но и ряд очень специфических требований, отражающих, очевидно, особые интересы статусной, богатой интеллигенции - сокращение партаппарата, причем сэкономленные деньги должны идти на повышение окладов для привлечения к партработе "специалистов высокого уровня"; отказ от регулирования социального состава партии, введение единого процента членских взносов и уменьшение их верхнего предела⁴³.

Но отступление и несколько "судорожные" попытки "перестроиться" не спасают К.Вайно - "русский эстонец", очевидно, изолированный в партийной верхушке, и в течении двух недель после IX пленума в эстонских и московских "коридорах власти" развернулись события, конкретный ход которых нам совершенно не известен, но смысл которых достаточно очевиден. И.Тооме, А.Рюйтель и ряд других руководителей "второго эшелона" и "настоящих эстонцев" совершают "государственный переворот". На X июньском пленуме ЦК КПЭ, на котором как представитель ЦК КПСС присутствует Н.Н.Слюньков, К.Вайно снимается (и в соответствии с установленной традицией, направляется на дипломатическую работу) и первым секретарем ЦК становится бывший до этого послом в Никарагуа В.Вялас. В.Вялас - "настоящий эстонец", который был одним из секретарей ЦК при И.Кэбине и который вместо должности первого

секретаря после ухода с поста Кэбина в 1978 г., получил назначение в Латинскую Америку. Москва в это время поставила "русского эстонца" К.Вайно, а В.Вяляс стал знаменем национальной партийной элиты и связанной с ней статусной интеллигенции. По словам Н.Н.Слюнькова на совещании первых секретарей горкомов и райкомов все 21 участник высказались за В.Вяляса⁴⁴.

Уже самые первые официальные заявления Вяляса показывают, что ЦК КПЭ полностью поворачивается к НФЭ и национально-либеральной интеллигенции. На пресс - конференции эстонских делегатов XIX партконференции В.Вяляс говорит: "Народный фронт ... - это не какая-то оппозиционная партия или движение, что-то такое, что не входит в рамки нашей политической системы. Возглавляют это движение коммунисты"⁴⁵.

Новый курс окончательно закрепляется на 11-м, сентябрьском пленуме ЦК. В докладе В.Вяляса - полная и безоговорочная поддержка всех идей НФЭ, о котором говорится, что "предпринимаемые им до сих пор шаги подтверждают внутреннюю культуру и дисциплину, его готовность к подлинной демократии". Вся народнофронтовская программа фактически становится официальной партийной программой. Выдвигается общий принцип - нельзя предпринимать никаких действий, "если при этом игнорируются ... национально-этические последствия для эстонцев". При этом возникающее среди русскоязычного населения "интернациональное движение" объявляется враждебной партией силой и, несмотря на четко национальный характер и программы НФЭ, и той программы, которую сам В.Вяляс выдвигает на пленуме, в его докладе говорится: "Ни одно чисто национально ориентированное движение не должно получать поддержку коммунистов, какое бы звучное название оно не носило, вплоть до интернационалистического". Четко говорится в докладе и о мерах по "перераспределению власти" в партаппарате в пользу интеллигентской верхушки, намеченных в платформе XIX партконференции, прежде всего - увеличение окладов. Только таким образом партийная организация сможет привлечь к себе людей, которые сегодня участвуют лишь в других организациях, обществах, движениях, объединениях, товариществах и может быть, не всегда представляют там интересы партии⁴⁶. И это перераспределение власти происходит тут же, на глазах. Среди выступающих на пленуме - Ю.Ааре, Э.Сависаар, Э.Пылдроос. Академик Б.Таам становится членом бюро ЦК, а Э.Пылдроос вообще совершает немыслимую партийную карьеру (в следующей главе мы увидим ее неожиданный конец). За один день он становится из кандидатов в члены ЦК членом ЦК и тут же членом бюро ЦК.

Процесс смены руководства идет и дальше. Б.Саул, очевидно, был хорошим работником, к тому же успешным за это время основательно "перестроится" (В интервью в июне 1988 г. он говорит, что "в принципе... всегда был за региональный хозрасчет" и если он критиковал ИМЕ, то это потому, что "мы ... не учли в этот момент общего политического значения самой идеи Э.Сависаара")⁴⁷. Поэтому и В.Вялясу и даже М.Бронштейну хочется его сохранить. М.Бронштейн говорит на сентябрьском пленуме: "В.Пальм, мой друг, говорит: "тов. Саул может быть компетентным и хорошим человеком, но социальная психология такова, что ему надо уйти". Но мы же сами творим эту социальную психологию!"⁴⁸. Тогда, на 11 пленуме Б.Саула, который сам поставил вопрос о своей отставке, все-таки оставили на посту. Но "социальная психология" оказалась все же сильнее. Либералы "жаждут крови" и на учредительном съезде Народного Фронта Э.Сависаар произносит замечательную фразу: "...процесс отставки премьер-министра принял необратимый характер"⁴⁹. На VII сессии Верховного Совета в ноябре 1988 г. Б.Саул заменяется И.Тооме, заместителем которого становится Э.Сависаар. На освободившееся же место И.Тооме, секретарем ЦК по идеологии, на декабрьском пленуме ЦК избирается один из подписавших письмо 4-х, на этом же пленуме кооптированный в ЦК, а до этого, тоже в 1988 г. ставший директором Института философии, социологии и права М.Титма⁵⁰.

Если в ЦК можно кооптировать, то с Верховным Советом дело обстоит сложнее. Тем не менее и здесь находятся пути допуска к власти национально-либеральной интеллигентской элиты. При председателе президиума Верховного Совета А.Рюйтеле создаются рабочие группы по подготовке нового законодательства, куда включаются и народнофронтовские лидеры. Но делается еще более интересный ход.

В Верховном Совете ЭССР отказываются от своих полномочий доярка Маарика Кристманн и телятница Ээви Кийк⁵¹, а затем еще два рабочих депутата - случай в истории СССР беспрецедентный - и на эти места на дополнительных выборах избираются Э.Пылдроос, Ю.Ааре, Э.Сависаар, В.Вяляс.

Смена руководства происходит и на низшем уровне. По сообщению бюро ЦК КПЭ в 1988 - нач.1989 гг. сменилось 42% секретарей первичных парторганизаций, 65% членов и треть секретарей райкомов и горкомов. При этом ЦК отметило уменьшение числа рабочих на выборных должностях⁵². Таким образом, 1988 год - год стремительных партийных карьер (о которых вскоре, при новом изменении политической ситуации, многие из сделавших их

пожалуют). Разворачивается та промежуточная между чисто партийно-бюрократической и демократически-популистской политической социальной мобильность, о которой мы говорили выше.

Приход к власти В.Вяляса знаменует начало относительно недолгой "эры добрых чувств". "Сложилось невиданное в нашей истории единодушие ..." - говорит Э.Сависаар⁵³. Народнофронтовцы не жалеют слов для выражения симпатий новому руководству. "... Впервые за многие десятилетия КПЭ стала пользоваться доверием большинства эстонцев" - пишет Х.Вайну⁵⁴. Программа В.Вяляса и программа КПЭ совпадают и, очевидно, возникла даже наивная идея, что НФЭ следовало бы формально признать руководящую роль партии⁵⁵.

Но в НФЭ после июньского пленума отнюдь не возникает тенденций к упадку. Прежде всего - потому, что какое бы хорошее руководство не пришло в КПЭ, все-таки КПЭ - партия, в которой половина членов - русские, которая подчинена Москве и которую слишком сковывает "марксистско-ленинская" идеология, чтобы можно было ожидать, что она превратится в эстонскую национальную партию. Кроме того, уже сложилась группа людей, чей статус непосредственно связан с НФЭ, для которых влияние и мощь НФЭ - это их личные влияние, статус, власть. И если для Титма и Пылдрооса приобретенная ими в движении, вылившемся в создание НФЭ, известность, стала трамплином для перехода в партийную иерархию, то Сависаар и Лауристин прочно связывают себя с НФЭ и вокруг них складывается то, что Э.Корнел (тоже один из на-роднофронтовцев) в статье в "Рахва Хяэль" назвал народнофронтовской "перестроечной элитой"⁵⁶.

Эта элита отчасти совпадает с интеллигентской элитой и лидеры НФЭ стремятся максимально привлечь в свою организацию всех видных эстонских интеллигентов. Но в НФЭ существует и своя, довольно прочная элита руководства, группа тесно связанных друг с другом лиц, образующих своего рода "правлящую олигархию".

Эти процессы видны в организации первого съезда НФЭ в сентябре 1988 г. - крайне торжественного мероприятия в характерно эстонском стиле, начавшегося с грандиозного певческого праздника и открывшегося звуком труб.

На съезд, кроме делегатов от отдельных "групп поддержки" и членов городских и районных "советов уполномоченных" (уже выбранных к этому времени "группами поддержки"), в качестве делегатов, составляющих 1/10 всей численности, приглашаются еще и просто "видные люди"⁵⁷, что, принимая во внимание, что в "советах уполномоченных" тоже много "видных людей", фактически сосредоточивает в НФЭ всех крупных эстонских интеллигентов.

Съезд не принес никаких неожиданностей. Никакого неорганизованного и стихийного выдвижения кандидатур в руководство не было. На 7 мест членов правления было выдвинуто 12 кандидатов, причем 5 не прошедших (в том числе и те, кто не собрал 50% голосов) автоматически стали членами "Совета уполномоченных" из 99 человек⁵⁸. "Перестроечная элита" получила дополнительную санкцию своей власти - и от народа и от официального руководства (съезд НФЭ открывается вступительным словом В.Вяляса⁵⁹) и Э.Сависаар появляется теперь на улице уже в сопровождении добровольцев-охранников (съезд НФЭ охраняла дружина добровольцев из 400 человек и еще 80 каратистов), которые раздвигают перед ним толпу⁶⁰.

В руках лидеров НФЭ сосредоточивается колоссальная власть. Практически в их руках - пресса и телевидение (Среди 99 членов Совета уполномоченных - 20 руководителей различных средств массовой информации⁶¹). В их руках все творческие Союзы. Под их влиянием культурные общества эстонских "нацменьшинств"⁶². Возникают эстонские организации, в дальнейшем - достаточно самостоятельные и дистанцирующиеся от НФЭ, но тогда - теснейшим образом с ним связанные и выступающие как его "приводные ремни" - Совет трудовых коллективов Эстонии, объединяющий руководство "эстоноязычных" предприятий, и Аграрный Союз.

Фактически в стране сплачиваются две руководящие группы - в ЦК КПЭ и в НФЭ, переплетенные между собой личными связями (роль М.Титма и Э.Пылдроса в ЦК), и имеющие общую программу действий, которую они и начали претворять в жизнь⁶³.

Эту программу можно определить как программу борьбы за Эстонию, в которой эстонцы доминировали бы во всех сферах жизни настолько, насколько

это возможно (что означает - прекращение миграции, создание условий для реэмиграции и эстонизации русского населения) и настолько независимую, насколько это возможно (О полной независимости речи в этот период еще не идет)⁶⁴.

Важнейшей мерой по "эстонизации" Эстонии и "обузданию" русскоязычных явилась разработка Закона о языке, основную задачу которого Э.Пылдроос, ответственный за эту разработку в Верховном Совете ЭССР сформулировал так: "Эстония должна стать охранной зоной для эстонского языка и эстонской культуры"⁶⁵. Закон среди прочих мер по охране языка определял те работы и должности, для занятия которых обязательным требованием является двуязычие (знание и эстонского и русского), и сроки, в течение которых занимающие эти должности должны выучить язык. Закон создавал перспективу относительно быстрой и основательной "эстонизации", или же - не менее приятную для эстонцев - перспективу реэмиграции тех, кто язык не выучит. Начали обсуждаться законы о гражданстве, о миграции и др. (все они обсуждаются в группах при Президиуме Верховного Совета без какого-либо участия русских). Официально возрождается старая "досоветская" символика - флаг и герб, вначале - как "национальные", существующие наряду с государственными.

Рано или поздно все это должно было привести к какому-то конфликту - и с русскими в Эстонии и с Москвой. Первая "законопательная стычка" с Москвой возникает из-за проекта поправок и дополнений к Конституции СССР. Ее повод очень характерен для ситуации поднимающейся "революционной волны", когда то, что еще год назад казалось бы громадным достижением, начинает казаться шагом назад. Проект, создавая реальное разграничение власти центра и республик, был несомненным шагом вперед в расширении реальных прав республик. Но по отношению к тем формальным правам, которые были зафиксированы в сталинской и брежневской конституциях, но которыми, естественно, республики никогда не пользовались и пользоваться не могли, он был шагом назад. И в психологическом климате осени 1988 г. он был отчасти воспринят как покушение центра на неотъемлемые права Эстонии, а отчасти сознательно использован для того, чтобы "вырвать" у Москвы больше свободы.

Организуется грандиозная кампания по сбору подписей с протестом против проекта, собравшая немыслимое число - 800000 подписей (практически все взрослое эстонское население). Но одновременно возникла идея, как ее

сформулировал один из деятелей НФЭ юрист И.Грязин, "... опередить принятие этих поправок внесением своего рода охранительных поправок, защищающих суверенитет, в конституцию своей республики..."⁶⁶. И в ноябре 1988 г. VIII внеочередная сессия ВС ЭССР принимает "Декларацию о суверенитете" и "Закон о внесении изменений в Конституцию СССР", утверждающие примат в Эстонии эстонских законов и действие общесоюзных лишь при их одобрении ВС ЭССР.

Все это происходит на фоне активизации русского населения, взбудораженного этим эстонским "наступлением", и атмосфера в Эстонии все более накаляется. Это создает ситуацию, когда вмешательство Москвы становится неизбежным.

26.11.88 издается Указ Президиума Верховного Совета СССР, объявляющий Декларацию противоречащей Конституции СССР и недействительной. Это - первый законодательный конфликт Эстонии и Москвы и, одновременно, он знаменует собой начало конфликтов НФЭ и уже нового "либерального" партийно-государственного руководства, конец недолгой (с июня по ноябрь) "эры добрых чувств".

В декабре 1988 г. Верховный Совет ЭССР принимает постановление, в котором решения Верховного Совета СССР принимаются к руководству, но заседание Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября не упоминается. Одновременно подготавливается новый, смягченный вариант закона о языке, принятый в конце концов 22.01.89 г. Все это можно понять и как победу (закон об изменениях в Конституции СССР был принят в форме значительно более учитывающей "суверенитет республик", эстонцы продемонстрировали, что с ними нужно считаться) и как отступление⁶⁷. Но на 13 пленуме ЦК КПЭ В.Вяляс делает доклад, который четко говорит о том, что, во всяком случае, для него конституционный кризис означает, что эстонские лидеры зашли слишком далеко. "Самокритично анализируя сделанное, следует признать, что наши действия 16 ноября несли на себе частично отпечаток поспешности ... Мы не предвидели, какие возможности мы предоставляем своим зарубежным оппонентам для поиска несуществующих, подчеркиваю, несуществующих,

брешей в союзе наших республик". В докладе еще целый ряд "отступлений" от занятых ранее позиций - призыв переключить внимание на практические вопросы экономики, призыв к дисциплине, обращение к коммунистам, участвующим в разных движениях, и даже - фразы, которые можно истолковать как то, что ЦК рассматривает НФЭ и "интерес" на одном уровне⁶⁸. Одним словом, делается легкая попытка "поставить на место" зарвавшихся народнофронтовцев. Но попытка эта ни к чему не приводит.

Э.Сависаар вместо того, чтобы сделать вид, что ничего не произошло, начинает наоборот, повсюду заявлять о том, что на 13 пленуме произошел отход от линии 11 пленума. 22.12.88, в одном из выступлений он говорит: "Люди знают, что реализация этих целей невозможна с помощью нынешней недемократической партии, где властвует аппарат... Призывая нас с ними (интердвижением - Д.Ф.) за один стол, ЦК КПЭ сделал уступку консерваторам"⁶⁹. Вокруг этих выступлений Э.Сависаара начинается скандал. Некий А.Шибин опубликовал в "Советской Эстонии" (14.01.88) письмо с критикой НФЭ, где говорится об отнюдь не полном совпадении позиций НФЭ и ЦК. Письмо вызывает бешеную реакцию. В "Советскую Эстонию" пишут письма о том, что А.Шибин никакой не рабочий, а кагебешник, а Марью Лауристин называет письмо доносом, говорит, что в нем - "явные переделки, дезинформация и попытка дискредитировать одного из лидеров НФЭ..." и восклицает: "Сависаар - коммунист!"⁷⁰.

Но вся эта буря в громадной мере связана с непониманием того, что, очевидно, понял сам Э.Сависаар и что и было реальной причиной начатой им критики ЦК КПЭ. И А.Шибин, пытающийся "уличить" Э.Сависаара в разногласиях с ЦК КПЭ, и, во всяком случае, в данной ситуации, М.Лауристин еще в какой-то мере живут в старом мире, действуют по старым правилам игры, по которым "в конечном счете" все решает ЦК. Но на самом деле возник уже новый мир. Разворачивается первая в истории СССР кампания демократических выборов на съезд народных депутатов СССР и впереди "маячат" новые кампании, в том числе и самая важная - выборы в Верховный Совет Эстонии. А это означает, что меняются сами "правила игры", механизмы прихода к власти. Давление на "верх", установление с ним отношений и связей и кооптация в "верхушку", на что пошла группа сподвижников Сависаара (и в какой-то мере - он сам) все это методы и механизмы уже уходящей эпохи. Сейчас начинают решать избиратели, для которых ЦК КПЭ - не указ, которые настроены антикоммунистически и антирусски. И если раньше указание на

"антикоммунистичность" означало конец политической карьеры, то теперь восклицание М.Лауристин "Сависаар - коммунист!" уже невыгодно самому Сависаару. Большинство еще продолжает мыслить старыми категориями, не понимает, что реально уже действует совсем иная логика политической жизни и борьбы. Но сам Сависаар, очевидно, это понял.

Новой эпохе соответствуют новые слова и символы. Еще в первой половине 1988 г. В.И.Ленин не сходит с уст Сависаара и Лауристин⁷¹. К концу 1988 г. он исчезает. Национальный флаг, начавший робко появляться летом 1988 г.⁷², 24.02.1989 г. торжественно поднимается на "Длинном Германе". При этом Э.Сависаар произносит "историческую речь" с восхвалением Эстонской Республики ("В этой республике были установлены демократические законы, ставшие образцом для многих других"), где о национальном флаге (и о красном флаге) говорится следующее: "Наш флаг необычен потому, что среди его цветов отсутствует один - цвет крови и мести". И, как это бывает почти всегда, истинные мотивы этой принципиально новой риторики видны в самой речи: "... под этим флагом предстоящей осенью передадим ... парламент Эстонии в руки избранных и уполномоченных народом мужей"⁷³. В эстонской политической жизни кончается "эпоха гласности" и начинается новая эпоха - конкурентной борьбы политических сил за голоса избирателей.



Все ждежные процессы, совершающиеся в Эстонии, и совершающиеся в громадной мере "по поводу русских", до самих русских доходят с определенным временным "лагом". Прежде всего - из-за незнания языка, которым в какой-то мере пользуются сами эстонцы, которые рады возможности свободно обсудить свои проблемы, но отнюдь не стремятся к тому, чтобы их слышали и понимали ненавистные "мигранты". Характерен такой факт - когда выступающие по телевидению в разных дискуссиях эстонские деятели расходились, ведущие иногда предупреждали их: "Не забывайте, что некоторые русские знают эстонский язык!"⁷⁴. Наиболее антирусские публикации сознательно не переводятся на русский язык - например, далеко не все статьи, публикующиеся на эстонском в теоретически двуязычном журнале "Радуга",

переводятся на русский⁷⁵. Но и того, что доходит, вполне достаточно, чтобы возбудить страх.

Приоритет коренной нации провозглашается как высший политический принцип новым секретарем ЦК по идеологии М.Титма, и достижение реэмиграции (которое, если не принимать всерьез идею Я.Каплинского о плате за отъезд, нельзя понять иначе, чем создание условий настолько невыносимых, что люди предпочтут переезд из насиженных мест в более богатой Эстонии на новые места в более бедной России) становится официальной политической целью. Даже относительно "сдержанные", цензурированные и самоцензурированные публикации деятелей эстонского национального движения на русском языке полны той ненависти к "мигрантам", которая накапливалась годами и теперь "прорвалась". "Для большинства из них материальные блага, полученные без особых усилий, стоят выше духовных потребностей," - пишет филолог М.Хинт⁷⁶. "Здесь в Эстонии мы должны учитывать, что этот экологический авантюризм не остается на той стороне Чудского озера, что вместе с миграцией, вместе с работниками союзных ведомств (от министра до бурового мастера) он проникает и к нам," - это уже академик АН ЭССР Х.Трасс⁷⁷. Надо сказать, что эстонцы постоянно одергивают и друг друга и сами себя, но бурлящие в них чувства вырываются наружу и даже тогда, когда сознательно говорится нечто "хорошее", "доброе" по поводу "русскоязычных", это зачастую звучит оскорбительно⁷⁸, а в их постоянном "сдерживании" друг друга четко проглядывает мысль: "Не надо быть такими откровенными, не надо зря раздражать". Прекращение миграции и реэмиграция - объективный "стержень" выходящей "наружу" эстонской "подпольной" идеологии, который нельзя закамуфлировать⁷⁹. Какую же реакцию это вызывает у "русскоязычных" мигрантов?

Никакой изначальной специфической "реакционности", на наш взгляд, в русском населении Эстонии не было. И если Э.Сависаар говорил в своем докладе на первом съезде НФЭ, что "... ностальгия по Сталину ... близка сердцу определенных чиновничьих кругов и, к сожалению, значительной части русского населения"⁸⁰, то, очевидно, это делается прежде всего из идеологически-пропагандистских соображений. Никаких данных в пользу этого тезиса нет (если не считать сталинизмом приверженность к единству Союза). По своему социальному составу, своим интересам, своей "потенциальной" идеологии русское население не очень-то отличается от населения какой-либо русской рабочей "глубинки", того же Свердловска, который горой стоит за Б.Н.Ельцина.

Но ситуация, в которой оказалось это население, когда "вдруг", неожиданно для себя, оно увидело перед собой сплоченное большинство эстонцев, глубоко ему враждебное и практически не скрывающее своего стремления от него избавиться, очень отличалась от ситуации в России. "Русскоязычные" не могли ни "примкнуть" к развитию политического процесса в Эстонии, ни идти в русле развивающегося в совершенно других условиях российского идеологического и политического развития. Они должны были в очень сложной политической и психологической ситуации искать свои пути, выработать свою позицию. И это было тем более трудно, что в русской общине, как мы уже говорили, крайне слаба прослойка гуманитарной интеллигенции. Поэтому реакция "русскоязычных" на эстонские процессы - все время "запаздывающая", не адекватная, противоречивая и зачастую истерическая.

Приблизительно до середины 1988 года в русской общине господствует общая для того времени "перестроечная эйфория". Идеи ИМЕ, необходимости развития эстонского языка и культуры и даже - ограничение миграции принимаются большинством русскоязычных. Они присутствуют даже в программных документах организаций, являющихся уже порождением русскоязычной реакции. Но по мере того, как антимосковская и антимигрантская направленность деятельности НФЭ, а затем и вялясовского руководства КПЭ становится все более очевидной, "русскоязычная" община начинает "пробуждаться". При этом определенная часть общины примыкает к НФЭ, "совершает выбор в пользу эстонцев". Это - некоторые наиболее видные представители "статусной" интеллигенции, вроде известного тартуского филолога Ю. Лотмана, недавно ставшего эстонским академиком, культурно и психологически более близкие к эстонской интеллигентской элите, чем к русским рабочим и инженерам (их позиция "окончательно" лишает русскую общину культурных лидеров)⁸¹ и та часть "диссидентски" настроенной молодежи, которая питает настолько глубокую ненависть к советской тоталитарной системе и всему строю жизни в СССР, что приветствует перспективу отделения Эстонии как некий эквивалент эмиграции - возможность, не предпринимая никаких сложных действий, оказаться за границей, на Западе.

Но эта часть "русскоязычной" общины - невелика. В основной же ее массе и прежде всего в Таллинне, где национальный конфликт разворачивается наиболее остро (на Северо-Востоке, где большинство населения - русские, ситуация более спокойная) летом 1988 г. идет брожение. На крупных

таллинских предприятиях идут митинги и собрания, на которых раздается критика НФЭ. Из этого брожения возникают две мощные организации, ставшие центром "русской оппозиции".

Первая из них - самая ненавистная для эстонцев - это Интернациональное движение трудящихся Эстонии (ИД), инициативный комитет которой создан летом 1988 г. группой таллинских инженеров, среди которых выделяется хороший оратор и полемист Е.Коган. Надо сказать, что как в русском населении в целом, так и в Интердвижении изначально не было какой-то особой агрессивной "реакционности". Об этом говорит хотя бы такой факт, что в рамках ИД существовал "Октябрьский Интерфронт" (по району в Таллинне), из которого затем возникает Демократическая партия Эстонии (полностью аналогичная "травкинской" партии). Здесь господствует та же аморфно-либеральная "перестроечная фразеология", которая господствует и в НФЭ и противопоставление себя НФЭ здесь не такое уж жесткое. Так в одной из резолюций митинга интеров в июле 1988 г. говорится: "Мы обращаемся к лидерам инициативного центра Народного фронта. Отмечая вашу положительную роль в деле повышения общественно-политической активности населения, призываем решительно выступить против националистических проявлений, имеющих место в республике". Резолюция кончается словами - "Перестройку - в жизнь! Перестройка - необратима!"⁸². Интердвижение вначале мыслится даже не противостоящим НФЭ, а как бы "дополняющим" его. Е.Коган говорит: "... если он (НФЭ) не может дать отпор выступлениям, разжигающим национальную рознь в республике, то это сделает Интерфронт"⁸³. Даже в "Общей концепции интернационального движения трудящихся Эстонской ССР", опубликованной уже в несколько ином климате октября 1988 г., интонации - очень умеренные и разумные. Говорится о том, что крайности "национализма и даже экстремизма ... повидимому неизбежны на начальных этапах после длительного насильственного зажима национального самосознания", что во многих движениях "общедемократическое и национальное переплетается и иногда национальное превалирует". О программе НФЭ сказано - "некоторые из этих воложений выходят за рамки общедемократических интернационалистических требований соблюдения интересов всех наций и входят в противоречие с основным общедемократическим содержанием данного документа"⁸⁴.

Но исходя из слов - из заявлений, программ и т.д., в 1988 г. понять реальное содержание борьбы еще не возможно. И реакция НФЭ на ИД не

объяснима теми формальными идеологическими нюансами, которые их разделяют. Вне зависимости от того, что говорят лидеры и документы, ИД для НФЭ - это конкретное воплощение угрозы существованию нации - это поднявший голову "мигрант", грозящий поглотить Эстонию.

Поэтому на ИД начинается обрушиваться поток обвинений, никаких формальных оснований не имеющих. Их называют сталинистами, черносотенцами, вариантом "Памяти"⁸⁵. По отношению к "интернацистам", как их стали называть, не действуют никакие правила приличия и научной добросовестности и крупный ученый, филолог Ю.Лотман может абсолютно не задумываясь кинуть такую фразу: "Пресловутое общество "Память" и его сторонники в Прибалтике ("Интердвижение") играет чрезвычайно негативную роль"⁸⁶ (Это говорится про организацию, во главе которой стоит еврей и программные документы которой мы только что цитировали). Их лидеры могут подвергаться каким угодно оскорблениям⁸⁷. И поскольку от заговоромании не свободны и либеральные интеллигенты, возникает идея, что ИД - лишь орудие в руках каких-то тайных страшных сил. Член правления НФЭ известный карикатурист Хейнц Валк говорит: "... за ними стоят какие-то силы (я не знаю, кто они, и что собой представляют, и где находятся - здесь в Таллинне, Нарве, Москве или еще где - у меня нет фактических данных), которым не нравится такое резкое движение перестройки в Эстонии"⁸⁸.

Естественно, что никакого диалога с ним быть не может, сама идея диалога для лидеров НФЭ звучит оскорбительно. О степени отчужденности, в которой оказались "интеры", говорит такой поразительный факт - когда в Эстонию прибыл видный эстонский эмигрант калифорнийский профессор Рейн Таагепера, "интеры" обратились к нему с просьбой быть посредником между ними и НФЭ⁸⁹.

Вначале лидеры ИД, очевидно, предполагали занять в обществе Эстонии положение, "симметричное" НФЭ. Но это не получается. Новое партийное руководство видит в ИД так же, как и лидеры НФЭ, воплощение зла. ИД вначале не дадут даже опубликовать их программу и новый, либеральный секретарь ЦК М.Титма говорит в связи с этим: "Образно говоря, это - попытка объединить так называемых лимитчиков и на основе их групповых интересов проводить великодержавную политику... Поэтому я считаю, что ЦК партии поступил правильно, не дав в руки экстремистски настроенным эстонцам повода, каковым обязательно послужила бы публикация такого рода"⁹⁰.

В официальной политической классификации ИД прочно занимает положение не "симметричное" НФЭ, а "симметричное" ПННЭ, как другая "крайность" (но это именно официальная классификация - реально отношение к ПННЭ и к ИД - очень разное, лидеров ПННЭ втайне уважают, а ИД вызывает "биологическую" ненависть и презрение).

Перспектива стать такой же "респектабельной" организацией, как НФЭ, оказывается абсолютно нереальной. ИД превращается в организацию - изгой⁹¹. И "изгоем" оно становится не только в Эстонии, но и в России, где все усиливается либерально-западническое направление, воспринимающее Эстонию, как стоящую на "передовом рубеже перестройки" (что естественно для самой "западной" республики), и склонное однозначно воспринимать русских противников НФЭ как реакционеров и оружие в руках "темных антиперестроечных сил". В этой ситуации естественна эволюция идеологии и фразеологии ИД. Лидеры ИД все более начинают переходить от абстрактно-либеральной "перестроечной" риторики, практически идентичной народнофронтовской, к своеобразному сочетанию популистской антибюрократической и антиинтеллигентской риторики с "фундаменталистской" советской фразеологией. Это четко видно из протоколов Учредительного съезда ИД в начале марта 1989 г.⁹², где инвективы по адресу эстонской бюрократии, требования ликвидировать "бункера для номенклатуры" в Таллинском универмаге и передать народу правительственный лечебный комплекс в Лохусалу и выражение поддержки Б.Н.Ельцину ("Ельциных нет... Ельцин от "кремлевского пайка" отказался, а наши нет") сочетаются с требованиями исключить Сависаара из партии и т.п.⁹³. Ясно, что это ведет к отходу от ИД части его первоначальных приверженцев.

В ситуации, в какой оказалось ИД, такая эволюция - единственно возможная ("либерально-перестроечная" риторика бессмысленна, ибо либеральные слои и группы все равно априори тебя отвергнут). Но возможно, усиление "фундаменталистской" символики имеет и глубокие психологические причины - "фундаменталистская" риторика вызывает у народнофронтовских либеральных интеллигентов страх (глубокий, темный страх перед парткомами, райксами, КГБ, Москвой), а когда исчезают надежды добиться уважения, остается лишь внашивать страх.

Соответственно эволюционирует и тактика политической борьбы. Для ИД его психологическая и идейная изоляция в условиях демократизации означает, что пути к политической власти "замертво блокируются". Какое-то участие во

власти, в решении проблем Эстонии было бы для него возможным лишь в случае институциональных гарантий для русскоязычного населения (отсюда - выдвигавшаяся ИД идея двухпалатного парламента с Палатой национальностей, выдвигавшаяся еще в 1988 г., чисто "лозунгово", идея русской Северо-восточной автономии, затем - постоянные битвы русских депутатов по вопросам регламента в Верховном Совете). Но добиться от сплоченного и враждебного большинства добровольного согласия на ограничение его прав в пользу меньшинства - задача предельно сложная.

Поэтому тактика ИД меняется в том же направлении, в каком меняется и его идеология. Она становится все более тактикой апелляции к центру, к Москве и тактикой внепарламентских методов борьбы - митингов, а затем и забастовок, цель которых - "накалить" обстановку и опять-таки - заставить Москву вмешаться. ИД все более на деле начинает напоминать тот злобный образ, который был создан изначально народнофронтским мифотворчеством.

Сходная эволюция характерна и для другой "русскоязычной" организации, начавшей как еще более "умеренная" и с большими претензиями (и основаниями) занять одно из центральных мест в политической жизни Эстонии - Объединенного Совета трудовых коллективов. Эта организация, очевидно, задумывалась в какой-то мере как противовес ИД - популистскому, политизированному, демократическому по социальному составу и "неуправляемому", лидеры которого - люди без прочного и достаточно высокого социального статуса, для которых ИД - путь к приобретению такого статуса (в этом отношении Е.Коган - аналог Э.Сависаару). ОСТК - организация советов трудовых коллективов, прежде всего - крупнейших предприятий союзного подчинения, перед которыми стояли сложные задачи приспособления к новым экономическим явлениям и прежде всего - к грозящему им ИМЕ. Эти советы, естественно, контролируются директорами (у которых в этой ситуации очень много общих интересов с их подчиненными) и ОСТК в какой-то мере - "Совет директоров", во главе него - директор крупнейшего таллинского завода "Двигатель" С.Яровой. Таким образом, в ОСТК доминирует совершенно иной социальный тип, чем в ИД - люди, в силу своего положения склонные к умеренной и "ответственной" политике. ОСТК с самого начала предполагалась как мощная, обладающая большими экономическими рычагами, и "деловая", нацеленная на решение практических хозяйственных и социальных вопросов, организация. Но логика ситуации, эстонская реакция толкает ОСТК на другой путь.

Несмотря на очевидную умеренность и склонность к компромиссам лидеров ОСТК (а может быть, именно из-за нее)⁹⁴ план создания ОСТК вызвал панику в НФЭ - "заговор директоров союзных предприятий", олицетворяющих "колониальный диктат союзных ведомств". И НФЭ делает все возможное, чтобы сорвать учредительную конференцию ОСТК 30.11.88. Приглашение на конференцию было общее - ко всем советам трудовых коллективов, но первоначально откликнулись советы в основном крупных русскоязычных предприятий. Таким образом, возникла страшная для НФЭ перспектива, что от имени трудовых коллективов Эстонии будут выступать русские директора. Тогда в последний момент мобилизуются директора предприятий местной и легкой промышленности, и вообще всяких, в том числе и непромышленных "эстонских" организаций, которые собираются как бы на параллельную конференцию. При этом "русскоязычная" конференция пикетируется "народнофронтовцами". В результате возникают две организации - ОСТК и Союз трудовых коллективов Эстонии (СТКЭ)⁹⁵. Так при самом возникновении ОСТК действует та логика "отторжения", которая толкает эту организацию, изначально "дистанцирующуюся" от ИД, к союзу и смычке с ним⁹⁶.

И ИД и ОСТК "лепятся" эстонским массовым сознанием. Это сознание видит в ИД заклятого врага - и оно становится заклятым врагом, оно видит в нем организацию провокаторов - и оно начинает действительно заниматься провокациями, оно видит в нем орудие в руках "реакционных сил" и оно начинает становиться все "реакционнее" и искать "реакционных" же союзников, оно не видит разницы между ИД и ОСТК и эта разница исчезает.

1 Вот два очень интересных высказывания А.Н.Яковлева, сделанных им во время поездки в Литву и Латвию в 1988 г. В Риге он говорит: "Если бы мне в 1985 году кто-нибудь сказал, что в 1988 г. мы будем вот так разговаривать... не поверил бы" ("Советская Латвия" 12.08.88. С. 2). В Литве он модифицирует это высказывание: "Если бы мне сказали, что будет вот такая XIX партийная конференция, то и за месяц не думал, что она будет такая, не только в 1985 г." ("Советская Литва". 14.08.88. С. 3). Вряд ли есть основания не верить в искренность А.Н.Яковлева. Но если даже он, которого в "реакционных кругах" изображают чуть ли не истинным "архитектором перестройки" и "серым кардиналом", и даже такого, в значительной мере заранее продуманного события, как XIX партконференция, предвидеть не мог за месяц, то что же

- говорить о других деятелях и о других, куда более "стихийных" событиях и процессах.
- 2 "...В 1985 - 86 гг. мы учились смело мыслить, в 1987 г. - смело говорить, а в 1988 году пора приобретать опыт смело действовать" (Э.Сависаар "Народный фронт - революция снизу". "Советская Эстония". 07.06.88. С. 2). Преувеличивать, однако, смелость Э.Сависаара в 1988 г. не следует, ибо даже в этой статье говорится о "призыве партии".
- 3 Ясно, например, что когда будущий Председатель Совета Министров, а тогда секретарь ЦК И.Тооме говорит в апреле 1988 г. на объединенном пленуме правлений творческих союзов: "И хотя порой можно встретить опасения, а в ком-то, может, и надежду, что этот процесс (процесс перестройки - Д.Ф.) способен поколебать руководящую роль партии в нашем обществе, я думаю, что не стоит позволять обманывать себя подобными страхами и надеждами" ("Советская Эстония". 03.04. 88. С. 1), - это означает, что для него совершенно невообразимо то, что уже через 2 года в Эстонии будет некоммунистическое правительство, сам он станет одним из деятелей парламентской оппозиции и будет оправдываться за свое коммунистическое прошлое, говоря, что это был единственный возможный в то время путь служения Эстонии.
- 4 Если не считать арест 02.02.88 С.В.Жолдина, распространявшего листовки по заданию диссидентских лидеров, который тут же "раскаялся" и тут же был отпущен. "Советская Эстония". 29.08.88. С. 3.
- "Советская Эстония". 25.08.87. С. 3.
- "Советская Эстония". 25.08.88. С. 3. "Мероприятия по поводу 23 августа".
- "Советская Эстония". 17.10.87. С. 3. "Прекратить провокационные происки"
- "Советская Эстония". 05.02.89. С. 3. "О чем пекутся радители национальных интересов".
- 9 Кроме этого, были еще маленькие, местного масштаба, примыкающие к ПННЭ группировки, в настоящее время, насколько нам известно, "растворившиеся" в ПННЭ и других крупных образованиях - Таллиннская независимая дружина, Сакалаские независимые, Выруская независимая молодежная колонна N 1, Лига национальной независимости и др. (См.: "Основные общественные движения и самостоятельные объединения Эстонии". Дом политпросвещения ЦК КПЭ. 1989).
- 10 "Советская Эстония". 23.02.88. С. 1.
- 11 Вот пример характерной для ПННЭ лексики: "Мы хотим сейчас открыто, в глаза сказать правду, что компартия несет полную ответственность... На

полуправде мы вновь построим какое-то очень шаткое общество, которое будет морально ущербным" ("Молодая Эстония". 19.09.89. С. 2. Интервью с Лагле Парек).

12 "Одна из особенностей членства в нашей партии в том, что у нас нет иллюзий на счет карьеры в рамках существующей политической системы. И в этом смысле нам легче" ("Советская Эстония". 26.10.90. С. 3. Интервью с членом руководства ПННЭ Тунис Келамом.)

13 Очевидно, этим же сочетанием страха перед Москвой и перед собственной совестью объясняются постоянные в 1987-1988 гг. утверждения, что диссиденты - очень малочисленны и слабы, что соответствует истине, но находится в полном противоречии с заявлениями Верховного Совета, митингами протеста и т.д. Например, "Советская Эстония", посвятившая много газетных полос, содержащих, однако, очень мало информации, митингу 23.08.87 г. в парке Хирве, считает своим долгом после этого митинга заявить: "широко задуманная провокация, в организации которой активное участие приняли антисоветские круги эмиграции, провалилась" ("Советская Эстония". 02.09.87. С. 3). Здесь - скорее страх Москвы, которой надо показать, что в Эстонии все спокойно. Но в статье академика В.Пальма "Земля и мы", где говорится: "что группа не в меру экзальтированных людей способна списать некоторые разделы из материалов XXVII съезда, подперчить их абзацами, произвольно вырванными из нашей прессы, и объявить полученный таким образом "документ" программой новой партии "национальной самостоятельности" (так, кажется, она называется) ... не невесье какое несчастье" ("Советская Эстония". 23.03.88. С. 3. В.Пальм "Земля и мы"), - не только страх Москвы, но и стремление убедить себя и других, что путь ПННЭ - не эффективен, и "либералы" делают то же самое, но лучше.

14 Массе эстонцев при этом можно указывать на "реакционные силы", показывая, что либеральное руководство стеной стоит, не пуская эти силы к власти, Москве - указывать на ПННЭ, говоря, что опять-таки именно либеральное руководство не дает ей раздвигаться. Так на 14 пленуме ЦК КПЭ В.Вяляс говорит: "... во многом благодаря позиции Народного фронта их (ПННЭ - Д.Ф.) экстремизм не смог существенно дестабилизировать ситуацию" ("Советская Эстония". 05.04.89. С. 2).

15 Яркий пример этого различия отношений к ПННЭ и "интерам" - в интервью М.Титма. Про ПННЭ он говорит: "В этой партии ядро составляют Л.Парек, Э.Тарто и другие люди, борющиеся за самостоятельность Эстонии тогда, когда

- это означало тюрьму... полагаю, что в нынешней ситуации они ведут себя достаточно умеренно". Про "интергов" же у него такие слова: "Цель этого движения деструктивна... Цель ИД - великодержавная экспансия в этом обществе" ("Советская Эстония". 26.11. 89. С. 6. "Без шестой статьи". Интервью с М.Титма). Комизм ситуации заключается в том, что говорит это секретарь по идеологии ЦК КПЭ - партии, которую ПННЭ ненавидит и презирает и в которой состоят основные лидеры "интергов".
- 16 Микк Титма. "Эстония: Что у нас происходит". Таллинн. Периодика. 1989. С. 40.
- 17 "Советская Эстония". 15.12.87. С.1. "Времен связующая нить".
- 18 Об идейной направленности общества прекрасно говорит повестка дня Таллиннской конференции Дня охраны старины 18.04.89 г., приведенная в одной из статей в "Советской Эстонии": "1. По местам красного террора в Таллинне; 2. Критика хроники депортации; 3. Памятники Таллинна, разрушенные бомбежкой 9.03.44; 4. Памятники, уничтоженные после 1940 г.; 5. Логика красного террора." См.: Петерсон В. "Кто чем гордится" ("Советская Эстония". 20.12.89. С. 3).
- 19 "Нам видно, придется, я так думаю... начать разработки фосфоритов. Последнее, конечно, с учетом охраны природы. Знаю, "зеленые" возмутятся, но, повторяю, рано или поздно придется разрабатывать фосфориты" ("Советская Эстония". 08.11.90. С. 2. "Опасные игры". Интервью с заместителем министра сельского хозяйства А.Лаапсалу).
- 20 Примером такого использования экологических лозунгов является дословное совпадение речей об экологических бедах Эстонии в результате произвола "ведомств" в книге М.Титма "Эстония: Что у нас происходит" (Таллинн. 1989. С. 40) и интервью И.Тооме "Огоньку" ("Эстония: о том, что волнует". Таллинн. 1989. С. 9). Хотя каждый раз они выдаются как свои, причем очень эмоциональные и спонтанные, с восклицательными знаками, очевидно, в обоих случаях это - "плагиат" из какой-то брошюрки экологов.
- 21 Воззвание Эстонского Зеленого Движения. "Радуга". 1988. N 9. С. 1.
- 22 "Советская Эстония". 17.06.88. С. 2. "Беседа с Ю.Ааре".
- 23 Проявлением и следствием его кризиса было выделение в 1988 г. из ЭЗД Эстонской Зеленой партии, устремившейся в политику, ибо "выполнение конкретных экологических требований возможно только в том случае, если последуют изменения в других областях общественной жизни". Интервью с членами-учредителями ЭЗП М.Кивистик и А.Нагомяз. "Советская Эстония". 25.10.89. С. 3.

Дальнейшая политическая судьба этих людей - весьма различна и в ней можно усмотреть определенную логику, закономерность. М.Тигма уже в момент подписания письма - крупный социолог, доктор наук, автор многих книг. Его карьера после подписания - наиболее "органична" и традиционна. Он становится директором эстонского Института философии, социологии и права, затем, после прихода к власти В.Вяляса, кооптируется в ЦК и становится секретарем по идеологии. Но именно поэтому, когда к власти приходит НФЭ, он оказывается в стороне от власти - оппозиционным депутатом Верховного Совета. С.Каллас, известный журналист, затем становится руководителем эстонских профсоюзов. Т.Маде - специалист по экономике капиталистических стран и дипломат, сотрудник посольства в Швеции, также был человеком с довольно высоким и прочным, хотя и несколько своеобразным общественным положением (он обвинялся в плагиате и неуплате партвзносов с суммы 12000 рублей - см.: "Советская Эстония". 29.06.89. Т.Алаталу "Когда автор - липовый"). Т.Маде затем становится своего рода эстонским "enfant terrible" - он публикует уже упоминавшиеся выше страстно антирусские статьи, вызывающие официальное возмущение (и одновременно - восхищение), первым из крупных эстонских деятелей выходит из партии и создает свою, Партию предпринимателей. У всех этих троих деятелей к моменту подписания письма - очень "приличное" общественное положение и очевидно, поэтому, их народнофронтовская активность ограничена, они не развивают вокруг идеи хозяйственной самостоятельности, а затем вокруг НФЭ такой кипучей деятельности, которую развил их четвертый "соратник" Э.Сависаар (и не поднимаются затем так высоко). Карьера Э.Сависаара - наиболее причудливая и "барочная". Он был делопроизводителем Тартуской республиканской клинической больницы (1966 - 1969 г.г.), инструктором Тартуского горкома комсомола (1969 - 1970 г.г.), затем архивариусом, учителем средней школы, аспирантом Института истории АН ЭССР, затем с 1982 по 1988 г. (в 1988 г. он вступает в КПСС) работником плановых органов. В 1988 г. у него "пышно" звучащий, но относительно небольшой титул "заместителя директора по научной части проектно-конструкторского бюро систем управления "Майнор" эстонского промышленно-торгового концерна легкой промышленности "Эстар". ("Советская Эстония". 25.07.89. С.1). Врядли случайно, что именно человек с такой биографией и с наилучшими из всей четверки стартовыми позициями затем сделал самую стремительную карьеру, обогнав трех

- остальных, которые ему, естественно, этого простить не могут и сейчас являются его активными противниками.
- 25 "Советская Эстония". 28.09.90. С. 2. Беседа с М.Титма и С.Калласом.
- 26 "Советская Эстония". 28.09.90. С. 2. Там же.
- 27 "Молодежь Эстонии". 16.07.91. С. 2. Интервью с Т.Маде.
- 28 Очень любопытно сравнить высказывания Т.Маде, М.Титма, С.Калласа в 1990-91 г. с высказываниями 1988 года. "Трудно... понять ход мыслей тех, кто ищет в наших предложениях некий идеологический подвох, - говорит в апреле 1988 года будущий премьер-министр, - начнут, мол, с экономической сепарации, а там кто знает... Такое может родиться лишь в мозгу тех, кто пропизан стереотипами и подозрениями недавнего прошлого" ("Советская Эстония". 17.04.88. С. 6-7. Интервью с Э.Сависааром).
- 29 В мае 1988 г. был проведен очень интересный опрос на двух громадных собраниях, посвященных республиканскому хозрасчету, раскрывающий смысл этой идеи для эстонцев. Среди эстонцев за хозрасчет было 97,2%, среди русских - 47,9%. Цели хозрасчета для эстонцев: 1) избавление от диктата московских ведомств; 2) сохранение эстонского народа и его дальнейшее развитие; 3) ограничение миграции; 4) оздоровление окружающей среды. Для русских - 1) научно-технический прогресс; 2) оздоровление окружающей среды; 3) улучшение качества жизни; 4) выдвижение руководителей нового типа. См.: "Советская Эстония". 12.05.88. С. 3. "День за днем. О чем говорим, о чем пишем".
- 30 "Советская Эстония". 17.01.89. С. 2. Доклад К.Вайно.
- 31 На первом конгрессе НФЭ громко провозглашается: "Научная разработка ИМЭ базируется на коллективных усилиях более ста ученых Эстонии". Народный конгресс (сборник материалов Конгресса НФЭ 1-2 окт.1988 г.). Таллин. Периодика. 1989. С. 128.
- 32 "Вечерний Таллин". 03.04.89. С. 3.
- 33 "Радуга". 1988. N 5. С. 1-3.
- 34 "Радуга". 1988. N 5. С. 4-6.
- 35 "Советская Эстония". 29.04.88. С. 1 "Служить народу - высокая миссия интеллигенции (с заседания Бюро ЦК КПЭ)".
- 36 Дайджест. N 4. XI.1989.
- 37 Впоследствии лидеры интердвижения будут говорить о том, что Народные фронты в Прибалтике были инициированы "несколькими московскими кругами". Е.Коган говорил в интервью: "... я бы поостерегся сказать, что

национальное самосознание само стало возрождаться - я в чудеса не верю! Хотели поиграть на этом, я уверен... И в Москве кое-кто из партийных лидеров делал ставку на Народный фронт в Прибалтике для достижения своих целей. - Вы имеете в виду тоже действующих? - Ну, скажем, перешедших в другую ипостась. - Прозрачный намек." ("Советская Эстония". 10.10.90. С. 2. "... Яко же и мы отпускаем должникам нашим". Интервью с Е.Коганом.) Дело историков будущего разбирать все обстоятельства возникновения НФ, все "сигналы", улавливавшиеся тогда его создателями. Несомненно, однако, что все подобные инициативы и сигналы могли играть лишь роль "песчинок", вокруг которых начинается процесс кристаллизации в перенасыщенном растворе. Е.Коган здесь полностью повторяет ход мысли народнофронтовских публицистов, изображавших созданным "некоторыми московскими крутами" когановское "Интердвижение".

38 Вот прекрасные образцы этой "двусмысленности". Из статьи Э. Сависаара "Народный фронт - революция снизу": "... партия в лице ее прогрессивных деятелей и лучших умов требует от всех нас курса на демократизацию" ("Советская Эстония". 07.06.88. С. 2). Таким образом, требует - партия, но не в лице ее руководящих органов, а в лице ее "лучших умов". Из интервью академика В.Пальма. На вопрос, какими ему видятся отношения НФЭ и компартии, он отвечает: "Самыми естественными. Народный фронт создан в поддержку перестройки, следовательно, деятельность Народного Фронта определена влиянием Горбачева и его единомышленников. В Эстонии инициативная группа ... поначалу состояла почти только из коммунистов" ("Советская Эстония". 25.05.88. С. 4. "Инициатива снизу набирает силу").

39 Реальное противоречие ценностей национальных и демократических, которое обнажилось бы со всей силой, если бы эстонцев было не 61% населения ЭССР, а столько, сколько казахов в Казахстане или абхазов в Абхазии, не может уж совсем не осознаваться эстонскими интеллигентами, которые стремятся найти какие-то примиряющие эти ценности формулы. Так М.Лауристин говорит в интервью, что она безусловно за демократию. Но при этом "интересы и права нации как субъекта истории не есть сумма интересов и прав отдельных личностей, а представляют собой качественно иной уровень интересов и прав". При этом основное право нации - "защита самопреемственности" ("Советская Эстония". 26.04.89. С. 3). М.Титма говорит: "Приоритет эстонской нации - это первое ... Считаю эту позицию фундаментальной ..." Но одновременно "... приоритет нации вовсе не означает приоритета личности". Как может быть

приоритет нации без придания особой ценности и особых прав принадлежащим к этой нации индивидам, М.Титма, естественно, не объясняет ("Советская Эстония". 30.04.89. С. 2).

При этом какого-либо явного подчинения ценностей демократии национальным встретить трудно, кроме, пожалуй, последнего интервью Т.Маде, который вообще все время "говорит лишнее". На вопрос о равноправии он ответил: "... разговор о равных правах абсолютно несвоевременен: никаких равных прав никогда не было в Советском Союзе... А были ли русские, живущие в Эстонии, равными с эстонцами, когда нас депортировали?!" ("Молодежь Эстонии". 06.07.91. С. 2).

- 40 "Советская Эстония". 30.04.88. С. 1. "В бюро ЦК КПЭ".
- 41 "Советская Эстония". 04.10.88. С. 2. Однако, как говорит в своем интервью один из руководителей НФЭ Х.Валк, в НФЭ преобладают 40-летние. Молодежь придерживается более "крайних" взглядов, тяготея к радикалам из ПННЭ. "Советская Эстония". 18.01.89. С. 2. "Кто крайний?". Беседа с Х.Валком.
- 42 "Советская Эстония". 01.06.88. С. 1-2.
- 43 "Советская Эстония". 11.06.88. С. 1-2.
- 44 "Советская Эстония". 12.06.88. С.1.
- 45 "Советская Эстония". 02.07.88. С.1-3.
- 46 "Советская Эстония". 10.10.88. С. 1-3. Впоследствии М.Титма, сам перешедший на работу в ЦК с научной работы, скажет с еще более подкупающей откровенностью: "... было ясно, что на существующие ставки невозможно пригласить способных людей... Сокращение же аппарата без одновременного повышения зарплаты определенно можно назвать акцией консервативных сил, которые боялись притока в руководство свежих сил, новых мыслей". (Титма М. "Эстония: что у нас происходит". Таллинн. Периодика. 1989. С. 80.).
- 47 "Советская Эстония". 08.07.88. С. 3.
- 48 "Советская Эстония". 11.09.88. С. 2.
- 49 Народный конгресс (сборник материалов конгресса НФЭ 1-2 октября 1988 г.). Таллинн. Периодика. 1989. С. 158.
- 50 Характерно, что при избрании М.Титма единогласия не было. В ЦК он был кооптирован 96 голосами против 17, секретарем избран 97 против 16. См.: "Советская Эстония". 08.12.88. С. 1.
- 51 "Советская Эстония". 09.09.88. С. 1.
- 52 "Советская Эстония". 02.02.89. С. 1. Одна из самых ярких фигур среди этих новых партийных работников - сводный брат М.Лауристин и сын прошедшего

через сталинские лагеря эстонского коммуниста Х.Аллика театральный критик и режиссер театра "Угала" Яак Аллик, который в ноябре 1988 года становится первым секретарем Вильяндского райкома. В отличие от большинства подобных фигур (в том числе и своей сестры), ушедших из партии как только пребывание в ней перестало быть необходимым условием карьеры, Я.Аллик стал - секретарем независимой КПЭ и предпринимал максимум усилий для ее спасения. См.: "Советская Эстония". 02.03.89. С. 2. Беседа с Яаком Алликом. См. также биографические сведения в "Советской Эстонии". 02.03.89. С. 1.

53 "Советская Эстония". 28.09.88. С. 3. "Мнение лидеров Народного фронта после праздника на певческом поле". Как это всегда бывает в обстановке "невиданного единодушия", "предателей-диссидентов" ждет печальная участь. Такая участь постигла академика Г.Наана, опубликовавшего 23.11.1988 г. в "Правде" "реакционную" статью "С ног на голову". Травили его как могли - вплоть до выбивания стекол в квартире.

54 Х.Вайну. "Эстония: узел национальных противоречий". Таллинн, Олион. 1990. с. 73. Впоследствии, на XX съезде КПЭ В.Вяляс скажет в отчетном докладе такую фразу: "... начиная с 11 пленума ЦК, КПЭ отказалась от противостояния интересам своего народа и стала на путь следования им ..." "Советская Эстония". 24.03.90. С. 2.

55 Во всяком случае, Х.Вайну пишет: "... преждевременно требовать, чтобы Народный фронт, возникший до июля 1988 г. и требования которого во многом осуществлены в результате июньского пленума, сразу безоговорочно признал ведущую роль КПЭ в общественной жизни республики" (Х.Вайну. Ук.соч. С. 46).

56 "Советская Эстония". 30.07.88. С. 2-3. Э.Корнэл "Народный фронт: стихийность возникновения и осознанность формирования".

57 "Советская Эстония". 09.09.88. с. 3. Интервью с Э.Сависааром.

58 "Советская Эстония". 14.01.89. с. 3.

59 Уже после конгресса, на котором были достаточно смелые по тем временам речи, например, против службы в Советской Армии, иностранные корреспонденты стали домогаться от В.Вяляса ответа, с какими из выступлений он не согласен. "Совершенно ясно, - ответил он, - что наши желания имеют известные границы. Там, где фантазия уводит нас далеко от реальности, приходится вмешиваться разуму". "Советская Эстония". 04.10.88. С. 3.

- 60 "Советская Эстония". 12.10.88. С. 4. Н.Зайцев. "Чтобы избежать ошибок".
- 61 "Советская Эстония". 14.01.89. С. 3. А.Шибин. "С позиций здравого смысла".
- 62 Одним из первых важных мероприятий новой политики по отношению к русскоязычному населению, (о котором одобрительно говорил В.Вяляс на 11 пленуме) было проведение перед съездом Народного фронта, 24 сентября, Форума народов Эстонии. Цель Форума - разбить единую "русскоязычную" общину на отдельные национальные группы, в которых поддерживалось бы и культивировалось специфическое национальное самосознание. Тогда эстонцы имели бы дело не с единой "советской" массой - почвой для идеологии "интернов", а с множеством отдельных групп, лишь одна из которых - русские. Поэтому форум организовывается так, что каждая национальность не зависимо от ее численности, представлена делегацией из 3-5 человек, имеющей право вето ("Советская Эстония". 02.09.88. С.3. "Обращение инициативной группы Форума народов ЭССР к жителям республики"). На форуме присутствовало 17 делегаций (русские, шведы, литовцы, латыши, евреи, немцы, татары и др.), принявшие Декларацию, в которой выдвигается план воссоздания культурных автономий (культурные автономии и национальные самоуправления, занимающиеся проблемами образования и культуры, существовали в старой Эстонии) ("Советская Эстония". 27.09.88. С. 1-2).
- 63 Такое же переплетение возникает и на низших уровнях. Яак Алли рассказывает в интервью, что в его Вильяндиском районе из 15 членов правления НФ - 9 коммунисты, а из этих 9 - 6 - члены райкома. "Советская Эстония". 02.03.89. С. 2.
- 64 Учредительный съезд НФЭ принимает специальную резолюцию "О суверенитете", где говорится: "Мы не считаем оправданными сепаратистские устремления, не учитывающие международных, экономических, политических и этнических факторов, от которых реально зависит положение в Эстонии". Далее говорится о новом союзном договоре (Народный конгресс. Сборник материалов конгресса Народного фронта Эстонии, 1-2 октября 1988 года. С. 216). Часто обсуждается вопрос о том, удовлетворился бы НФЭ, если бы вдруг в 1988 г. Москва пошла на заключение нового Союзного договора. Вопрос этот чисто абстрактный, ибо в 1988 г. это было просто нереально. Но, на наш взгляд, даже из приведенной выше цитаты ясно видно, что общая идея НФЭ - добиться независимости настолько, насколько это возможно, и если бы чудом в 1988 г. был возможен новый союзный договор, наверняка, НФЭ уже тогда поднял бы вопрос о выходе из СССР. В целом дальнейшая динамика событий

кажется нам очень естественной и близкой к единственно возможной в сложившихся условиях.

- 65 "Советская Эстония". 08.12.88.
- 66 "Советская Эстония". 06.11.88. С. 3.
- 67 Ноябрьские события очень подняли престиж А.Рюйтеля, показавшего себя очень умелым дипломатом в отношениях с московской верхушкой. Один из близких к НФЭ депутатов Верховного Совета сказал на заседании: "Народ Эстонии воздает им (руководству, и прежде всего А.Рюителю - Д.Ф.) должное за это, чтит больше, чем многих предшествовавших руководителей: вместе взятых". "Советская Эстония". 15.12.88. С. 2. Так была закреплена поразительная роль А.Рюйтеля, который, будучи Председателем Президиума Верховного Совета ЭССР брежневской эпохи, сейчас является Председателем Президиума некоммунистического (или даже антикоммунистического) Верховного Совета.
- 68 "Советская Эстония". 22.12.88. С. 2. Это, очевидно, связано и с тем, что когда в ноябре для ознакомления с ситуацией на месте в Эстонию приезжал В.М.Чебриков, он выражал возмущение тем, что интердвижение полностью игнорируется ЦК КПЭ и не имеет никакого доступа к средствам массовой информации ("Советская Эстония". 15.11.88. С. 2. "В.М.Чебриков на встрече в ЦК КПЭ").
- 69 "Советская Эстония". 14.01.89. С. 3.
- 70 "Советская Эстония". 02.02.89. С. 2.
- 71 Сейчас смешно читать, например, такую фразу М.Лауристин: "В ленинском наследии, в Конституции СССР и в новой редакции Программы КПСС этот вопрос (национальный - Д.Ф.) решен во всей ясности..." ("Советская Эстония". 13.03.88. С. 3. М.Лауристин "О проблемах межнациональных отношений"). Или длиннейшую статью Э.Сависаара в "Радуге" "Революция продолжается", где "ленинская традиция" - через слово, и есть такие слова: "... начавшиеся качественные изменения ... проникнуты идеями Великого Октября" ("Радуга". 1988. N 1. С. 45).
- 72 Еще 29.09.87 г. в "Советской Эстонии" (С. 3. "Мера памяти - мера совести") можно было прочесть такие слова: "Память, совесть... - высокие понятия. И если смотреть с их вершины на "общественных деятелей" Т.Мадиссона, Лагле Парех ... то в них очень четко просвечивает сине-черно-белая окраска".
- 73 "Советская Эстония". 28.02.89. С. 3.
- 74 "Советская Эстония". 18.01.89. С. 2. "Кто крайний?" (беседа с Х.Валком).

- 75 На съезде Интердвижения рассказывали даже такой факт (выступление Глухова) - тартуский горком запретил публикацию одной из статей Я.Каплинского на русском языке (очевидно, статьи, в которой он предлагал платить русским за отъезд из Эстонии) и разрешил только после угрозы пикетирования ("Советская Эстония". 12.03.89., С. 2).
- 76 М.Хинт. "Проблемы двуязычия: взгляд без розовых очков". "Эстония: о том, что волнует". Таллин. 1989. С. 87.
- 77 Х.Трасс "Политика, экология и ...". Таллин. 1989. № 6. С. 89-90.
- 78 Например, в газете "Молодежь Эстонии" от 21.09.88, публикуется беседа с Рейном Вайдеманном, где такие фразы: "Очень хочется, чтобы русские чувствовали себя здесь, как национальная группа, живущая в отрыве от родных истоков ... Мы хотим консолидировать русскоязычное население в общину ... издавать газету культурно-исторического свойства под названием типа "Русский голос" или "Русский патриот". Откликнувшийся на эту публикацию В.Лебедев пишет: "Тут уж, как живая, предстает знакомая по художественным фильмам картина жизни русских эмигрантов ... - ресторан "Тройка", хор ... и песня "Вечерний звон". "Советская Эстония". 10.11.88. С. 1.
- 79 Когда Э.Пылдрооса в интервью спрашивают: "... какой, на ваш взгляд, самый узловой вопрос?", он отвечает - "Вопрос регулирования миграции". Естественно, что после этого его критика идеи Я.Каплинского платить русским имигрантам за то, чтобы они уезжали в Россию, выглядит лишь как критика неуместной откровенности: "Таких предложений делать нельзя. Ни в коем случае нельзя говорить человеку: "Ты здесь не нужен, ты здесь лишний" ("Пока важнее нести слово". Беседа с делегатом XIX партконференции, председателем правления Союза художников ЭССР Э.Пылдроосом. "Советская Эстония". 08.06.88. С. 3).
- 80 "Советская Эстония". 04.10.88. С. 1-2.
- 81 В Тартуском университете работала (и работает) целая группа крупных ученых-евреев, переехавших сюда во время антисемитской кампании, бушевавшей в конце сталинского правления, и нашедших здесь приют и работу. Естественно, что эти люди благодарны Эстонии и в значительной степени отождествляют себя с ней. Тем не менее, позиции, например, академика М.Бронштейна (который в отличие от Ю.Лотмана стал академиком еще в "доперестроечные" времена), насколько можно судить, значительно более "взвешенная", чем позиция Ю.Лотмана.
- 82 "Советская Эстония". 19.07.88. С. 4.

- 83 "Советская Эстония". 13.07.88. С. 3.
- 84 "Советская Эстония". 12.10.88. С. 3.
- 85 Э.Сависаар говорил в речи 22.12.88 "Интернацисты" (так теперь стали называть эстонцы ИД - Д.Ф.) - движение, которое скрытно хранит в себе элементы фашистского движения, движения черносотенцев..." ("Советская Эстония". 14.01.89. С. 3.)
- 86 "Советская Эстония". 21.11.90. С. 3. Ю.Лотман. "Ошибающиеся друзья".
- 87 И.Грязин, один из народнофронтских деятелей, мог сказать про выступление Е.Когана на съезде народных депутатов - "чрезвычайно дурацкое выступление". В.Яровой и Е.Коган пишут в связи с этим: "И это в стране, где 'высокая политическая культура!' Пусть каждый читатель себе на минутку представит, что вместо названия пярнуской газеты будет написано 'Советская Эстония', а фамилии Грязина и Когана в этой статье поменяются местами" ("Советская Эстония". 04.07.89. С. 3. "Открытое письмо В.Ярового и Е.Когана к жителям Эстонии").
- 88 "Советская Эстония". 18.01.88. С. 2.
- 89 Херберт Вайну "Эстония: узел межнациональный противоречий". Таллинн.1990. С. 65.
- 90 "Советская Эстония". 14.09.88. С. 2.
- 91 "Эта организация в общем-то к политической жизни Эстонии не относится, поскольку действует в качестве пятой колонны по прямым указаниям соседнего государства". Мари Путт "Политические партии в Эстонии". "Вперед". 11.08.90. С. 2.
- 92 На съезде присутствовало 749 делегатов от 139 предприятий и организаций 8 городов (в основном, однако, из Таллинна). 65% делегатов - служащие, 32% - рабочие, 3% - учащиеся и пенсионеры, 592 русских, 78 украинцев, 38 белоруссов, 22 еврея, 11 эстонцев ("Советская Эстония". 05.03.1989. С. 3.)
- 93 Стенограмма Учредительного съезда ИД публиковалась в "Советской Эстонии" от 10,11,12,13 и 14 марта 1989 г.
- 94 Будущее руководство ОСТ. (председатель СТК "Двигателя" В.Руденя и др.) в конце августа 1988 г. провело встречу с руководством тартуского народного фронта - академиком В.Пальмом и профессором Р.Блюмом, на которой была выработана приемлемая для обеих сторон формула закона о языке ("Государственным языком ЭССР является эстонский при государственных гарантиях прав и свободного развития русского языка во всех основных сферах общественной жизни"). Ничего хорошего из этого не получилось - соглашение

было сорвано "интерами", настроившими коллектив "Двигателя" проголосовать против него. "Интеры" были возмущены, что начальство отстранило их от переговоров (См.: "Советская Эстония". 20.09.88. С. 3. "Уроки в школе демократии"). Здесь мы прекрасно видим, как демократические, "популистские" движения срывают компромиссы, к которым склоняются элитарные круги, ибо напряженность - благоприятная почва для таких движений и только через эти движения и через эту напряженность их лидеры могут подняться по статусной лестнице. Характерно и то, что переговоры были именно с тартуской профессурой, то есть тоже элитной публикой, у которой нет заинтересованности в напряженности. Наверняка, из переговоров с Э.Сависааром ничего хорошего не вышло бы.

95 См. описание этих событий в: "Советская Эстония". 02.12.88. С. 3-4. "Учредительная конференция ОСТК "Эстонии".

96 Смычка эта наступает, однако, далеко не сразу. Не только в 1988 году, но даже на совещании 18 февраля 1989 г. ОСТК категорически отказывался поддержать митинги и пикетирования "интеров". Про совещание 18.02.1989 г. "Советская Эстония" пишет: Участники совещания оценили эти выступления как провакационные, дали решительный отпор подстрекателям, разъяснив, что ОСТК республики - организация не политическая, а социально-экономическая, ничего общего с целями и задачами ИД не имеющая ("Советская Эстония". 21.02.89. С.1.).

III. ПРЕДПАРЛАМЕНТСКАЯ ЭПОХА.

К концу февраля 1989г. заканчивается выдвижение кандидатов в народные депутаты СССР, 27 марта "Советская Эстония" публикует список избранных. В апреле кампания завершается - происходит повторное голосование и повторные выборы в нескольких избирательных округах.

Выборы принесли значительную победу НФЭ. Кроме "русскоязычных" районов, где победили в основном кандидаты ОСТК - В.Яровой, Т.Пупкевич, И.Куташов, О.Клушин и не включенный в список ОСТК лидер ИД Е.Коган¹, победивший в Калининском р-не Таллина народофронтовского деятеля, редактора "Радуги" Р.Вейдемана, в народные депутаты прошла группа беспорных лидеров (В.Вяляс получил 92,4% голосов, А.Рюйтель - 90,33%, И.Тооме - 91,24) и большинство народофронтовских кандидатов. Ряд крупных партийных чиновников проиграл народофронтцам². Но значение выборов отнюдь не в подтверждении влияния НФЭ в эстонском обществе. Начинается новая эпоха политической жизни, со своей внутренней логикой. До выборов популярность в народе - лишь помощь, поддержка в пути "наверх", который все же прежде всего зависит от "верхов" - от эстонского партийного руководства. Приобретший влияние человек к реальным рычагам власти приходит все-таки лишь через кооптацию руководством - карьеры Э.Пылдрооса, М.Титма, фактически даже карьера Э.Сависаара, который объективно именно так, через кооптацию, становится депутатом ВС ЭССР и заместителем премьера. Теперь нужно лишь одно - победа на выборах, а это означает радикальное изменение всего характера политической борьбы.

Только с этого времени кончается "балансирование" между настроениями народа, правящей верхушки и "Москвы", система "эзопова языка", "подмигивания". Начинается апелляция к эмоциям массы, к ее глубинным идейным и психологическим комплексам. В 1988 г. подавленные и запрятанные, "подпольные" идейные комплексы только начали выходить наружу. С конца 1988 по начало 1990 г. все подавленное выходит наружу стремительно и шумно. Выигрывает тот, кто смелее, кто скажет резче и громче то, что раньше говорилось шепотом, кто найдет что-то новое, еще не сказанное.

Фактически в это время происходит действительная революция, радикально и необратимо изменившая за полтора года характер эстонского общества.

Весь политический спектр эстонского общества стремительно сдвигается во все более радикальном направлении. Уже подъем национального флага 24 февраля 1989г. означал, что эстонская партийно-государственная элита, представители которой выдвинулись еще в эпоху Брежнева и Вайно, символически утверждает идентичность своих целей и целей ПННЭ, а к 1990 г. фактически весь набор идей ПННЭ (незаконность "оккупации" и ее последствий) входит в официальную риторику и в какой-то мере реализуется в официальной политике.

Но при этом не просто эстонское общество целиком сдвигается в "радикальном" направлении. Одновременно происходит "развал консенсуса", установившегося с приходом к власти В.Вяляса. Теперь поддержка ЦК КПЭ, так необходимая НФЭ в 1988 г., становится ненужной и даже вредной, ибо при всей популярности В.Вяляса, А.Рюителя и других лидеров, коммунистическая партия среди эстонцев более чем "непопулярна", "непопулярна" она и среди самих коммунистов, подавляющее большинство которых, как показали события 1989-90 гг., состояли в ней исключительно из карьерных соображений. Поэтому, когда дело доходит до ситуации, при которой политическую судьбу начинает решать избиратель, выгодным становится максимально дистанцироваться от всего коммунистического. Поэтому-то руководство НФЭ и отказывается от союза на выборах с КПЭ (к полному "недоумению" партийных лидеров, например, того же М.Титма, который вместе с Э.Сависааром писал "письмо 4-х", но затем сделал молниеносную и блистательную партийную карьеру, всячески помогая НФЭ, и теперь обнаружил, что ЦК КПЭ начинают "избегать")³. С этого времени начинается ускоренный развал КПЭ, из которой стремящиеся сделать политическую (да и любую) карьеру начинают уезжать также, как раньше они стремились в нее попасть.

Но развал "консенсуса" 1988г. связан не только с развалом КПЭ и дистанцированием от нее НФЭ. Как мы уже говорили, НФЭ - порождение очень специфических условий начала "перестройки". Его мощь связана как раз с двусмысленной ситуацией "консенсуса", ситуации "полуоппозиции". Дистанцирование от КПЭ, переход к демократической борьбе за власть ослабляет эту организацию, в которой усиливаются центробежные тенденции и которой все больше угрожает радикальный блок, возглавляемый ПННЭ. В выборах народных депутатов СССР, "недемократических псевдовыборах" в

"парламент чужого государства" он участия не принимает. Но он активно включается в борьбу за власть в Эстонии.

Подъем национального флага, флага Эстонской республики, на "длинном Германе" 24.02.89 г. по решению Президиума Верховного Совета имел колоссальное символическое значение. Это вызвало, естественно, острую реакцию "русскоязычных" коммунистов (они "раскрыли себя", "маски сорвали"). Но достаточно острая негативная реакция была и у той части эстонцев, которая стояла на позициях ПННЭ и примыкающих к ней "национал-радикальных" групп. Для интеллигентов это - надругательство над красным флагом, для "национал-радикалов" - это надругательство над национальным, черно-сине-белым. Для интеллигентов - это снятие масок, для "национал-радикалов", наоборот, маскарад. И если будущий глава республиканского забасткома МЛысенко говорил на съезде Интердвижения: "партия ... плетется в хвосте у Народного фронта"⁴, то для Александра Кокина "верхушка, головка Народного фронта является тонкой маской на лице компартии"⁵. Подъем национального флага - маскарад, ибо те, кто организует это торжественное действие - Рюйтель и Тооме, сидевшие в руководстве тогда, когда лидеров ПННЭ сажали в тюрьмы, и бывший комсомольский работник Сависаар.

Национал-радикалы, несомненно, никогда не могли себе вообразить, что национальный флаг будет поднят руками партийной элиты, тех же самых людей, которые еще полтора года назад голосовали за резолюции протеста против того, что диссидентов принимают в Вашингтоне. И естественно, что они не могут поверить в реальность происходящих изменений. Позиция радикалов - "инерционно-революционная". Хотя реально все меняется на глазах, для них - все остается по-прежнему, выборы народных депутатов - комедия, в которой они не участвуют, коммунисты остаются коммунистами, а Эстония оккупированной страной. При этом создается впечатление, что в их позиции, наряду с моральным ригоризмом и определенным идейным "догматизмом", есть и нечто от стремления сохранить привычную и ставшую уже психологически "удобной" ситуацию "гонимых, преследуемых"⁶.

Но время работает на радикалов, выводя их из положения "вечной оппозиции" и подталкивая их к борьбе за власть. По мере того, как перспектива независимости становится все реальней, достижение ее переходит из области мечты, грез, в область осознанных и громко провозглашенных целей, естественно, растет популярность тех, кто всегда требовал независимости. Они всегда представлялись честными и смелыми людьми и сейчас, когда разворачивается "бегство" от компартии и изобретаются все возможные способы представить себя гонимым "старым режимом"⁷, у них в этой сфере нет конкурентов. Но они все более перестают казаться и утопистами. Опросы общественного мнения показывают, что с конца 1988 г. по конец 1989 популярность ПННЭ среди эстонцев неуклонно растет. Если в декабре 1988г. "полностью поддерживали" ПННЭ 15% эстонцев, а противниками ее были 16%, то в апреле 1989г. первых - 18%, вторых - 16%, в июне - 18% и 10%, в сентябре - 22% и 9%⁸.

И кроме того, в среде радикалов складывается идея, позволяющая им перейти к борьбе за власть "на своих условиях", сохранив положение принципиальной, "революционной" оппозиции. Это - идея комитетов граждан и конгресса Эстонии, призыв к созданию которых был издан в тот же день, когда был поднят национальный флаг - 24 февраля. Идея эта - проста и ясна. Поскольку оккупация Эстонии - незаконна и соответственно - незаконны и все ее последствия, в том числе - и демографические, правопреемником Эстонской республики может быть лишь Конгресс Эстонии - орган, выражающий волю ее бывших граждан и их потомков, не важно, где их теперешнее место жительства - в Эстонии или за ее пределами. Таким образом, необходимы регистрация граждан и проведение выборов в Конгресс. Мигранты имеют лишь право просить об эстонском гражданстве и до восстановления независимости регистрируются как "просители", имеющие на Конгрессе право совещательного голоса. Как писал один из инициаторов этого движения, ставший затем председателем КЭ, Тунне Келам: "... спасет нас только восстановление преемственности собственной государственности, опирающейся на сваи, вбитые в возможно более глубокую правовую основу"⁹.

Идея комитетов граждан вызвала ужас у правящей национально-либеральной верхушки¹⁰. В этом отношении очень показательны интервью М.Титма в апреле 1989 г., в котором есть одновременно и попытка успокоить себя и умалить масштабы движения: "Если бы это движение пошло по Эстонии, мы практически потеряли бы контроль над ситуацией", но оно явно затухает, и

признание : "Ведь простой эстонец думает, что эти комитеты стоят за его интересы"¹¹. Фактически радикалы бросили правящей группировке и всей системе власти вызов, ответа на который у нее нет, ибо идея комитетов граждан и Конгресса Эстонии - лишь логическое развитие тех положений об оккупации, незаконности 1940 г. и т.д., которые всеобщие для эстонского массового сознания¹². В этой ситуации единственное, что им можно противопоставить - соображения тактики и целесообразности, плохо действующие в обстановке народного "пробуждения" и энтузиазма. Радикалы "перехватили инициативу", казалось, ушедшую у них из рук в результате действий правительства и НФЭ. Как пишут социологи М.Майтсе и Г.Соотла " ... было ясно, что комитеты граждан гораздо определенной (чем НФЭ - Д.Ф.) выражают идеологию самостоятельности и более последовательно реализуют соответствующую политику ..." ¹³.

Комитеты граждан распространяются по всей Эстонии, постепенно зарегистрировав большинство тех, кто имел на это право и производя подготовку к выборам в Конгресс. И если в начале правящая группировка сопротивляется, то в конце концов в предвыборную кампанию включаются все политические силы эстонцев, фактически признав стоящую за идеей К.Э. логику, признав правоту радикалов и пойдя за ними¹⁴.

*

*

*

1989 г. - год бурного процесса создания политических партий в Эстонии. Партий создано много - сколько точно, нам выяснить не удалось и некоторые из них известны нам лишь по названию (да и самим эстонцам совершенно не известны). Количество членов в каждой из них исчисляется десятками, даже не сотнями человек. С чем же связан этот бурный процесс?

Прежде всего, разумеется, с тем, что создание партий стало возможным и безопасным - компартия распадается и отказывается (и в масштабах Эстонии и в масштабах СССР в целом) от монополии на власть. Теоретически это могло вести не к созданию новых партий, а к усилению НФЭ, "перекачки" сил из КПЭ в него. Однако этого не происходит. Создаются именно новые партии, причем без какой-либо массовой опоры, слабые и зачастую эфемерные. Очевидно, причины этому - две. Во-первых, это - стремление различных

политических деятелей полностью перечеркнуть свое коммунистическое прошлое, создать себе в глазах избирателей совершенно новый образ. Во-вторых, это усиление конкурентной борьбы, расшатывающей и весь эстонский "консенсус" и народнофронтское единство, хрупкое и не спаянное прочной партийной дисциплиной. Выступать на выборах как бывший член КПЭ и народно-фронтовец - не "зачеркивает" коммунистическое прошлое и не выделяет политического деятеля из толпы других, состоящих тоже из бывших членов КПЭ и народнофронтовцев. Совсем другое дело - заявить о своей принадлежности к какой-то новой, с ярким и респектабельным названием, партии. Это сразу выделяет тебя из массы, делает заметным и прибавляет к твоему личному авторитету авторитет этого названия. И если это - название партии, которая есть в каждом "приличном европейском обществе", которая вроде бы должна быть в независимой демократической Эстонии (если она есть в независимой демократической Германии или Швеции), то объявив о создании такой партии, ты прочно "застолбляешь" для себя место в эстонской политике и, что немаловажно, можешь претендовать на эстонское место в международном сообществе подобных партий (со всеми вытекающими отсюда приятными последствиями). На рынок выбрасывается товар с различными красивыми "европейскими" этикетками, хотя далеко не всегда разный по содержанию. При этом создается впечатление, что идет своего рода борьба за "захват" этих этикеток, ибо организовавший какую-либо партию деятель, ставший ее председателем, тем самым обрекает всех прочих, кто тоже схватился бы за это название, на второстепенные роли и вынуждает их искать новые, "незанятые" места. Этот процесс идет помимо НФЭ, и новые партии в какой-то мере отодвигают НФЭ на задний план.

Наиболее близкой к радикалам из ПННЭ и наиболее рано - 17.12.88 г. - возникшей партией является ХДС, отличие которой от ПННЭ его председатель пастор И.Халласте, сформулировал следующим образом: "Для ПННЭ, как я понимаю, независимость Эстонии - это окончательная цель. Для ХДС - это только условие для достижения основной цели - создания гуманного общества, в центре которого - именно человек, личность, но не интересы государства". Отграничив себя таким образом идеологически от своих союзников, председатель ХДС обрушивается на НФЭ.

"... НФ все дальше отходит от народа ... его руководители все свои силы направили сейчас на получение государственных постов"¹⁵. При общем

стремлении к "европейскости" и оживлении религиозности¹⁶, у ХДП очень неплохие шансы на выживание.

Такое же "бесспорное" место захвачено и социал-демократической партией, созданной М.Лауристин в январе 1990 г. При этом обеспечиваются не только сильнейшие и обширнейшие международные связи и идеальная респектабельность названия, но и определенная организационная преемственность с коммунистическим прошлым¹⁷. Тем не менее об идеологии партии говорится достаточно туманно. Социал-демократы - против строительства социализма, "мы защищаем социальное начало в любом обществе, гуманистическое начало"¹⁸.

Создание НФЭ отодвинуло на задний план Эстонское зеленое движение. Теперь ряд его лидеров решили, используя его нажитый моральный капитал, рвануться в "настоящую" политику, создав Эстонскую зеленую партию. "Выполнение конкретных экологических требований - говорится в интервью ее членов-учредителей М.Кивистик и А.Тюмяэ - возможно только в том случае, если последуют изменения в других областях общественной жизни"¹⁹.

Такое же ощущение "обойденности" есть и у деятелей творческих союзов, в начале 1988 г. бывших в центре и во главе общественного движения. И они тоже решили в новой ситуации взять "реванш", создав "либерально-демократическую" партию. При этом в нее переходит из тонущей КПЭ недавно сделавший блистательную партийную карьеру Э.Пылдроос. "Два года назад, - говорит он - программой-максимум для меня был реформированный социализм в духе "Пражской весны". Сейчас же он понял, что социализм - это вообще плохо²⁰. Среди лидеров партий - писатели И.Э.Руммо, Т.Каллас, Я.Йьгерюйт, композитор Л.Сумера и другие деятели культуры, что придает ЛДП оттенок специфической "духовности". "Мне кажется, - говорит один из ее учредителей, - сущность программы моей партии может быть уложена в трех главных понятиях - бережное отношение к человеческой личности, приоритет духовных и общечеловеческих ценностей, создание свободного общества через свободу каждого ее члена"²¹.

Тийт Маде, автор вызвавший такой скандал в 1988 г. антирусских статей и, очевидно, испортивший ими отношение с другими народофронтскими лидерами, создает весной 1990 г. "Партию предпринимателей", цели которой определяются, на наш взгляд, несколько противоречиво - с одной стороны - рыночная экономика, где выживает сильнейший, с другой - создание традиционной экономической структуры Эстонии, чьи "краеугольные камни ... - в малых производствах и хуторских хозяйствах"²². Но некоторые неясности в

программе и отсутствие ясных аналогов на Западе полностью компенсируется мощной финансовой базой - партия создана на основе Ассоциации кооператоров, затем преобразовавшейся в Эстонский центральный союз предпринимателей, причем Т.Маде стал и председателем партии и президентом Союза²³.

Естественно, что в Эстонии, где крупнейшей партией в досоветские времена был Аграрный Союз К.Пятса, должна была возникнуть Сельская центристская партия, во главе которой - отнюдь не крестьянин, а сотрудник Института экономики И.Райг. Эта партия считает колхозы "в какой-то мере преступной формой организации" и требует их роспуска²⁴. Философию своей партии И.Райг определяет следующим образом: "Цель нашей политической деятельности - свободная личность, которую мы рассматриваем как часть природы. Мы признаем законы природы и рассматриваем жизнь, как святыню" (курсив И.Райга)²⁵.

При общем антикоммунистическом направлении эволюции общественного мнения, естественно, наибольшая "толчея" возникает на правом фланге. Здесь действует ПННЭ, ХДП, Консервативная партия, вроде бы, еще более решительная, чем ПННЭ, и даже готовая в случае "агрессии СССР" к организации вооруженного сопротивления и Республиканская (затем Объединенная республиканская) партия, созданная бывшим председателем СТКЭ Ю.Нугисом, который в 1989 г., как он говорит сам про себя, " ... с левого фланга перешел на правый". Республиканская партия, по его словам - очень права, правее ее - только ПННЭ, " но я, говоря откровенно, партией ее не считаю"²⁶.

Во всем этом процессе - очень много личного (нельзя забывать, что Эстония - маленькая страна, где все друг друга знают и где в силу этого особо много значат и сразу же принимают политическую и идеологическую форму все личные антипатии, обиды и т.д.) и есть нечто действительно "маскарадное", "карнавальное". И эта "карнавальность" наиболее остроумными людьми начинает осознаваться и приводит к "пародированию" или "самопародированию". Так возникает (в конце 1990 г., уже после периода наиболее интенсивного образования партий) Эстонская роялистская партия, привлекающая, вроде бы, 200 членов, что по эстонским масштабам совсем не мало. Лидер партии, Тартуский математик К.Кулбоху, говорит, что хотя вероятность монархии в Эстонии - 0,0001 процента, она все же больше, чем вероятность коммунизма. " ... Мы не хотим, - продолжает он, - чтобы нашу

партию воспринимали очень серьезно. И без того достаточно сверхсерьезных группировок ... хорошо, если нам удастся иногда разрядить обстановку"²⁷.

По мере разворачивания демократического процесса, все большей зависимости политики от рядового избирателя и все большей радикализации этого избирателя, выражающего в словах и действиях подавляемые ранее идеологические комплексы, НФЭ склоняется к антикоммунизму и конфронтационной борьбе за независимость.

Процесс "дистанцирования" от КПЭ идет по нарастающей. В 1989 г. НФЭ вступает, отказавшись от сотрудничества с КПЭ на выборах народных депутатов. Но полного разрыва еще нет. М.Лауристин еще возмущается, когда говорят о различии позиций НФЭ и КПЭ. Сам Сависаар еще представляет дело так, что скорее ЦК КПЭ колеблется и "предает" НФЭ²⁸. К концу 1989 г. уже все видные деятели НФЭ вышли из КПЭ, и более того, НФЭ принимает решение, что сохранение членства в КПЭ является негативным критерием при оценке возможности поддержки того или иного кандидата со стороны НФЭ. Идет стремительное сближение позиций НФЭ и радикалов. Если в докладе на Учредительном съезде НФЭ Э.Сависаар критикует радикалов, которые "не понимают, что самоопределение народов может выражаться в разных формах ... и считают, что суверенитета можно достичь не иначе, как в отдельном государстве"²⁹, то уже в апреле 1989 г. НФЭ принимает декларацию "О национальном самоопределении", где говорится: "Эстонская государственность ... может ... развиваться только в направлении восстановления правовой преемственности государственности, прерванной в 1940 г."³⁰. И если еще в начале 1989 г. идея комитетов граждан изображается как опасный авантюризм, в конце года НФЭ сам включается в кампанию по выборам в Конгресс Эстонии.

Таким образом, НФЭ сдвигается в радикальном направлении, одновременно стремясь сохранить свое положение центра. Эта идеологическая эволюция находит отражение в "Выборной платформе" НФЭ, опубликованной в октябре 1989 г. В этой платформе врагами объявляются, естественно, ИД "и другие шовинистические силы". "Противоречие между НФ и блоком

интердвижения - не национальные, а политические и идеологические. Поэтому любая коалиция с ним была бы отказом от своих принципов.³¹ "Рядом" с собой НФЭ видит КПЭ и ПННЭ. Про КПЭ говорится, что хотя "... сохранился механизм власти, ... идеология, для реализации которой эта власть предназначена, полностью утратила свой смысл ... у народа нет уверенности в том, что КПЭ не подчинит вновь национальные устремления с одной стороны - устремлениям центральной власти, а с другой - своим групповым интересам". Про "блок комитетов граждан" (блок радикалов во главе с ПННЭ) говорится значительно мягче - он упрекается в "юридиказме" и в том, что "неоценивается значение ИМЕ". Целью НФЭ объявляется "поэтапный переход от статуса суверенной союзной республики Советского Союза к статусу не зависящего от Советского Союза государства-союзника, дальнейшая цель - стать независимым государством в демилитаризованной нейтральной Балтоскандии"³².

В "Платформе" говорится только о КПЭ и ПННЭ, процесс образования партий игнорируется. И очевидно, это - не случайно, ибо хотя социал-демократы, либерал-демократы, зеленые не порывают с НФЭ, процесс образования партий подрывает силу этого движения, продолжающего видеть в себе не одну из ряда конкурирующих политических сил, каким оно объективно все более и более становится, а общэстонское национальное движение, вне которого - только "крайности". НФЭ делает шаги к большому организационному оформлению - летом 1989 г. Совет уполномоченных вводит платные "карточки поддержки", некий аналог партбилетов³³, но превращение в партию слишком противоречит его первоначальной идее, слишком снижает его "образ", чтобы процесс этот шел быстро.

Теснимый радикалами, колеблющийся между двумя образами своей роли (образом партии и образом общенационального движения) и "разьедаемый" изнутри процессом образования партий, НФЭ на протяжении 1989 г. теряет свои позиции. Среди эстонцев в декабре 1988 г. его "полностью поддерживало" 80%, в июне и сентябре 1989 г. - 68% (это происходит на фоне роста популярности ПННЭ). Среди неэстонцев процент "полностью поддерживающих" упал с 21% до 8%³⁴.

Радикалы "обходят" НФЭ "слева", но пока "справа" от НФЭ - КПЭ, организация "умирающая" и явно неспособная возглавлять борьбу за независимость, НФЭ всегда может противопоставить себя радикалам, как силу, добивающуюся того же самого, но "реалистическим" путем. Между тем, на протяжении 1989 г. складывается оформившаяся к началу 1990 г. группировка, которая создает конкуренцию НФЭ "справа", с "реалистических" позиций.

НФЭ - организация специфически интеллигентская. "Настоящая" эстонская партийно-хозяйственная бюрократия могла сблизиться с НФЭ, используя его в своей борьбе с Москвой и "ведомствами" и используемая им, но найти себе место в нем она не может. Это - люди с иным положением и иной психикой, ориентированные на стабильность, преемственность, эволюционность.

Их интересы в какой-то мере выражают две организации - СТКЭ, вначале воспринимавшийся как "крыло" Народного фронта, на протяжении 1989 г. все более дистанцирующийся от него, и Маалийт, "Аграрный Союз". СТКЭ фактически является объединением эстонских руководителей предприятий, как ОСТК - русских руководителей, а Аграрный Союз - сельскохозяйственного руководства. Этим людей пугает безудержный "идеологический капитализм", идущий из интеллигентских кругов³⁵.

Но СТКЭ и Аграрный Союз - не политические организации. Естественные лидеры этой группировки - в КПЭ, причем выход их из КПЭ неизмеримо более сложен, чем выход Э.Сависаара или Э.Пылдрооса, в силу их "укорененности" в партийной верхушке. Энн Пылдроос может заявить, что у него открылись глаза на социализм и создать "Либерально - демократическую" партию, премьеру И.Тооме это не подходит. Тем не менее пребывание в КПЭ становится все более невыгодным и прямо опасным для продолжения политической карьеры. По мере приближения выборов в ВС ЭССР потребность верхушки эстонской бюрократии найти какую-то форму "достойного", приличного, дистанцирования от КПЭ, позволяющую и не порывать с ней резко и в то же время достаточно четко определиться вне КПЭ, становится все более настоятельной.

Такая форма находится в объединении Ваба Ээсти (Свободная Эстония), созданном крупнейшими фигурами "национально либеральной" группировки, которые никак не могли найти себе место в возглавляемой Э.Сависааром НФЭ - и вышедшими из КПЭ и оставшимися в ней - Я.Алликом, С.Калласом,

Т.Корком, Ю.Вооглайдом, И.Грязиным, Х.Шейном, М.Титма, Р.Отсасоном и др. Затем, после выборов, в ВЭ переходит и бывший премьер И.Тооме.

ВЭ - не партия, требующая от своих членов выхода из других партий (в данной ситуации "другой партией" может стать только КПЭ), а "объединение", "Демократический избирательный Союз". В учредительных документах ВЭ специально подчеркивается, что "... большинство сегодняшних политических деятелей, пользующихся поддержкой народа, являются членами КПЭ ..."36, "мы понимаем, что служение интересам Эстонии в предшествующий период нередко требовало наличия партийного билета"37. Таким образом, ВЭ резко отмежевывается от антикоммунизма. Но одновременно оно дает возможность "элегантно" и незаметно отойти от КПЭ. Ведь у него - свое, красивое и яркое название, и своя платформа, название которой прекрасно отражает ее "идеологию": "Терпимость, компетентность, сотрудничество"38. В платформе говорится: "Эстония идет к независимости ... Мы считаем, что при восстановлении гражданского общества в Эстонии нужно воздержаться от огульного отрицания и разрушения существующих структур и механизмов общественной регуляции ... Независимость Эстонии должна быть достигнута без социальных потрясений и насилия ... Сейчас нужна не перепалка, а серьезная работа ..." В другом документе говорится, что восстановить Эстонскую республику на идейной основе, несколькими торопливыми политическими решениями невозможно ..." и, в противовес ставке НФЭ на демократическое движение России, группирующееся вокруг Б.Н.Ельцина, указывается, что "нет альтернативы Горбачеву"39.

* * *

Все процессы образования новых партий и организаций идут на фоне стремительного распада КПЭ, начавшегося именно тогда, когда к власти приходит "национальное" и "прогрессивное" руководство, "повернувшееся лицом к народу". Именно в этот период, когда в воздухе еще звучит лозунг о единстве партии и народа, начинается выход из партии, прежде всего - эстонцев40. В 1989 г. это принимает характер "обвала". Один за другим идут уже переставшие быть сенсационными зачастую гротескно выглядящие прозрения, вроде прозрения Э.Пылдрооса, или того человека, о котором рассказывал Я.Аллик -

он в детстве был со своими родителями в ссылке в Сибири, но "прозрел" в 1989 г.⁴¹.

Партия разваливается на глазах⁴², хотя перспектива ухода КПЭ с политической арены и кажется невыносимой. Еще сохраняются старые представления о ее силе, заставляющие "интернов", например, требовать исключения Э.Сависаара из партии. Они сохраняются даже у объективного эстонского социолога О.Самородного, который еще в июле 1989 г., когда распад КПЭ уже очевиден, говорит: "Несмотря на отдельные радикальные высказывания о том, что КПЭ скомпрометировала себя и не в состоянии что-либо предпринять, реальность показывает, что нет другой силы, у которой были бы более реальные возможности для продуктивной деятельности. Кроме того, КПЭ - единственное связующее звено между Эстонией и Москвой"⁴³. И тем не менее этот непредставимый процесс идет с неудержимой силой и опросы общественного мнения показывают, что в демократической ситуации, ситуации свободных выборов, она вообще перестает быть значимой политической силой. Если в декабре полностью поддерживали КПЭ 18% эстонцев, то в июне - 8%, сентябре - 10%⁴⁴. Для сравнения укажем, что ПННЭ в сентябре поддерживали 22%. Удельный вес "противников" вырос за это время с 6 до 16%. Среди русских "полностью поддерживающих" КПЭ в декабре 1988 г. - 19%, апреле - 16%, июне - 7%, сентябре - 11%, противников - 11%, 13%, 15% и 8%. Для сравнения "полностью поддерживающих" ИД - 14%, 16%, 12%, 13%, ОСТК - 26%, 30%, 18%, 24%. Характерно, что процент готовых голосовать за КПЭ среди эстонцев еще меньше, чем "полностью поддерживающих", в апреле - 7%, июне и сентябре - 6%⁴⁵, что, очевидно, объясняется тем, что поддержка КПЭ - это поддержка курса В.Вяляса, что психологически означает нечто иное, чем выбор, например, между КПЭ и ХДП.

В этой ситуации, чтобы как-то сохраниться как политическая сила, во всяком случае, среди эстонцев, КПЭ необходимо обрести то, чего у нее никогда не было и быть не могло - свое специфическое лицо, свою идеологию (и идеологию реальную, связанную с действительными идеологическими структурами и процессами массового сознания), которые могли бы привлечь какую-то группу избирателей. Но найти их для КПЭ крайне сложно.

"Естественной" для КПЭ (мы здесь говорим про эстонскую часть КПЭ) идеологией, непосредственно вытекающей из настроений ее руководства и его объективного положения является идеология умеренно "консервативная" и умеренно же "прогрессивная". Она находит свое выражение в докладе В.Вяляса

на 16 пленуме ЦК в декабре 1989 г., "КПЭ стремилась ... - говорит В.Вяляс, ... уравновесить все более четко проявляющиеся разнообразия интересов в нашем обществе. Мы сумели обеспечить при всей противоречивости и напряженности ... относительно спокойное развитие ... Объективно КПЭ сейчас является самой толерантной силой в отношении инакомыслия на политической карте республики". Мы идем к суверенитету, но "он может быть только результатом последовательной, трудной политической работы, а не эффектом декларации. Воля народа и наша цель - ясна. Проблема не в этом, а в том, как это реализовать и как добиться государственности, которая соответствовала бы жизненным интересам народа ... К созданию экономической базы Эстонии будущего мы практически даже не приступали"⁴⁶. Это идеология терпимости, эволюции, а не революции. Еще ярче она представлена в выступлении Я.Аллика на конференции КПЭ в феврале 1990 г. Я.Аллик обрушивается на разворачивающуюся антикоммунистическую кампанию с позиций "добротного" европейского консерватора. "Или мы хотим новой Французской революции, когда через каждые полгода истреблялись силы, руководившие предыдущим этапом, или мы хотим нового сорокового года, когда наиболее компетентная часть общества была принудительно отстранена и уничтожена ... Я считаю, что с этими задачами (задачами, стоящими перед Эстонией - Д.Ф.) лучше всего справляются опытные и знающие люди. Немалая часть этих людей из-за своеобразия политической ситуации вступила в Коммунистическую партию ... Думаю, что теперь, в новых условиях, было бы необходимо сохранить организационную сплоченность этих людей". Далее он взывает к чувству чести людей, уходящих из партии, призывает их не быть "крысами, бегущими с тонущего корабля"⁴⁷. В выступлении Я.Аллика слышатся очень личные интонации. Он действительно глубоко переживает то, что он говорит, у него - честная, внутренне цельная позиция человека, который - коммунист по убеждению. Но он - коммунист по убеждению умеренного либерала-консерватора, а отнюдь не по убеждению коммуниста. Если так можно выразится, его убежденность - убежденность в необходимости социальной роли, которую объективно играет КПЭ, как сила, сплачивающая общество и постепенно ведущая Эстонию без кризисов и потрясений, к реальной независимости и демократии⁴⁸, а не в ее формальной идеологии, никакого отношения к этой роли не имеющей. Ведь эта идеология как раз и основана на воспевании революции, в том числе и Французской, о которой он говорит, что бы не упоминать русскую, и 1940-го года. Для заполнения места

"консервативной" идеологии в эстонском политическом спектре КПЭ нужно отринуть свое прошлое, всю свою символику, что - нереально. Кроме того, чтобы стать "нормальной" эстонской "консервативной" партией: ей нужно размежеваться с Москвой и с русской частью КПЭ, имеющей совсем иные стремления и идеологию. Но это значит - утратить специфические функции "моста" между Эстонией и Москвой и эстонцами и русскими, указание на которые (при трудностях идеологического самоопределения) становится едва ли не основным средством борьбы КПЭ за выживание.

В ситуации крайнего кризиса партии съезд, который определил бы ее будущее, ее взаимоотношения с Москвой и ее программу действий, вроде бы и необходим. И как в начале 1988 г. его требовали эстонские "национал-либералы", так в 1989 г. его требует ИД и ОСТК, позиции сторонников которых внутри КПЭ по мере ухода из нее эстонцев, усиливаются. Но партийная верхушка избирает тактику проволочек, стремясь избежать неминуемого раскола и оттянуть на возможно более поздний срок "судный день". Она упорно держится за сохранение именно функций "моста", реализацию которых раскол сделал бы невозможным.

14 пленум ЦК несколько раз переносился. Перед ним от имени эстонского партийного руководства секретарь таллиннского горкома Я.Саарнииту говорит: "Мы все вместе однозначно пришли к выводу, что сейчас ни в коем случае не нужен внеочередной съезд КПЭ. Потому что это - раскол"⁴⁹. На пленуме, в мае 1989 г. В.Вяляс категорически отвергает идею съезда (или конференции, или расширенного партактива), крича в адрес ИД и ОСТК - "ЦК никто не командует!" (Фраза, которая в данной ситуации звучит, как фраза какого-нибудь утратившего власть, но еще живущего в какой-то мере старыми привычками и представлениями короля Лира). Основное стремление В.Вяляса - как-то "сгладить углы", сохранить неопределенную ситуацию в надежде, что вернутся времена 11 пленума. "Мы как реальные политики, - говорит он, надеемся все же на прежнее сотрудничество с НФ ..." ⁵⁰.

Такая же линия сохраняется и на 15 пленуме, в сентябре, после августовского кризиса и некоторого подъема "рейтинга" КПЭ. Еще в ноябре 1989 г. М.Титма говорит: "Я считаю, что самое мудрое было бы отложить съезд на более поздний срок ..." ⁵¹. И даже 16-й, декабрьский, пленум, происходящий прямо перед выборами в Верховный Совет, не принимает никаких радикальных решений. На протяжении 1989 г. предпринимается несколько попыток создать проект программы, но каждый раз из разного рода комиссий

и рабочих групп возникают два разных проекта - "русский" и "эстонский". К выборам КПЭ идет без каких-либо ясных политических ориентиров и даже каких-либо ясных представлений о своем будущем, фактически махнув на предвыборную кампанию рукой и надеясь лишь на личную популярность своих отдельных лидеров.

Но "судный день" неумолимо приближается. В феврале 1990 г. когда избирательная кампания уже прошла, созывается конференция КПЭ, а в марте собирается, наконец XX съезд КПЭ. Съезд проходит в крайне бурной атмосфере. "Удовлетворительную" оценку работы ЦК получил лишь 441 голосом против 227 при 23 воздержавшихся. Основная битва развернулась не вокруг содержания Проекта программы, а вокруг ее названия - Программа КПЭ или, как предлагала "русская" группа, - тезисы платформы КПЭ к 28 съезду КПСС. 421 голосом против 232 прошел "эстонский" вариант. В результате ожесточенной борьбы и, если так можно выразиться, "ожесточенных" поисков компромисса, была принята очень своеобразная формула отношений КПЭ и КПСС. По этой формуле вводится "переходный период", когда в партии сосуществуют как организации, принимающие программу, так и отвергающие ее, коммунисты, принимающие программу, являются одновременно членами КПСС и КПЭ, получая "вкладыши" в свой партбилет, отвергающие, соответственно, вкладыши не получают. Окончательно вопрос об отношениях КПЭ и КПСС должен решить следующий съезд. Съезд ввел пост председателя партии, избрав на него В.Вяляса и избрал ЦК, первым секретарем которого стал Э.А.Силлари, вторым - Х.Роотс и затем - В.Мальковский. На этом съезде был объявлен распущенным, но часть русских депутатов (таллиннцы, а не более умеренные представители Северо-Востока) заявила, что съезд продолжается и на ночном заседании избрало свое ЦК с двумя секретарями - П.Панфиловым и Д.Гусевым (так называемая "ночная партия" или партия Гусева-Панфилова). В результате возникла какая-то "противоестественная" ситуация двух ЦК в одной партии, которая и входит в КПСС и не входит в нее.

Роль "моста" и "связующего звена" сохраняли "до последнего" и ценой каких-то немислимых компромиссов все-таки сохранили. Но с каждым месяцем этот "мост" становится все более формальным и все менее нужным - по мере того, как в самом центре власть КПСС становится все более призрачной. И более того, партия становится все менее нужной и для самой партийной верхушки, которая (те, кто не убежал, сломя голову, создавать какую-нибудь новую партию) нашла "элегантный" способ дистанцироваться от

КПЭ, не порывая с ней - Ваба Ээсти. Ваба Ээсти как бы "перехватывает" у КПЭ ее реальную идеологию - постепенности, умеренности, "социалистического консерватизма" и у КПЭ остается функция "в чистом виде".

Постоянная радикализация общественного мнения эстонцев, все больший сдвиг "влево", (или "вправо"), к разрыву с СССР и "восстановлению буржуазных порядков", находит свое выражение в серии последовательно принимаемых законодательных актов и действий, которые вполне могли создать впечатление (и действительно создавали его у части "русскоязычных") реализации изначально задуманного плана, причем никаких легальных путей сопротивления для того большинства русских, которое все-таки не хочет отделения Эстонии, нет. ЦК - в руках эстонской "национал-либеральной" группировки, в Верховном Совете - "выбранном" еще при Вайно, от которого никак нельзя было ожидать активности, эстонское большинство принимает один "антирусский", "антисоюзный" и "антисоциалистический" закон за другим. При этом русские депутаты, привыкшие голосовать "механически", лишь с трудом "пробуждаются" к отстаиванию интересов русских. Поразительный факт - принятие в ноябре 1988 г. "Декларации о суверенитете" 258 голосами против 1 при 5 воздержавшихся, что означает, что практически все русские депутаты механически проголосовали "за"⁵². "Пробуждение" возникает лишь после первого конституционного конфликта с центром, вызванного Декларацией о суверенитете, и столкновения разехавшихся с сессии по домам депутатов со своими избирателями⁵³. Уже при обсуждении и голосовании Закона о языке в январе 1989 г. русские депутаты оказывают противодействие и голосуют против. Закон принимается 204 голосами против 50 при 6 воздержавшихся. Но никакого толку от таких голосовании нет, ибо русские депутаты имеют дело со сплоченным большинством, спокойно проводящим один за другим нужные ему законодательные акты, к разработке которых русские депутаты не допускаются. Поэтому все чаще методами борьбы русских депутатов становятся методы не совсем "парламентские" - отказ от голосований, демонстративный уход из зала, что тоже особенного эффекта не производит (ушли и слава Богу). Реально изменить положение могло бы только принятие их требования об изменении

регламента - необходимости для принятия особо важных решений не простого, а квалифицированного большинства голосов депутатов (70 или 80%). Но на это эстонцы никак не идут⁵⁴.

Правда, ИД и ОСТК, организации, объективно взявшие на себя защиту "русских" и вообще "мигрантских" интересов, провели ряд своих людей в народные депутаты СССР, которые получают широкую общесоюзную арену. Но это - не эстонская арена, использование ее еще более усугубляет их отчуждение от эстонцев (и от большинства народных депутатов от Эстонии), ибо каждое их выступление для эстонской массы - наглядная демонстрация роли "русскоязычных" как "пятой колонны", постоянно апеллирующей к центру в борьбе с эстонским стремлением к независимости. Но апелляции эти не очень удачны, ибо и "центр", при всех своих, иногда совершенно необъяснимых колебаниях, все же последовательно идет по пути демократизации и предоставления все больших прав республикам. Апелляции же к общественному мнению России у интеров не удаются.

В этой ситуации переход к "внепарламентским" методам борьбы совершенно естественен. 23 февраля в преддверии церемонии с подъемом национального флага и в День Советской армии Интердвижение проводит в Таллинне митинги, где выступающие говорят о "попытке государственного переворота мирным путем"⁵⁵. 24 февраля таллиннские заводы вывешивают красные флаги и проводят собрания и митинги, избирающие забасткомы, конференция которых избирает затем Совет забасткомов во главе с рабочим М.Лысенко. 14 марта в Таллинне проходит грандиозный много-тысячный митинг⁵⁶, митинги также проходят во многих других городах.

Но февральско-мартовская "буря" - это еще не буря. Настоящая буря разражается летом, начиная с июля. Лето 1989 г. для Эстонии - действительно "жаркое лето". Толчком к взрыву послужила подготовка закона о выборах в местные советы, вводящего ценз оседлости (2 года в данной местности или 5 лет в Эстонии для голосующих, 5 лет проживания в данной местности или 10 лет в Эстонии для кандидатов). 21 июля ИД и ОСТК вновь проводят в Таллинне громадный митинг, где один из лидеров ИД, Ю.Рудяк, говорит: "... они меняют направление перестройки от построения реального социализма в федеративном государстве на реставрацию буржуазного строя в отдельных государствах". В резолюции митинга - требование роспуска комитетов граждан, приостановления действия Закона о языке вплоть до создания государственной системы обучения эстонскому и отказа от готовящегося закона о выборах⁵⁷.

Требования, естественно, руководство проигнорировало. 24 июля начинается забастовка.

В эстонской версии событий летние забастовки инспирированы "сверху". Э.Липпмаа сказал о них, что "это не волеизъявление народа, а локаут под руководством администрации", а Т.Корк называет их "общесоюзной антиперестроечной акцией сталинистов, которые в Эстонии рядятся в одежду борцов против национализма"⁵⁸. Между тем, никаких доказательств этого не приводится, в то время как газетные сообщения, сделанные непосредственно с места событий, рисуют совершенно иную картину. Вот, например, сцена, описанная журналистом "Молодежи Эстонии". 24 июля в четыре часа из зала заседаний Верховного Совета выбегает взволнованный П.Панфилов (тогда - второй секретарь Таллиннского горкома, затем - один из руководителей "партии Гусева-Панфилова") с бумагой в руках. Эта бумага - кем-то переданное ему заявление Республиканского Совета Забастовочных комитетов о начале забастовки. Он пытается дозвониться до М.Лысенко, но ничего не получается. Тогда он вызывает из зала В.Ярвого, руководителя ОСТК, который на ходу бросает журналистам фразу: "Думаю, что никакой забастовки нет. Это - дезинформация"⁵⁹. Другие сообщения (отнюдь не сочувствующей забастовкам) официальной печати говорят о том, что забастовки буквально "выворачивали руки" сопротивляющимся директорам⁶⁰. Забастовки - совершенно естественная реакция издерганного, не понимающего, что происходит, таллиннского русскоязычного, в основном рабочего, населения. Верховный Совет отложил на 2 недели принятие закона, что вызвало большую радость у В.Ярвого: "... была предпринята конкретная попытка взаимопонимания. Робкая, бледная, видимо, не достаточно явная, но все же была ... Если, конечно, это - не очередной тактический шаг"⁶¹ (Видно, что В.Ярвому, все-таки, прежде всего - директору крупнейшего предприятия, а не политическому деятелю, забастовки совершенно не нужны). 26 июля забастовка приостанавливается.

Но у эстонских политических деятелей - совсем не компромиссные настроения. Как мы видели..., перспектива свободных выборов в Верховный Совет вызывает движение во все более радикальном направлении. Политики "соревнуются" друг с другом в твердости в отстаивании эстонских интересов. 8 августа, несмотря ни на что, закон о выборах принимается 194 голосами против 36 при 8 воздержавшихся. РСЗК принимает обращение ко всем трудящимся СССР: "... С принятием закона погасла последняя надежда на то, что нас услышат, поймут и признают наше равное право жить и трудиться на этой

земле⁶². Начинается новая забастовка - вплоть до прибытия комиссии из Москвы⁶³. Работает "порочный круг". С забастовщиками не желают иметь дело, объявляя их агентами Москвы и публично называя их чуть ли не дегенератами⁶⁴. После этого им ничего не остается, как апеллировать к Москве, причем устанавливая контакты, естественно, не с московскими демократами, отношение которых к забастовщикам мало отличается от отношения эстонцев, а с теми, кто готов помочь им и использовать их в своих интересах - с "фундаменталистским" крылом КПСС. После этого, естественно, укрепляется убежденность эстонцев, что все эти забастовки - по указанию "реакционных сил". 10 августа появляется постановление Президиума Верховного Совета Эстонии "О мерах по обеспечению законности и правопорядка в республике", по которому забастовки запрещаются, а забастовки могут привлекаться к ответственности. Это только подливает масла в огонь и забастовка расширяется. Приостанавливается она только после серии мер центра - Президиум Верховного Совета СССР признал закон о выборах не соответствующим Конституции, из Москвы прибыла комиссия во главе с Таразевичем, постановление Президиума Верховного Совета Эстонии от 10 августа уже 15 августа отменяется, 17 августа при посредничестве Таразевича начинаются переговоры правительства с РСЗК и ОСТК⁶⁵. Снова наступает успокоение, но снова - временное и непрочное.

"Горячее лето" еще не кончилось. 23 августа проводится знаменитая акция "Балтийский путь". М.Лауристин в речи на митинге в связи с этой акцией говорит: "Наша цель - свобода. Без свободы хлеб теряет свой вкус, небо меркнет"⁶⁶. РСЗК, в свою очередь, принимает в связи с 23 августа заявление, где говорится: "В целях стабилизации политической обстановки в Эстонии и выхода из кризиса мы требуем осуждения идеологии "приоритета коренной нации". Заявление кончается словами "Национализм и антисоветизм в социалистической Эстонии - не пройдут! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"⁶⁷. Мы видим, как практически идентичные у НД и НФФ фразеологии 1988 г. как бы "расходятся" и в то время как народнофронтовцы прекращают апелляции к Ленину и социализму, "интерны" нагнетают "фундаменталистскую" символику, вытаскивая на свет лозунги, забытые уже в 60-70-е гг. и звучащие в контексте 1989 г. страшновато. Атмосферу страха усугубляет и напугавшее всех и очень странное по своим "жестким" интонациям, не соответствующим ни предшествующим, ни последующим реальным действиям Заявление ЦК КПСС о положении в республиках

Советской Прибалтики, в котором обратившиеся с открытым письмом к М.С.Горбачеву эстонские депутаты, на наш взгляд, не без оснований, усмотрели "намек на возможность геноцида"⁶⁸. Обращение вызвало временное "затишье". Единый фронт прибалтийских республик заколебался - эстонские лидеры стали выражать недоумение, почему Эстонию отождествляют с Литвой. Происходит временное "сплочение" вокруг ЦК КПЭ и НФЭ, а М.Титма говорит о Заявлении даже так - "из него эстонский народ хорошо понял, что в принципе на данном этапе перестройки вопрос о выходе из Союза - вопрос провокационный"⁶⁹. Но это - именно "затишье", а не успокоение, затишье, вызванное страхом, который ведет к озлоблению. И когда, и очень скоро, выясняется, что Заявление ЦК - только "страшные слова", эстонское "наступление" возобновляется, но при еще большем ожесточении эстонцев и растерянности (ибо понять, что происходит, в чем реально заключается политика Москвы, в какой мере на нее можно рассчитывать - невозможно) и ожесточении русскоязычных.

С законом о выборах повторяется то, что происходило с Законом о языке. Сперва выдвигается самый "жесткий" вариант, вызывающий бурю негодования "русскоязычных", затем он - смягчается, но далеко не так, как этого требуют "русскоязычные"⁷⁰. Ценз - остался, но только для кандидатов, а не для избирателей и он не имеет обратной силы. Но дело не только в цензе. Вся организация выборов, особенно в Таллинне, была устроена так, чтобы поставить в невыгодное положение русское население. Так, выборы в райсоветы были вообще отменены - выборы проводились лишь в горсовет, из которого уже выщеплялись кандидаты в райсоветы. Смысл этого - в том, чтобы не дать возникнуть в однородно русских районах русских райсоветов, "растворить" русские голоса. Округа были организованы так, чтобы было меньше округов с русским большинством, а те, которые все же были (все-таки в Таллинне не менее 50% русских) - были поменьше⁷¹. К этому надо добавить крайне сложную систему "передачи голоса" в многомандатных округах, разобраться в которой простым людям было совершенно невозможно и избирательную комиссию в Таллинне из 23 эстонцев и 2 неэстонцев⁷². В этой ситуации решение ИД и РСЗК о бойкоте выборов⁷³ - вполне объяснимо. Но последствия его в Таллинне для русскоязычных были катастрофическими. Бойкот удался, в ряде русскоязычных округов Таллинна выборы вообще не прошли и так до сих пор таллиннский горсовет заседает не в полном составе. Но сам этот горсовет - агрессивно антимигрантский, который затем, в августе

1990 г. принимает знаменитое постановление, исключаящие из списков на получение жилплощади всех, проживших в Таллинне менее 25 лет (это, естественно, в подавляющем большинстве - русские).

Иная ситуация складывается в однородно-русских северо-восточных городах (Нарва, Кохтла-Ярве, Силламяэ). Здесь обстановка - спокойнее, ибо русские чувствуют себя увереннее, чем в Таллинне. ИД и ОСТК здесь слабее, наоборот, партийные органы (в которых нет столь ожесточенной борьбы, как в Таллинне) - сильнее. Бойкот, естественно, не поддержанный партийным руководством, здесь не проходит, да "интеры" и не очень здесь за него агитируют. Выборы здесь приносят победу сложившейся группировке партийно-хозяйственных руководителей⁷⁴. Но одновременно - возникает оппозиционная "демократическая" группировка депутатов, ориентирующаяся на руководство НФЭ. В курортном поселке под Нарвой Нарва-Йыэсуу, вообще приходят к власти "демократы" во главе с мэром Ю.Андреевым.

Но и в Таллинне и в городах Северо-Востока выборы в местные советы означают поворот к созданию "русскоязычным" населением альтернативных структур власти. В Таллинне это - советы трудовых коллективов и забасткомы, в Северо-восточных городах - горсоветы, легитимировавшие свободными выборами свое положение и не склонные подчиняться Таллинну. Поэтому когда осенью и зимой с приближением выборов в Верховный Совет Эстонии начинается новая серия торжественных прокламаций эстонского суверенитета - (12.11.89 ВС ЭССР принимает постановление "Об историко-правовой оценке событий, имевших место в Эстонии в 1940 г."; - аналогичное постановление принимается съездом народных депутатов СССР 24.12.89; 02.02.89 собрание эстонских депутатов всех уровней принимает Декларацию по вопросу о государственной независимости Эстонии; наконец, 23.02.90, уже на исходе полномочий старого Верховного Совета принимается закон "О подготовке к государственной независимости Эстонии"), русские интеры отвечают на это собранием "русскоязычных" депутатов, создавшим "Комитет защиты советской власти и гражданских прав в Эстонии" в составе 25 человек, 7 из которых образуют бюро во главе с В.Яровым и его заместителями - Л.Аннусом и В.Мальковским.

Таким образом, у будущего Верховного Совета появляется не только конкурент в виде Конгресса Эстонии, но и конкурент в русскоязычной среде - комитет защиты Советской власти, подготавливающий создание постоянных и

"Законных" органов русского самоуправления. В Эстонии события идут к ситуации, которую затем окрестили "троевластием".

- 1 Мы уже говорили во второй главе, что раннее ИД никак не сводится к тому карикатурно-мифологическому образу, который был создан народофронтской пропагандой. То, что Е.Когана нет в списке ОСТК - тоже одно из подтверждений этого. Стоит привести и такую, например, фразу Е.Когана из предвыборного интервью в апреле 1989 г. (Коган победил только во втором туре голосования): "Радикальным средством борьбы с бюрократией стали бы прямые и тайные выборы - вплоть до председателя Президиума Верховного Совета страны" ("Молодежь Эстонии". 7.04.1989. С. 1. Интервью Е.Когана и Р.Вейдеманна). Очевидно, в какой-то мере его популярности способствовала и авария, в которую он попал. Его противники не совсем удачно пытались использовать ее, говоря, что человек, нарушивший правила дорожного движения, не должен быть депутатом. Сам же Е.Коган смутно намекал, что с аварией - не все чисто, и действительно ли это просто авария - не ясно. Список кандидатов, поддерживаемых ОСТК, включал 14 человек. Из них прошли 4. (См.: "Советская Эстония". 22.03.89. С. 3).
- 2 Результаты выборов см. в: "Советская Эстония". 28.03.89. С. 1-2.
- 3 "Советская Эстония". 22.02.89. С. 2. Интервью с секретарем ЦК КПЭ доктором философии Микком Титма. Я.Аллик задает в связи с этим риторический вопрос: "Не взяло ли тут верх политическое соперничество над здравым политическим смыслом?" ("Рахва Хяэль" 06.01.1989, "Советская Эстония". 04.01.89. Я.Аллик "Трудно думать, пряча мысли"). Как Я.Аллик различает "политическое соперничество" и "здравый политический смысл" из статьи не ясно.
- 4 "Советская Эстония". 10.03.89. С. 2.
- 5 "Советская Эстония". 27.04.89. С. 2.
- 6 Очень характерно, что А.Кокин, один из деятелей ПННЭ, в своем интервью все время повторяет: "Есл... буду жив и на свободе", хотя интервью дано в апреле 1989 г., когда никакой угрозы для свободы и жизни А.Кокина не было. "Советская Эстония". 27.04.89. С. 2.
- 7 О том, какие гротескные размеры и формы приобретает это стремление изобразить себя гонимым, может дать представление, например, предвыборный текст В.Похла, одного из лидеров "зеленых": "Семь лет меня преследовали за убеждения, не печатали мои статьи, предпринимали попытки

- помешать мне закончить учебу в Академии общественных наук при ЦК КПСС "Советская Эстония". 16.03.1990. С. 3. Тийт Маде, который, как мы уже говорили, обвинялся в плагиате и не платеже партвзносов с 12000 рублей говорит о себе так: "В 80-е годы за свои взгляды и критику потерял доверие "родной" коммунистической партии и КГБ, в результате чего выезд за границу ... был закрыт и докторская диссертация в Москве ... осталась незащищенной". "Советская Эстония". 03.04.91. С. 2.
- 8 "Молодежь Эстонии". 18.10.1989. С. 4.
- 9 "Советская Эстония". 15.07.89. С. 3.
- 10 Комитеты осуждены в резолюции XIV пленума ЦК КПЭ ("Советская Эстония". 12.05.89. С. 1). Э.Сависаар в интервью 06.07.89 говорит о гражданских комитетах как о провокации: "Видя, что НФЭ ... может достичь успеха ... ПННЭ идет на конфликт, не задумываясь над последствиями ... На пути конфронтации, которую несут в себе гражданские комитеты, реализация устремлений эстонского народа невозможна" ("Советская Эстония". 14.07.89. С. 3).
- 11 "Советская Эстония". 30.04.89. С. 2.
- 12 Х.Вайну пишет по поводу статьи В.Пыдера в "Вечернем Таллинне", 10.03.89, где со ссылками на разные историко-юридические примеры утверждается, что не коренное население вообще не имеет права участвовать в решении судьбы страны: "Можно сказать ... в юридической правомерности В.Пыдера уверено большинство эстонского народа". Х.Вайну "Эстония: узел межнациональных противоречий". Таллинн. Оливи. 1990. С. 75.
- 13 "Советская Эстония". 02.03.90. С. 2 М.Майтсе, Г.Соотла "Политический год 1989-й".
- 14 Вплоть до стремительно разваливающегося комсомола. В мае, когда 14 пленум ЦК КПЭ осуждает комитеты, Ленинский РК ЛКСМЭ попытался войти в Таллиннский комитет по регистрации граждан к подготовке выборов в Конгресс Эстонии, но не был принят, "Советская Эстония". 14.05.89. С. 2.
- 15 "Советская Эстония". 24.10.89. С. 3. Интервью с И.Халласте. И. Халласте упоминает в интервью об участии ХДС в международном конгрессе христианско-демократических партий в Гватемале и каком-то христианско-демократическом семинаре в Швеции.
- 16 В 1990 г. в Лютеранской церкви Эстонии было совершено 18608 крещений, что в 10 раз больше, чем в 1987 г. См.: К. Maricts "Awakening to church". "Estonian independent". N57. 25.05.1991. P. 4.

- 17 Уже в апреле 1989 г. возможно, подготавливая свой переход в социал-демократы, М.Лауристин пишет, что хотя она - коммунистка, она считает, что коммунизм - утопия, "опирающаяся на мышление XIX века", а социализма у нас - нет, хотя за последние 2 года в отличие от других регионов СССР, Прибалтика приблизилась к социализму. "Советская Эстония". 26.04.89. С. 3.
- 18 "Советская Эстония". 19.01.1990. С.3. "Не надеясь на богатых родственников" (беседа с М.Лауристин).
- 19 "Советская Эстония". 25.10.89. С. 3.
- 20 "Советская Эстония". 15.02.90. С. 3. "Куда и зачем ушел Энн Пылдроос?"
- 21 "Советская Эстония". 11.04.90. С. 3. Р.Каллас "Почему я выбрал либеральных демократов?"
- 22 Советская Эстония". 04.03.90. "Предприниматели занялись политикой".
- 23 "Советская Эстония". 03.04.91. С. 2. "Чем больше в обществе богатых людей, тем лучше".
- 24 "Советская Эстония". 19.04.90. С. 2. "Есть такая партия - сельская центристская".
- 25 "Советская Эстония". 15.03.91. С. 3.
- 26 "Советская Эстония". 12.04.91. С. 3. "Требуются интеллигентные люди" (Интервью с Ю.Нугисом).
- 27 "Советская Эстония". 27.02.91. С. 3. "Вакансия на трон". В "Вечернем Таллинне" роялисты опубликовали благодарность "господину вице-адмиралу Ю.Белову за добросовестное выполнение приказа ЭРП о проведении 7 ноября в Таллинне парада" по случаю годовщины смерти короля Густава Адольфа, происшедшей 6 ноября.
- 28 "Нельзя обойти и этический аспект вопроса. НФ призвал народ защищать генеральную линию КПЭ, но на пленуме (13-й пленум ЦК КПЭ - Д.Ф.) это не нашло никакой оценки. На пленуме не было принято никакой позиции против той лжи и клеветы, которая сейчас распространяется в адрес НФ". "Советская Эстония". 02.02.89. С. 2.
- 29 "Советская Эстония". 04.10.88. С. 1-2.
- 30 "Советская Эстония". 05.04.91 С. 2.
- 31 Тезис этот очень часто повторяется в народофронтговской пропаганде, но, на наш взгляд, критики не выдерживает. С равными основаниями (а скорее даже с большими) можно сказать, что противоречия ИД и НФЭ - национальные, но выраженные в форме идеологических и политических.
- 32 "Молодежь Эстонии". 30.10.89. С. 3.
- 33 "Молодежь Эстонии". 15.07.89. С. 3.

- 34 "Молодежь Эстонии". 18.10.89. С. 4.
- 35 Э.Сависаар говорит: " ... их (СТКЭ и Маалийт) довольно легко направлять в нужное русло, они удобны для руководящих инстанций ... Вполне закономерно, что консерваторы стремятся создать противостояние между организациями, базирующимися на трудовых коллективах, и НФЭ". "Советская Эстония". 14.07.89. С. 3.
- 36 "Советская Эстония". 25.01.90. С. 1.
- 37 "Советская Эстония". 25.01.90. С. 1. "Терпимость, компетентность, сотрудничество (основные принципы демократического объединения Ваба Ээсти).
- 38 С.Каллас выразил это в несколько иной, но похожей формуле: "рассудительность, терпимость, демократия". "Советская Эстония". 30.01.90. С. 1. "Новое созвездие на политическом небосклоне".
- 39 "Советская Эстония". 25.01.90. С. 1.
- 40 За 1988 г. численность партии сократилась на 1126 человек, ушли из нее - 1400, среди вновь принятых эстонцев - только 28%. "Советская Эстония". 08.04.89. С. 2. "Кто уходит из партии".
- 41 "Советская Эстония". 02.03.89. С. 2. Беседа с Я.Алликом.
- 42 Еще раньше и стремительней, как это вполне естественно, развалился эстонский комсомол. О степени его идейного распада может свидетельствовать выступление на XXI съезде ЛКСМЭ в декабре 1989 г. первого секретаря ЦК ЛКСМЭ У.Лаанема: "Когда чуть более года назад, - говорит он, - вы доверили мне пост первого секретаря, я сознательно занимался развалом комсомола". На съезде царил оргия "саморазрушения", которую тщетно пытался приостановить присутствовавший на нем М.Титма ("Сейчас очень просто пинать организацию, в которую вы входите. Вас никто не вынуждал, вы сами неосознанно в условиях системы сделали этот шаг"). Несмотря на предложения немедленно распустить ЛКСМЭ "без права на продолжение", было принято решение объявить до 01.03.90 переходный период, после чего деятельность ЛКСМЭ "считать законченной". "Советская Эстония". 01.12.89. С. 3.
- 43 "Советская Эстония". 12.06.89. С. 4. "В зеркале политологии". Интервью с О.Самородным.
- 44 Некоторое временное повышение в сентябре "рейтинга" КПЭ (в это время повышается и "рейтинг" НФЭ) связано, очевидно, с августовскими событиями и страхом, порожденным письмом ЦК КПСС к народам Прибалтики. В этой

ситуации оживилось представление о КПЭ как о "буфере", о силе, которая может спасти в критической ситуации. В.Вяляс в докладе на 15 пленуме ЦК говорит: "Как это бывало и раньше в критических ситуациях, так и сейчас эстонцы, но и большая часть неэстонцев, с надеждой смотрели на ЦК КПЭ". ("Советская Эстония". 02.09.89. С. 2).

45 "Молодежь Эстонии". 18.10.89. С. 4.

46 "Советская Эстония". 08.12.89. С. 1-2.

47 "Советская Эстония". 11.02.90. С. 1. Эта тема - тема чести и достоинства человека, не предающего свою партию в трудную минуту - постоянная у Я.Аллика. Еще на 14 пленуме в мае 1989 г. он говорит: "Честный человек ... не меняет родину и партию по соображениям выгоды". "Советская Эстония". 07.05.89. С. 3.

48 Характерно, что Я.Аллик - противник многопартийной системы, не потому, естественно, что он противник демократии, а потому что он боится связанных с утратой роли КПЭ социальных потрясений: "... Переход на многопартийную систему означает немедленный распад существующей КПЭ и унаследование названия этой партии и ее формальной власти (даже Я.Аллик и даже допуская многопартийность, все же не представляет себе полной утраты партией власти - Д.Ф.) группой консервативных неосталинистов ... Межпартийная борьба окончательно погубила бы Эстонию" ("Советская Эстония". 07.07.89. С. 3). На 15 пленуме ЦК КПЭ в сентябре 1989 г. Я.Аллик говорит: "... какие бы силы не пришли к власти в Эстонии, кроме компартии Эстонии, ... мы оказались бы перед лицом новой диктатуры ..." ("Советская Эстония". 03.09.89. С. 2. Это несомненно преувеличение, но это прекрасно раскрывает стимулы деятельности Я.Аллика, источник его убежденности.

49 "Советская Эстония". 12.04.89. С. 3.

50 "Советская Эстония". 05.05.89. С. 1.

51 "Советская Эстония". 26.11.89. С. 2.

52 "Советская Эстония". 17.11.88. С. 4.

53 На 13 сессии ВС ЭССР депутат эст.лец М.Агур, обращаясь к русским депутатам, говорит, что до 16 ноября все было спокойно и они голосовали вместе со всеми. "Все изменилось, когда вы приехали домой ... вы стали искать извиняющие вас причины, как бы оправдываясь на встречах с избирателями". "Советская Эстония". 10.08.89. С. 1.

54 Только в октябре 1989 г., после "жаркого лета" регламент меняется, но предложение о квалифицированном большинстве так и не проходит и лишь

дается возможность для образования депутатских групп. В ноябре возникает "русская" депутатская группа "За равные права" (председатель П.Панфилов, заместители - А.Лукошкин и В.Мальковский), включающая 59 депутатов. ("Советская Эстония". 11.11.89. С. 1). Но принципиально это положения не меняет.

55 "Советская Эстония". 01.03.89. С. 1.

56 По словам одного из лидеров ОСТК директора завода РЭТ И.Шепелевича, "ОСТК не могло не взять на себя организацию митинга, хотя инициатива его проведения принадлежала именно забастовочным комитетам" ("Советская Эстония". 22.03.89. С. 2).

Перспектива этого митинга вызвала заявление правления НФЭ, где говорится: "Интердвижение и примкнувший к нему, наконец, открыто ОСТК хотят превратить 14 марта в последний день демократизации Эстонии". Организаторы митинга именуется "борющейся за свои привилегии колонизаторской верхушкой". "Советская Эстония". 12.03.89. С. 1.

57 "Советская Эстония". 22.07.89. С. 1.

58 Обе эти фразы произносятся на сессии Верховного Совета, См.: "Советская Эстония". 11.08.89. С. 2.

59 "Молодежь Эстонии". 25.07.89. С. 3.

60 "Советская Эстония". 26.07.89. С. 3.

61 "Советская Эстония". 26.07.89. С. 3.

62 "Интердвижение Эстонии". 1989. N7. С. 1.

63 "Молодежь Эстонии". 11.08.89. С. 1. Интервью с О.Морозовым.

64 Т.Корк на заседании Верховного Совета, например, мог выразить удивление "низким интеллектуальным уровнем" руководителей забастовок. "Советская Эстония". 11.08.89. С. 3.

65 "Советская Эстония". 19.08.89. С. 3. Я.Жолтиков "Диалог начался, забастовки приостановлены", 22.08.89. С. 3. В.Рупецкий "На подступах к согласию".

66 "Советская Эстония". 25.08.89. С. 1.

67 "Советская Эстония". 25.08.89. С. 3.

68 "Советская Эстония". 31.08.89. С. 1.

69 "Советская Эстония". 03.09.89. С. 3.

70 И.Шепелевич говорит: "... избрана тактика жесткого законодательного ограничения на стадии проектов и частичной уступки в сторону кажущегося смягчения". Известия ОСТК. 1989. N2. С. 2. "Защитники истинные и мнимые (интервью с И.Шепелевичем)".

- 71 Так в копписком и прийслеском округах, с большим удельным весом русских, на один мандат приходилось соответственно - 4922 избирателя и 5344, в эстонских сауэском и ваналиском - 3100 и 3603. См.: "Интердвижение Эстонии". 1989. N8. С. 1.
- 72 "Интердвижение Эстонии". 1989. N7. С. 1.
- 73 "Советская Эстония". 19.10.89. С. 3. "Мы будем бойкотировать выборы" (интервью с М.Лысенко). ОСТК и "русскоязычное" партийное руководство разделились по вопросу о бойкоте.
- 74 "Советская Эстония". 05.01.90. С. 3. "Перед вторым раундом" (Интервью с первым секретарем Нарвского горкома КПСС В.Мальковским).

IV. НАЧАЛО ПАРЛАМЕНТСКОЙ ЭПОХИ.

Выборы в Верховный Совет Эстонии знаменуют собой начало новой стадии в эволюции эстонской политической жизни.

Прежде всего, процесс выхода на поверхность "отрицательного потенциала", всего того, что накопилось в сознании (и "подсознании") людей, кончился. До 1990 г. шло "выговаривание". Люди становились все смелее и в этом процессе внимание привлекалось прежде всего к тем, кто громче скажет то, что думают все, достигнув таким образом нового уровня свободы и для себя и для других. Э.Сависаар первым сказал, что красный флаг - "плохой флаг", цвета крови Тийт Маде первый публично обругал русских, И.Райт сказал, что колхозы - преступная форма организации и т.д. и т.п. Одна за другой брались "планки" в свободе высказываний и каждый раз те, кто брал эти "планки", достигали популярности и становились все ближе к реальной политической власти. Процесс "выговаривания", приведения открытой, публичной, официальной идеологии в соответствие с идеологией "глубинной" и "приватной", принявший с конца 1988 г. "взрывную" форму, одновременно был процессом прихода к власти новых людей (и ускоренного "перестраивания" и "перекрашивания" людей старых). Но к началу 1990 г. все уже сказано. Смелостью высказываний и символических действий больше никого не удивишь. Более того, она уже успела как бы поменяться местами с конформизмом - если раньше смелость заключалась в отказе вступить в КПЭ, затем - в выходе из нее, то в 1990 г. нужна была определенная смелость остаться в КПЭ. И одновременно свободные выборы приводят к власти новых людей.

Возникает принципиально новая ситуация. Если раньше движение политического деятеля к власти зависело прежде всего (и даже исключительно) от соответствия его слов и глубинных убеждений и чаяний массы народа, то теперь впервые вводится критерий результатов, эффективности.

Но это происходит лишь очень медленно и постепенно. Переход от революции к "спокойной" политической жизни, от праздника к будням - переход психологически тяжелый и болезненный. Первое время после смены власти еще продолжается инерция радикализации, фактически ставящая Эстонию на грань гражданской войны.

В начале 1990 г. в Эстонии сложилась очень неустойчивая ситуация "троевластия" трех выборных органов, с неясными взаимоотношениями, каждый из которых в какой-то мере претендует на полноту власти в стране.

Прежде всего, это - впервые демократически выбранный Верховный Совет из 105 депутатов (100 - выбранных гражданским населением и 5 военных). Так как выборы проходили не по спискам и кандидаты могли поддерживаться сразу несколькими организациями (и состоять в ряде организаций), распределение депутатов по фракциям шло очень долго и процесс перехода из фракции во фракцию продолжается до сих пор. В настоящее время в Верховном Совете - 13 фракций¹.

Во-первых, это - группа "центристских" фракций, связанных с НФЭ. "Народно-центристская" фракция состоит из "ядра" НФЭ, не примкнувшего ни к каким новым партиям и возглавляется сменившим Э.Сависаара на посту председателя НФЭ И.Фьюком. Вначале в этой фракции было 14 членов. Сейчас осталось 10. Уменьшилась с 9 до 6 человек и другая "народнофронтовская" фракция - социал-демократическая (во главе ее Р.Вейдемани, в ней состоит М.Лауристин).

Фракция "либеральных демократов" во главе с Я.Ильгэрюйтом сейчас состоит из 6 человек, но, вроде бы, она тоже начала терять членов.

Эти три фракции - прочно народнофронтовские. К ним примыкают две фракции, которые при голосовании чаще всего, но не всегда, выступают в блоке с ними. Это - "центристы - аграрники" - 7 человек во главе с И.Райгом и "зеленые" во главе с В.Похла - тоже 7 человек.

Радикальную оппозицию НФЭ в парламенте наиболее четко выражает фракция христианских демократов, состав которой - 6 человек - не меняется и которая возглавляется актуальным деятелем Конгресса Эстонии молодым лютеранским пастором И.Халласте. Уже в 1991 г. возникла вторая радикальная фракция "республиканцев", которая, очевидно, будет в союзе с христианскими демократами (сейчас "республиканцев" - 5 человек). Несколько радикально настроенных депутатов во фракции не входят.

С другого, "умеренного" фланга, оппозицию НФЭ составляет фракция "независимых демократов", в которую входят основные деятели Ваба Эсти

(Ю.Улуотс, Я.Аллик, М.Титма, И.Тооме и др.). Это самая крупная фракция, из 15 человек, со стабильным составом. Практически распалась фракция аграрников, объединявшая в основном сельскохозяйственных руководителей.

Кроме того, существуют 4 "русские" фракции - "За равные права" во главе с П.Панфиловым, 6 человек, "Содружество" во главе с А.Лабасовым (6 человек), Коммунистическая во главе с Л.Аннусом и Вирумаа, во главе с П.Григорьевым (7 человек). Эта разбивка русских депутатов на 4 фракции связана не с политическими размежеваниями, а с правами, которые имеют по регламенту фракции, что делает более выгодным иметь несколько маленьких фракций, а не одну большую. Тем не менее, одна из 4-х русских фракций, состоящая из депутатов с Северо-Востока фракция "Вирумаа", как об этом еще будет говориться, зачастую занимает особую позицию, отличную от позиций трех остальных ².

Уже эта картина распределения Верховного Совета по фракциям говорит о том, что НФЭ, еще за полтора года до выборов казавшийся силой, не имеющей соперников, к началу 1990 г. утратил свои позиции. Гарантированным абсолютным большинством он не располагает. При этом "народнофронтовые" фракции, наиболее "интеллигентские" по социальному составу и, как показывает картина перемещений из фракцию во фракцию, раздираемые соперничеством, обладают очень слабой фракционной дисциплиной. Таким образом, народнофронтовское правительственное большинство - очень непрочное и "сомнительное".

Это стало видно уже при первых голосованиях. Председателем ВС снова стал, без конкурентов, А.Рюйтель, но вокруг поста спикера разгорелась борьба, причем НФЭ не смог провести свою кандидатуру, М.Лауристин, и проходит получивший поддержку и радикалов и Ваба Ээсти председатель СТКЭ Ю.Нугис (за Нугиса - 56 человек, за М.Лауристин - 45). Лауристин становится заместителем спикера³. Премьером все же становится Э.Сависаар (причем других кандидатур выдвинуто не было, и радикалы и Ваба Ээсти явно решили за этот пост не бороться), но очень незначительным большинством (54 против 32 при 5 воздержавшихся)⁴ Э.Сависаар формирует правительство, несмотря на его заверения в том, что он руководствуется прежде всего критерием компетентности и что "чем шире политический спектр, тем лучше"⁵, народнофронтовское, очень интеллигентское по составу и которое сразу же вызывает как раз сомнения в компетентности⁶.

Но не только слабо правительственное большинство в Верховном Совете (и соответственно опирающееся на него правительство). Слаб и сам Верховный Совет. И слабость эта - как внутренняя, связанная с особенностями его состава, так и внешняя, связанная с его положением в обществе.

По социальному составу ВС - весьма интеллигентен⁷. Но в нем доминируют люди, выдвинувшиеся речами на митингах и статьями в газетах и у них есть естественная и сильная тенденция превращать и сам Верховный Совет в подобие митинга, месте для произнесения ярких речей, рассчитанных скорее на телезрителей, чем на своих коллег. Проблема кворума в Верховном Совете стоит очень остро, и как истинно советские люди (эстонцы здесь очень мало отличаются от русских), депутаты могут пропустить любое, самое важное заседание, если открывается перспектива совершить поездку в Швецию⁸. Депутатский корпус политически очень поляризован и многие депутаты (и эстонцы - радикалы и некоторые русские) вообще имеют сомнения в правомочности Верховного Совета, рассматриваемого ими как какое-то временное, переходное образование (или к нормальному парламенту свободной Эстонии, или к "нормальной" советской власти). Но ВС не только слаб "изнутри". Слаб и его общественный авторитет.

"Справа" от него - Конгресс Эстонии, открывшийся 11 марта и избравший Комитет Эстонии во главе с Т.Келамом. Конгресс сразу же объявляет себя правопреемником Эстонской республики, без согласия которого любые акты, касающиеся судьбы Эстонии, неправомочны. Для доминирующих в нем национал-радикалов Верховный Совет, как заявил руководитель ООПС Т.Веллисте, "Верхспорный Совет, состоящий из граждан Эстонской Республики, военнослужащих соседнего государства и незаконных иммигрантов"⁹.

"Слева" - созданный "русскоязычными" депутатами 2.02.90 г. в ответ на Декларацию по вопросу государственной независимости Эстонии "Комитет по защите советской власти и гражданских прав".

Таким образом, возникает ситуация трех центров силы (а если прибавить сюда центральное, московское правительство и местные советы, которые в этой ситуации далеко не всегда подчинялись кому бы то ни было, то этих центров окажется еще больше) - ситуация, чреватая анархией и гражданской войной. Как же складываются отношения между этими силами?

Первое время продолжается движение, начавшееся в 1987 г. Власть еще раз перешла в новые руки. Если К.Вайно был олицетворением "старого режима", то В.Вяляс - это переходная фигура между "старым" и "новым режимом". Он подвергается мощному давлению "слева" (или "справа"), со стороны Народного фронта, и постепенно уступает этому давлению. Затем власть переходит к новому Верховному Совету и Сависаару. Это - уже принципиально новая, демократическая власть. Но революция еще продолжается и "слева" ("справа") вырисовывается новая, рвущаяся к власти сила в лице Конгресса Эстонии. Мирабо сменяют жирондисты, но на горизонте уже маячит фигура Робеспьера. Князь Львов уступает место Керенскому, но уже к власти рвутся большевики. При этом, естественно, все ожесточеннее становится сопротивление "роялистов", "белых" (при современной раскладке сил и символов - "красных"), "русскоязычной" эстонской Вандеи.

Лидеры конгрессистов занимают по отношению к ВС жесткую позицию своего "правового превосходства". "Строго юридически, - говорит Тунне Келам, - ... Верховный Совет - оккупационный орган... Какого бы государственного института мы не коснулись, все они с юридической точки зрения - противозаконны, если исходить из факта оккупации Эстонии"¹⁰. Поэтому Верховный Совет - переходный орган на переходный период - до конца оккупации. Он может заниматься "мелкими" хозяйственными вопросами, но все важные вопросы, касающиеся судеб Эстонии, должны согласовываться с Конгрессом, имеющим безусловное право вето. Конгресс бескомпромиссен в отношении требований полной независимости и даже - возвращения отошедших к РСФСР в 1945 г. земель, несмотря на то, что они заселены русскими и их присоединение еще больше уменьшило бы удельный вес эстонцев¹¹.

Господствующие в КЭ национал-радикалы продолжают ожесточенную антикоммунистическую пропаганду, приобретающую истерический характер. К 23 августа Комитет Эстонии вместе с Комитетом Латвии издают документ, являющийся как бы предельным выражением этого антикоммунизма. Это - "Призыв к народам - жертвам коммунистического террора", где говорится, что преступления КПСС должны быть признаны не имеющими срока давности, а КПСС и КГБ - преступными организациями, которые должен судить

международный трибунал ("Нюрнберг-2")¹². При этом сависааровское правительство рассматривается как "последнее прибежище коммунистов"¹³. "Вопрос сегодня состоит не в том, - заявляет Т.Келам, - восстанавливать ли независимость Эстонии, а в том, какими методами этого добиваться. Отринуть полностью советский строй и образ жизни или только сменить вывеску"¹⁴.

О том как быстро изменилась ситуация, как дальше идет "революционная волна", можно получить представление, сравнив два текста - упомянутое выше выступление Я.Аллика на конференции КПЭ в феврале 1990 г. и появившуюся в "Эдази" 18.10.90 статью Я.Каплинского "Раздумья в пору листопада". Аргументы и логика этих текстов практически тождественны. Я.Каплинский, как и Я.Аллик, апеллирует к печальному примеру французской революции и зло и ядовито обрушивается на усиливающихся радикалов. "Он" (радикал - Д.Ф.) был готов вступить в партию, но не приняли, хотел сделать карьеру в искусстве или науке, да не удалось... Теперь он изливает свою фрустрацию, мстит всем, кто оказался удачливее, способнее, счастливее"¹⁵. Но различие этих почти тождественных текстов - в том, что Я.Аллик защищает коммунистов от антикоммунизма народнофронтовцев, а Я.Каплинский - народнофронтовское правительство от радикалов-конгрессистов, говоря, что нелепо искать в нем "красных заговорщиков", когда "красные заговорщики" - это Ваба Ээсти.

Революция продолжается и в какой-то мере от слов начинает переходить к делу, от действий в рамках легальности к действиям, эти рамки переходящим (впрочем, для радикалов советская легальность вообще нелегальна).

Летом 1990 г. одна за другой следуют "символически-провокационные" действия национал-радикалов. На 7-8 июля в поселке Тори Общество охраны памятников старины созывает слет эстонцев - участников войны на стороне Гитлера¹⁶, что вызывает, естественно бурю негодования, прежде всего у ветеранов войны, которые как раз к этому времени были лишены таллинским горисполкомом всех льгот, и какие-то не ясные передвижения советских войск. Эти передвижения привели к панике правительство, издавшее завление, что колонна танков идет на Тори и добившегося отмены слета¹⁷, после чего последовало заявление командования Прибалтийского военного округа о том, что были обычные учения, а танков не было вообще¹⁸.

3 августа члены возрожденной военизированной организации "Кайтселийт", объявившей о своем подчинении КЭ, снимают в Тарту памятник

Ленину, залепляют его краской и вешают ему на шею табличку с надписью "Коммунизм равен фашизму"¹⁹.

В начале сентября кайтселийтчики устанавливают пограничные столбы на месте старой эстонской границы на территории РСФСР.

Таким образом, на правительство и Верховный Совет оказывается мощнейшее давление. Их заставляют или демонстрировать, что они - не менее патриотичны и готовы бороться за свободу Эстонии (пусть более "мягкими" методами) или показать народу Эстонии свою сущность оккупационных органов, прислужников Москвы. Борьба за легитимацию в глазах радикализованного общественного мнения требует "жесткости" в отношении Москвы и мигрантов, "решительных мер".

*
*
*

И "Верховный Совет" и правительство "гнуется" под этим наступлением, тем более, что большинство эстонских депутатов в той или иной мере разделяют основные принципы конгрессистской идеологии и, следовательно, сами не очень-то уверены в своей правомочности.

30.03.90 г. ВС принимает постановление "О государственном статусе Эстонии", гласящее, что власть в Эстонии незаконна с момента ее установления, что восстанавливается Эстонская Республика и сейчас Эстония вступает в переходный период, ведущий к полной независимости, и законы СССР отныне действуют на ее территории лишь при их регистрации Верховным Советом²⁰ (Постановление было признано незаконным указом М.С.Горбачева, но если осенью 1988 г. появления подобного указа было воспринято как серьезный конституционный кризис, на этот раз указ, можно сказать, и не заметили). Одновременно принимается "Декларация о сотрудничестве Верховного Совета и Конгресса Эстонии", где говорится: "Верховный Совет признает Конгресс Эстонии в качестве представительного органа граждан Эстонской Республики и восстановителя государственной власти Эстонской Республики на основе правовой преемственности"²¹. 08.05.90 г. принимается Закон о символике Эстонии, окончательно уничтожающий советскую символику и восстанавливающий старую, "буржуазной Эстонии". 16.05.90 - Закон об основах временного порядка управления Эстонией, где

говорится, что отныне отношения с СССР строятся на основе Тартуского договора 1920 г., а затем - "Постановление о программе деятельности в переходный период" - постановление, наверное, уникальное в мировой парламентской практике. "Верховный Совет констатирует, что уровень его законности значительно возрос ... Признается необходимость начать совместно с Конгрессом Эстонии разработку проекта закона о выборах в Государственное Собрание Эстонской республики и проекта нового Основного закона Эстонской республики ... В основных вопросах, связанных с государственностью Эстонии ... Верховный Совет считает необходимым согласование действий с Конгрессом Эстонии и образованным им Комитетом Эстонии"²². После событий на Тоомпеа, о которых речь пойдет ниже, правительство создает охранные отряды Ээсти Кодукайтсе, как бы некий зародыш своих вооруженных сил, а 22.10.90 Верховный Совет принимает "Закон об экономической границе" - теперь граница охраняется Ээсти Кодукайтсе (при этом акция кайтселийта с установлением пограничных столбов используется как предлог - доказательство того, что границу надо охранять). Итак, правительство и эстонское большинство Верховного Совета склоняется под давлением КЭ, с самого начала сдав ему важнейшие позиции, признав свою "неполную" законность и зависимость от него и "оправдывая" свое положение все более решительными действиями в отношении Москвы.

Если прибавить к этому постоянное (но ни к чему не приведшее) обсуждение закона о гражданстве (т.е., фактически вопроса о том, какую часть русских гражданства лишить), резкое ухудшение экономического положения и падение жизненного уровня, неопределенность судьбы союзных предприятий, тем более, что начинается приватизация, общую неопределенность, связанную с возвращением имущества репрессированным и предполагаемым возвращением его старым владельцам, то мы поймем, в какой психологической обстановке оказались местные русские. Ясно, что "красная Вандея" должна была ожесточенно сопротивляться.

Спротивление "русскоязычных" идет двумя разными, хотя и взаимодействующими друг с другом направлениями, связанными с различными ситуациями русских в Таллинне и в городах Северо-Востока.

В Таллинне ситуация самая напряженная. Здесь, естественно, особо сильное давление эстонской антимигрантской волны. Поэтому именно Таллинн становится основной базой Интердвижения - наиболее решительной и агрессивной фракции русского сопротивления. При этом в Таллинне возникает своего рода "порочный круг" - радикализм сам создает условия, питающие его. Именно радикализм таллиннских "интеров" побудил их к бойкоту выборов в горсовет, что привело к ситуации, когда в городе, в котором русских - больше половины, горсовет оказался в руках крайней эстонской националистической группировки, проводившей целую серию фактически дискриминационных антимигрантских мер, что, естественно, еще более обостряет русскую реакцию.

В Таллинне "наступательные" действия эстонских властей вызвали события 15.05.90, когда Эстония вплотную подошла к гражданской войне. В этот день Комитет защиты Советской власти и гражданских прав созвал митинг, на котором, естественно, раздавались требования отмены новых "сепаратистских" законов, отставки Сависаара и Рюителя. Никто из эстонских руководителей к митинговавшим не вышел. Страсти разгорались. Несколько участников митинга проникло на здание Верховного Совета, сняло эстонский флаг и повесило красный. Через некоторое время его сняли. Тогда рабочие во главе с руководителем Республиканского забасткома МЛысенко взломали ворота и ворвались во двор Верховного Совета. (Впоследствии правительство изображало эти события как попытку государственного переворота). Они столпились во дворе и затем, по уговору русских депутатов (особую роль при этом сыграли депутаты-военные) стали расходиться. Между тем Сависаар, то ли от испуга, то ли решив использовать ситуацию для сплочения эстонского народа вокруг правительства, не дожидаясь результатов переговоров депутатов с митингующими, обратился по радио к эстонцам с призывом идти к Тоомпеа на помощь правительству²³. И когда русские рабочие стали расходиться, им навстречу устремились толпы стекающих к Тоомпеа эстонцев. Все было на волоске от столкновения, но "обошлось" - обе стороны лишь обменялись взаимными оскорблениями.

15.05.90 была кульминация таллиннских страстей, после чего настал некоторый спад. Насильственный штурм Тоомпеа был осужден всеми русскими лидерами. Против МЛысенко было возбуждено уголовное дело и ему пришлось

уйти в "подполье"²⁴. После очередного успокаивающего вмешательства Москвы, на этот раз в виде телефонограммы Комитету защиты советской власти и гражданских прав (как сказано в "Советской Эстонии", от имени Горбачева, но за подписью Лукьянова), забастовка прекратилась²⁵.

Но хотя "взрывная ситуация" в Таллинне спала, движение "русскоязычных" отнюдь не прекратилось. Наоборот, оно пошло по пути создания фактически альтернативных Верховному Совету органов власти.

26.05.90 в Кохтла-Ярве происходит (под охраной военных) подготовленный Комитетом по защите советской власти и гражданских прав Первый съезд народных депутатов всех уровней и делегатов от трудовых коллективов ЭССР. Съезд избирает Межрегиональный совет, состоящий из Совета Старейшин и 2-х палат по 25 человек каждая - палаты представителей трудовых коллективов и палаты депутатов местных советов (некий "русскоязычный пред-парламент") и Совет народного хозяйства (как бы правительство)²⁶.

Но если политическая структура, объединяющая всех русских, все же должна быть относительно хрупкой, то в трех русскоязычных городах Северо-Востока происходят процессы, которые могут создать прочное объединение и прочную, независимую или фактически независимую от Таллинна власть.

Северо-Восток - значительно "спокойнее" Таллинна. Но если опасность, исходящая для эстонского движения от таллиннских русских - более непосредственная - они "рядом", все время напоминают о себе и все время готовы "взорваться", то опасность от Северо-Востока - серьезнее, глубже, ибо если северо-восточные города перестанут подчиняться Таллинну и объявят о своей автономии (как это сделали в аналогичной ситуации русские в Тирасполе), ничего сделать с ними будет нельзя. И шаги в этом направлении делаются.

В марте 1990 г. происходит совместная сессия горсоветов Нарвы, Силламяэ и Кохтла-Ярве, постановившая, что отныне такие сессии станут постоянным институтом и что объединение трех городов будет иметь свой бюджет за счет уменьшения отчислений в бюджет республики²⁷. Ничего не получилось у Таллинна с установлением "экономической границы", которая бы отделила Нарву от сросшегося с ней русского Иван-города. Горсовет заявил, что никакой границы не будет, никаких военизированных эстонских формирований на своей территории он не допустит и даже создал штаб по охране города²⁸.

События мая 1990 г. сыграли двоякую роль. Это - пик межнациональных страстей в Эстонии, они усилили поляризацию, ускорили создание альтернативных структур власти. С другой стороны, именно эти альтернативные структуры стали вводить борьбу в более организованное и спокойное русло. Повторения ситуации 15 мая никто не хотел. И тем не менее, в январе 1991 г. в Эстонии - новый взрыв.

Этот взрыв связан с вильнюсскими событиями, породившими приступ страха - вызванного реальными фактами и невротического, по всей стране. В Эстонии многие были уверены, что это - начало переворота²⁹ и что за Литвой неминуемо последует Эстония. Глубинные страхи перед заговором КГБ - всегда присутствовавшие в эстонском и вообще советском сознании - оживились с новой силой³⁰. Драматизм ситуации углубился приездом в Эстонию Б.Н.Ельцина, который полностью солидаризировался с прибалтийцами, призвал армию не дать использовать себя "реакционным силам", а ООН (вместе с А.Горбуновым, А.Рюйтелем и В.Лансбергисом) - отложить войну с Ираком и заняться Прибалтикой. С представителями русского населения Прибалтики Ельцин встречаться отказался, а Сависаар заявил, что отныне, после визита Ельцина и российско-эстонского договора "каждый русский, который борется с устремлениями Эстонии, борется с Россией"³¹. 15 января в Таллинне проходит митинг русского населения, где звучат антиельцинские лозунги и несут плакаты "Ты предал нас, лже - Борис"³², после чего объявляется новая забастовка. Митинг прошел без "эксцессов". Тем не менее, на Тоомпеа привозятся громадные гранитные блоки, из которых сооружается некое подобие баррикад - символ готовности эстонцев сопротивляться, сависааровское правительство проводит регистрацию эстонских десантников, а в ночь с 20 на 21 января в Таллинне раздаются взрывы у зданий ОСТК и республиканского забасткома³³.

В непосредственной связи с этими событиями находится политическая голодовка русских депутатов Верховного Совета - С.Петина и В.Лебедева (председателя МРС). Голодовка эта, насколько можно судить - акт отчаяния, вызванного полной невозможностью найти каких-либо "приличных" союзников, как-то быть услышанными в Эстонии или в России³⁴, что особенно выявил приезд в Эстонию Б.Ельцина.

Голодовка начинается 16 января, после того как С.Петин предъявил Верховному Совету требования международной экспертизы принятых им законов на предмет их соответствия правам человека, выработки механизма защиты прав меньшинств и отмены решения таллиннского горсовета от 16

августа 1990 г., снимающего с очереди на получение жилплощади всех, проживающих в Таллинне меньше 25 лет (фактически - всех русских)³⁵. Голодовка, естественно, взбудоражила Верховный Совет. Начались даже "контрголодовки" эстонских депутатов, в знак протеста против этой голодовки³⁶. Тем не менее все кончилось благополучно - Верховный Совет решил передать свои законы международным экспертам (ничего об этой экспертизе нам не известно), рекомендовать таллиннскому горсовету пересмотреть свои решения и всерьез заняться правами меньшинств³⁷. Голодовка кончилась. А вскоре, после того как правительство пообещало, что в случае приватизации не менее 51% акций пойдет трудовым коллективам и заявило, что оно "склоняется" к предоставлению гражданства всем живущим в республике, кончилась и забастовка.

По ощущению опасности, по силе возникших страхов и общественному резонансу за пределами Эстонии январский кризис - значительно больше майского. Но сейчас, оглядываясь назад, понимаешь, что он был значительно менее глубоким. Его масштабы в громадной мере связаны вообще с неэстонскими факторами - событиями в Литве и ожесточенной борьбой за власть в России. Несмотря на все страхи перед разного рода заговорами, и эстонцы и русские вели себя в январе спокойнее, чем в мае. И после этого, во многом связанного с внешними для Эстонии причинами, кризиса, таких масштабов всплеск в Эстонии уже не было. В эстонском обществе происходят глубокие психологические изменения, постепенно создающие совершенно иной политический климат. Революционная волна начинает спадать.

1988 - нач. 1990 г. - время радости и энтузиазма, время праздника. Мощные тюремные двери, за которыми - свобода и счастье, начали чудесным образом раскрываться при звуках труб и всеобщем ликовании. Но то, что открывалось за этими дверьми оказалось не миром богатства и радости, а "нормальными" суровыми буднями. Мифология начала сталкиваться с реальностью.

Прежде всего, достижение независимости оказалось даже не то, чтобы более трудным, чем думали, но чем-то совсем иным, чем думали, делом,

сопряженным с иными трудностями. С одной стороны, сопротивление Москвы эстонским действиям, направленным на достижение независимости было предельно слабым. Никто не мешал провести свободные выборы в Верховный Совет, созвать Конгресс Эстонии. Практически никто не мешал (указания на неконституционность не сопровождались никакими репрессивными действиями) принять все многочисленные документы, каждый раз в более яркой и торжественной форме прокламировавшие свободу Эстонии. Никто не мешал Верховному Совету принимать любые законы, которые он считает нужными.

Создается впечатление, что в этой слабости сопротивления было даже что-то обидное и у эстонских лидеров и активистов была потребность изобразить для себя и для других это сопротивление большим, чем оно было. Гранитные глыбы на Тоомпеа, которые якобы преграждают дорогу танкам - памятник этой потребности, символическое выражение титанической борьбы, которой не было.

С другой стороны, достижение независимости со всеми ее "предельными" атрибутами - очень сложно. Советская Армия стоит в Эстонии. Во внутренние дела она не вмешивается, и вообще-то ее пребывание можно игнорировать. Но выгнать ее - очень трудно. Каждое независимое государство вроде бы должно иметь свою армию. Но создать свою армию - очень дорого и совершенно бессмысленно. Даже ввести свои деньги оказывается невыгодно - это требует очень больших затрат и не понятно, что это дает, при том, что конвертируемыми они все равно не будут и при теснейшей связи эстонской и союзной экономик сфера их применения весьма узка и неопределенна.

Эстонцы очень быстро пришли к ситуации, при которой они на самом деле практически независимы, но для достижения последних, предельных атрибутов независимости нужны уже очень серьезные действия, чреватые страданиями и кровью, в то время как практически смысл достижения этих атрибутов - весьма сомнителен (наличие своей армии не спасло Эстонию в 1940 г., ибо армия не произвела ни одного выстрела; своих представителей за границей можно иметь и сейчас, но добиться, чтобы они назывались "послами" - трудно и строго говоря - не нужно и т.д.).

Кроме того, для эстонцев оказалось очень сложным определиться в одном вопросе, без решения которого достижение независимости - "настоящее", юридически бесспорное - невозможно. Это - вопрос о гражданстве. Эстонцы между Сциллой и Харибдой. С одной стороны можно объявить восстановление Эстонской Республики, где граждане - те, кто имеет на это юридическое право,

т.е., потомки эстонских граждан 1940 г. Это - юридически самое простое и очевидное решение. Но практически оно не возможно - оно означает лишение гражданства 600000 человек, которые обязательно будут сопротивляться и в этой ситуации уже могут рассчитывать на помощь "соседнего государства". Кроме того, в этом случае возникает ситуация, когда пограничные районы Эстонии и прежде всего экономически так важная Нарва, окажутся заселенными гражданами не Эстонии. В общем, хотя эта идея очень близка эстонцам, она нереальна. С другой стороны, можно признать гражданами всех ("нулевой вариант"). Но тогда чем независимая Эстония будет отличаться от теперешней Эстонии? И "за это ли боролись"? "Юридикализм" эстонского мышления мешает придти к ясному и удовлетворяющему всех (хотя бы всех эстонцев) решению.

В результате, вместо "одноразового" и торжественного провозглашения независимости - серия деклараций, ни одна из которых - не "окончательна". Эстония оказалась в каком-то бесконечном "переходном периоде". Очень ярко и остроумно сказал об этом на Конгрессе НФЭ в апреле 1991 г. М.Хейдметс: "Переходный период стал чем-то само собой разумеющимся ... Не исключено, что он и станет для нас долговременной "перспективой", и вскоре будут говорить о развитом и зрелом переходном периоде. И где-то на рубеже веков переходный период в Эстонии окончательно победит"³⁸. Разумеется, это - шутка, но очень похоже, что именно так и будет, что некоторая неопределенность статуса Эстонии - "всерьез и надолго", и эстонское сознание должно перестраиваться с ожидания, доминировавшего в 1988-90 гг. и воплощающегося и сейчас в Конгрессе Эстонии на принятие данной реальности, со всеми ее трудностями.

А трудностей этих очень много. Экономическое положение Эстонии, при всех надеждах, связанных с ИМЕ, оказалось крайне тяжелым. И кроме общесоюзных причин, связанных с трудностями перехода "от социализма к капитализму", здесь действуют и некоторые специфически эстонские причины. Во-вторых, это - "идеологические" разрывы связей с Москвой. Многие эстонцы, например, были очень недовольны развитием своего свиноводства. В этом виделось нечто унижительное и Э.Сависаар даже сказал такую "историческую фразу": "Эстония не должна быть свинарником для Союза". В результате поставки свинины Союзу сократили. Но в ответ получили сокращение поставок комбикормов. После этого вынуждены были забивать скот и в 1991 г. по сравнению с 1989 г. заготовки мяса упали на 30%, молока - на 15%³⁹. Экономические связи с Союзом остаются предельно тесными, но эстонские

министры избегают поездок в Москву, чтобы не показаться в глазах общественности непатриотичными и вообще стараются, чтобы не казалось, что в их отношениях с Москвой "все гладко"⁴⁰. Во-вторых, это то, что к общему хаосу, порожденному переходом к рынку, прибавляется специфический хаос, порождаемый все тем же эстонским "юрицизмом". Если уж восстанавливать старую Эстонию, значит, надо восстанавливать и старых владельцев в их правах собственника. Но как это делать - неясно, и к чему это приведет - еще менее ясно. Окончательных законов на этот счет еще не принято, но хаос, связанный с внезапным появлением бывших хуторян или их детей, требующих у колхозов назад землю, или бывших квартировладельцев, уже возник. В декабре 1990 г. Верховный Совет был даже вынужден принять постановление: "Приостановить возвращение бесосновательно репрессированным гражданам или их наследникам добросовестно за плату приобретенного гражданами жилища"⁴¹. Возникла всеобщая неуверенность в своих правах и завтрашнем дне, очень благотворная для достигших колоссальных размеров спекуляций и жульничества, но очень мало способствующая честному производительному труду⁴².

Наконец, экономические трудности усугубляются и дорогостоящими действиями по обретению разных атрибутов независимости. При всем идеологическом "антибюрократизме" народнофронтовцев, реально сависааровское правительство лишь увеличило государственный аппарат и расходы на него и, например, в бюджете на 1990 г., при снятии 22 млн.руб. дотаций на мясо и молоко расходы на аппарат были подняты на 21,3 млн.⁴³. В сентябре 1990 г. в Верховном Совете произошло такое мало приятное совпадение - в тот же самый день, когда он не нашел 1,5 млн. рублей для повышения пенсий детям-сиротам, было выделено 30 млн.рублей на закон об экономической границе⁴⁴. В бюджете на 1991 г. расходы на аппарат еще более повысились⁴⁵. При этом правительство в своих расходах, очевидно, отражает интересы своей специфической интеллигентской (и "интеллигентско-бюрократической") социальной базы. Так очень резко (непропорционально на общем фоне) выросла зарплата преподавателей вузов, очень большие деньги выделяются на творческие командировки членов творческих союзов за границу⁴⁶. Вообще бесконечные поездки правящей элиты за рубеж, естественно, за казенный счет, приобрели скандальный размах.

Экономические трудности, естественно, отвлекают внимание от борьбы за независимость, которая, как мы уже говорили, становится все более "непонятной", "запутанной". По некоторым данным, если в начале 1990 г. 80%

эстонцев считали самым важным достижение независимости, то в 1991 г. на первом плане - повышение уровня жизни, что признали самым важным 48%⁴⁷. Разумеется, это ни в коей мере не значит, что эстонцы готовы, как "блудные дети", вернуться в СССР. Но это значит, что они устали и энергии на серьезную и длительную борьбу уже нет. Лидеры, естественно, понимают исходящие из этого опасности. В начале по отношению к экономическим трудностям господствовал тон бодрый и оптимистичный - трудности эти еще раз воочию демонстрировали, до чего довели страну коммунисты ("Вряд ли правительству, проработавшему три месяца... удастся возместить ущерб, нанесенный Эстонии за 50 лет социализма под руководством КПЭ")⁴⁸. Но затем тон становится все более тревожным и Э.Сависаар предупреждает народ: "В Союзе есть политические силы, которые только и ждут, что мы во имя бензина, сахара или кофе откажемся от своих принципов"⁴⁹.

Но к экономическим трудностям, ухудшению жизненного уровня и неуверенности в завтрашнем дне добавляются и специфически моральные разочарования. Новая, пришедшая к власти группировка ощущалась как "цвет Эстонии", ее интеллектуальная и моральная элита. Но элита эта оказалась не то что бы какой-то группой "негодяев", но нормальными, средними людьми, с нормальными человеческими грехами. Депутаты озабочены своим благосостоянием⁵⁰, организуют распределение в своей среде "дефицита"⁵¹ и пользуются любым возможным способом попасть за границу. Отношения в правящей верхушке начинают напоминать "отношения" пауков в банке. Мысль, "чем я хуже Сависаара", не дает спать многим⁵². Дело доходит до того, что А.Рюйтель обвиняется не более не менее, как в связи с ЦРУ (не "интерами", а народнофронтовскими министрами), а Сависаар, естественно - в связи с КГБ. В газеты периодически проникают сообщения о миллионах, якобы переправляемых М.Лауристин в Эстонию и т.д.

Возникают совершенно гротескные фигуры, вроде мэра Таллинна друга Сависаара, Х.Аасмяэ, который "не просыхает", причем пользуясь своим положением, не всегда платит за выпивку. Когда горсовет проголосовал за его снятие, он уехал в Норвегию, а когда вернулся - просто не ушел с поста и все тут⁵³. Мэр города Вильянди отправился, как и полагается, в США. Там ему предложили какую-то работу - он там и остался. Министр по охране окружающей среды, один из лидеров "зеленых" Т.Фрей в пьяном виде сбил машиной человека.

Одним словом, "новые люди" при всей большей образованности, не оказались значительно лучше "старых людей".

Естественно, что в обществе наступает усталость и разочарование. "Два года назад мы все пели, кричали ура оратору, а сейчас что? В основном молчание. Нет уже таких песен, лозунгов, митингов. Люди перестали даже улыбаться" - говорит И.Каллас⁵⁴. К.Коммисаров пишет: "В тот день, когда г-н Сависаар с г-ном Келамом и кто еще там в этой команде будет, дойдут до самостоятельности, очень многие люди в Эстонии убедятся, что такой самостоятельности они врагу не пожелают"⁵⁵. И И.Каллас и К.Коммисаров - коммунисты, правда, не из КПЭ-КПСС, а из эстонской КПЭ. И конечно, в их высказываниях может быть преувеличение и тенденциозность. Но почти то же мы можем встретить в высказываниях самых разных деятелей, в том числе и яростно антикоммунистических. Вот, например, что пишет деятель КЭ Ю.Адаме: "В прошлом году я представлял, что в эстонском обществе значительно больше сохранилось от Эстонской Республики, чем оказалось в действительности. Выяснилось, что большинство общественных деятелей, чиновников и интеллигентов, получивших советское образование, знают это наследие по слухам и анекдотам. И что хуже, не хотят в него вжиться. Вышедшие из партии коммунисты, выступая под другими именами, привнесли в политику безжалостный карьеризм, жесткую борьбу за власть, игнорирование демократических норм и традиций и т.д. Прогноз на 1991 год у меня плохой. Наши беспорядки углубляются еще больше, совершенно неизбежно обострение всех болезненных общественных и экономических процессов"⁵⁶.

Ярким отражением этих новых массовых настроений были дополнительные выборы на освободившееся место депутата Верховного Совета в Ракверском р-не 7 апреля. На выборы пришли только 30-40% избирателей. И апатия была настолько очевидной, что решили новых выборов не назначать - все равно не придут. Характерно, что то же самое произошло в то время и на дополнительных выборах в горсовет в русской Нарве. Ю.Нугис даже высказал в связи с этим опасение, что если распустить Верховный Совет и назначить новые выборы, они могут провалиться⁵⁷. На смену энтузиазму приходит апатия и ясно, что в этой новой ситуации должна возникнуть и новая расстановка политических сил.

Конгресс и Комитет Эстонии, в первой половине 1990 г. казавшиеся силой, перед которой склоняется Верховный Совет, уже с мая начинает утрачивать свои позиции. В мае отношения ВС и КЭ начали портиться. На 2-ой сессии Конгресса, где депутаты говорили об "узурпации власти" Верховным Советом, выступил Э.Сависаар, заявивший, что "двоевластие только ослабит республику"⁵⁸. Период растерянности ВС кончается и он начинает избавляться от "комплекса неполноценности" в отношениях с КЭ. В конце концов дело пошло до "мелких пакостей" - отключение в КЭ телефона и попыток выселить его из занимаемого им помещения⁵⁹.

КЭ проигрывает Верховному Совету. И проигрывает не потому, что в ВС сосредоточена реальная власть (в свое время сосредоточение реальной власти в ЦК КПЭ не помешало ему эту власть утрачивать, а НФЭ "набирать очки"), а потому, что он утрачивает поддержку в народе.

КЭ олицетворяет "принципы", которыми "нельзя поступиться", и ожидание реализации этих принципов в жизнь. Но ожидание затягивается, настроение ожидания уступает место погружению в будничные заботы, утопизм реализму. И интерес к КЭ пропадает. "Комитеты граждан потеряли поддержку народа ... - говорит тартуский математик, один из создателей роялистской партии К.Кулбоху. - Они ждут, когда кто-нибудь, наконец, объявит: "Эстония - свободная" и кто-то, наконец, даст ей свободу. Но сами они ничего для этого не делают"⁶⁰. Фактически то же самое говорит американский эстонец, профессор Р.Таагепера, депутат КЭ⁶¹. Исчезает интерес прессы к сессиям КЭ и на сессиях все серьезнее выступает проблема кворума⁶²; так что начались даже разговоры, что КЭ может прекратить свое существование.

В этой ситуации в бескомпромиссности КЭ начинают возникать трещины. Наряду с продолжающимися инвективами против коммунистов, мигрантов и т.д.⁶³, появляются и признаки "примирения с реальностью". Очевидно, первым из них было то, что КЭ после бурных дебатов решил не бойкотировать референдум по вопросу о независимости Эстонии, организованный ВС и сависааровским правительством, несмотря на то, что в референдуме должны были участвовать все, включая "незаконных мигрантов", и до этого КЭ категорически выступал против каких-либо референдумов до

"прекращения оккупации"⁶⁴. Результаты референдума (82,86% участвующих и 77,83% от числа участвующих и соответственно 64,49% от числа избирателей высказавшихся за независимость Эстонии)⁶⁵ были ударом по идеологии и тактике КЭ, ибо со всей очевидностью показали, что несмотря на все оскорбления, которыми обливались "мигранты", за независимость Эстонии высказался не такой уж малый их процент. (Об участии русских в референдуме мы еще будем говорить в дальнейшем). Дальше "отказ от принципов" пошел по нарастающей. КЭ выдвинул идею "Восстановительного Собрания Эстонской Республики", которое должно сменить ВС и "окончательно" провозгласить независимость, и создания "коалиционного правительства народного доверия"⁶⁶. И хотя совершенно не ясно, кто будет избирателями этого собрания, ясно, что это - не только "законные граждане". Создается впечатление, что лидерам КЭ хочется прежде всего найти какую-то формулу, при которой они могли бы не потеряв лица и не уступив этому, теперь уже враждебному им ВС и правительству, распустить КЭ.

*

*

*

Радикалы, разумеется, не сошли с политической сцены Эстонии. Но они ослабевают и одним из следствий этого является новое усиление эстонского "центра", сависааровского правительства. Весной 1990 г. могло казаться, что это правительство, относительно "умеренное" правительство в ситуации продолжающейся "революционной волны", долго не протянет. Против него действовало очень много факторов - и слабость поддержки в Верховном Совете и чисто личная ненависть, которую возбуждает у очень многих эстонских деятелей Э.Сависаар, постоянно обвиняемый в диктаторских замашках, в том что он изображает из себя второго К.Пятса, "великого человека Эстонии", и наконец, что самое важное - весьма сомнительные реальные успехи этого правительства, при котором происходит резкое падение жизненного уровня. Но правительство - держится. Все попытки его свергнуть проваливаются. Более того, опрос, проведенный в октябре 1990 г., показывает, что авторитет правительства выше и авторитета Верховного Совета и авторитета Конгресса Эстонии. Оцениваемое по 5-балльной шкале правительство получило 3,15 баллов, ВС - 2,92, КЭ - 2,99⁶⁷.

Чем же объяснить эту прочность и даже относительную популярность правительства, которому, вроде бы, нечем особенно похвастаться? Очевидно, все-таки спадом революционной волны. Компромиссность НФЭ не стала переходным этапом, ибо та энергия революции, которая толкала ко все большей решительности и бескомпромиссности, стала спадать. Эстонский "Керенский" оказался всерьез и надолго. Но кроме того, что Сависаар воплощает некоторый компромисс - он достаточно твердо стоит за независимость и одновременно - избегает каких-либо опасных, рискованных действий, он еще и воплощает некоторый порядок. Все-таки это - власть, в той или иной мере, признаваемая всеми.

И Сависаар не только чувствует себя достаточно уверенно, он становится, если так можно выразиться "смелее умеренным". Он идет на новые уступки в вопросе о языке, удлинив сроки сдачи экзаменов, все чаще говорит о правовых гарантиях для неэстонцев и похоже, что он готов решить вопрос о гражданстве в пользу "нулевого варианта". В течение конца 1990 и 1991 гг. он постоянно вел переговоры с нарвскими руководителями, и в конце концов пошел на создание в Нарве свободной экономической зоны, что вызвало правительственный кризис. НФЭ на съезде 13-14 апреля 1991 г. впервые ввел в правление из 11 человек 2 русских⁶⁸ (в 1988 г. было значительно больше русских, поддерживавших НФЭ, но в правлении не было ни одного). Очень характерно, что русскоязычные депутаты, которые при теперешней раскладке сил в ВС, могли бы очень легко помочь "скинуть" сависааровское правительство, категорически отказывались это делать.

Э.Сависаар в современной ситуации - умеренный "центр", но по мере роста усталости и умеренности в эстонском обществе он становится "центром притяжения", вокруг которого идет какая-то очень своеобразная интеграция общества. Это - не "сплочение нации вокруг вождя", ибо нация отнюдь не сплочена, везде идет бесконечная борьба группировок. Но это все же - интеграция, ибо от разорванности и борьбы люди устали, борьба становится все более вялой, не идейной и оттого власть - более прочной.

Как всегда бывает, о новой эпохе в политической жизни говорят очень разнородные факты. В частности, о некотором "успокоении" страстей, интеграции общества говорят такие противоположные факты, как стабилизация правительства и - действия по его дестабилизации.

Одним из первых "странных" фактов, говорящих о начале каких-то принципиально новых явлений в политической жизни, было избрание спикером Ю.Нугиса, а не М.Лауристин, предлагаемой НФЭ. Это избрание явно было достигнуто совпадением голосования "национал-радикалов" и "бывших" из Ваба Ээсти. Затем такого рода факты, говорящие о сближении этих крайних фракций эстонского общества, стали умножаться. Наконец, 4 ноября 1990 г. произошел политический "взрыв". В Таллинне состоялась встреча руководства разных "политических сил", выпустивших совместное заявление о необходимости создания правительства национального единства, пользующегося доверием и ВС и КЭ и включающего представителей русских. Консультации по созданию такого правительства поручены совещанием С.Калласу, председателю Центрального Совета профсоюзов. Среди восьми подписавших заявление - секретарь ЦК КПЭ Я.Аллик, бывший премьер И.Тооме и председатель КЭ ярый антикоммунист Т.Келлам⁶⁹. НФЭ удалось организовать большую волну поддержки правительства, удержаться у власти и даже укрепить свое положение, используя прежде всего антикоммунизм (не дать "бывшим" вернуться к власти!) и обратив его против готовых на "союз с нечестивыми" лидеров КЭ. Но здесь важна не столько судьба правительства, сколько само явление такого немыслимого ранее альянса. Что же подтолкнуло к нему? Естественно, прежде всего - наличие общего и врага и конкурента в лице НФЭ, который одновременно и достаточно радикален и антикоммунистичен, чтобы конкурировать с радикалами и достаточно "умерен", чтобы конкурировать с Ваба Ээсти.

Но, очевидно, есть еще и другой немаловажный психологический фактор. Лидеры НФЭ - "перекрасившиеся", пришедшие к власти с помощью "бывших" из Ваба Ээсти, того же И.Тооме, заместителем которого стал Сависаар, но затем оттолкнувшие их, как они оттолкнули и радикалов, многие из которых прошли через лагерь и естественно, возмущены, что их страдания проложили дорогу к власти не им, а карьеристам, которые, по выражению М.Лаара (одного из радикалов, христианского демократа и деятеля ООПС), сделали на одной партии карьеру дважды - сначала войдя в нее, в затем выйдя. В этом отношении очень характерно открытое письмо Я.Аллика Лагле Парек,

написанное в ответ на требование ПННЭ запретить КПЭ. Письмо написано с громадным личным уважением к человеку, пострадавшему за свои убеждения, как страдали в свое время за них коммунисты, но совершающему под влиянием эмоций, стремления к мести, непростительную ошибку. "Уважаемая г-жа Парек, мне думается, что главная опасность, подстерегающая Вашу партию, таится вовсе не в существовании моей партии, а в том самом социально-психологическом процессе, который в свое время так опозорил компартию". В письме есть такие слова, "Вы не могли не заметить, что многие из тех, кто десятилетиями верой и правдой служили партии, теперь превратились в самых активных ее противников. Воистину, нет в нашей политической культуре ни понятия "вины", ни понятия "чести"⁷⁰.

Эпизод с "заявлением восьми" - только начало в целой серии попыток создания широкого коалиционного правительства "правых" и "левых". Пост-премьера предлагался (опять-таки и коммунистами, Ваба Ээсти, и КЭ) М.Лауристин, которая, однако, осталась верной Народному Фронту и заявила: "... я не буду дезертиром"⁷¹. За коалиционное правительство во главе с Улуотсом высказался даже лидер КПЭ (КПСС) Л.Аннус⁷². Новая серьезная попытка спихнуть Сависаара произошла в июле, когда с заявлением о необходимости отставки правительства и создании правительства национального единства выступило 26 депутатов (в спектре от И.Халласте до И.Тооме)⁷³.

Все эти попытки провалились. Но значение их в другом. Блокирование Я.Аллика с Т.Келамом, И.Тооме с И.Халласте говорит о принципиально новой ситуации в эстонской политике.

Если Т.Келам может протянуть руку И.Тооме и Я.Аллику, значит, революционная волна кончилась. Радикалы, бывшие диссиденты, вошли в "истеблишмент" эстонской политики, они не у власти, но рядом с ней, и начинают руководствоваться не только революционными лозунгами, но и практическими соображениями. Их комплекс "отчужденности" изживается. С другой стороны, основная часть старой элиты также удержалась наверху⁷⁴.

"Волна" кончается и движения "застывают". Если раньше шел процесс - радикалы наступают, НФЭ отступает и одновременно переходит на позиции, которые раньше были позициями радикалов, что не спасает его от обвинений в компромиссности и пособничестве Москве, КПЭ - разваливается, то теперь происходит стабилизация. И радикалы и Ваба Ээсти понимают, что они - надолго, стабильные политические силы, и отношения между ними становятся "нормальными", допускающими блокирование.

С заявлениями 8 и 26 связаны еще два очень важных момента, говорящих о новых тенденциях политической жизни. Во-первых, хотя оба эти заявления - это блокирование "правых" и "левых", лидеров КЭ и лидеров ВЭ, это все же - заявления группы личностей. В заявлении 26 есть представители всех эстонских парламентских фракций, но нет ни одной фракции целиком. Это значит, что личностные и групповые пристрастия оказываются важнее фракций и партий. Мощные политические силы разъедаются изнутри, не успевают образоваться. И это, также, как и примирение диссидентов с коммунистами, способствует успокоению общества, его своеобразной интеграции - интеграции, идущей от "атомизации", от трудности создания мощных политических сил, способных выдвинуть альтернативы существующим структурам власти.

Во-вторых, в этих попытках "парламентского переворота" проявляется и новое отношение к русским. Мы говорили, что постепенно в отношении правительства Сависаара к русским возникают новые нотки. Но и в коалиции его противников происходит то же самое. В коалиционное правительство предполагают ввести и русских, причем не "карманных" русских (насколько нам известно, речь идет о В.Лебедеве) и коалиционеры всячески "обрабатывали" русских депутатов. Начинается не только своеобразная "интеграция" эстонских политических сил, но появляются первые признаки интеграции в эстонское общество русских. Посмотрим теперь, что происходит в "русскоязычной" среде.

* * *

В эстонской общине, как мы видели, происходят глубокие сдвиги в массовом политическом сознании - усиление усталости, разочарование и "прагматизация" сознания, переключение внимания с "глобальных" идеологических проблем на проблемы практические. Это создает общую основу для более примирительного отношения к "мигрантам", для попыток разных и противостоящих друг другу эстонских политических сил включить их в свои "политические игры". Но схожие процессы происходят и в русской среде. Здесь тоже нарастает усталость. Дополнительные выборы не смогли провести не только в Раквере, но и русской Нарве. Эпоха громадных митингов, созывавшихся ИД и ОСТК, кончается. Здесь тоже происходит "прагматизация"

сознания и некоторое смягчение позиций эстонцев по отношению к русским вызывает встречное движение.

Русские "демократы", отколовшиеся от ИД и создавшие Демократическую партию Эстонии, не смогли провести на выборах ни одного своего депутата. Вообще их попытки заявить о себе "во весь голос" не удаются - в русской общине они явное меньшинство и положение их в связи с антимигрантской позицией эстонцев психологически очень трудное. Но меньшинство это - не такое уж маленькое и в начале марта 1991 г. его политическая роль выявилась со всей очевидностью.

Эстонский референдум выявил довольно значительный процент русских, выступающих за независимость Эстонии, ответивших "Да" на вопрос: "Хотите ли Вы восстановления государственной самостоятельности и независимости Эстонской Республики". Всего в референдуме участвовало 82,86%. "Да" сказали 77,83%, "Нет" - 21,43%. Даже если допустить, что все участвующие в референдуме и сказавшие "Нет" - русские⁷⁵, все равно 64,49% от всех избирателей, сказавших "Да" - больше, чем 61,5% эстонцев в населении. Но более подробные, детализированные по отдельным округам, данные выявляют значительный процент русских, стоящих за независимую Эстонию вне СССР. Так в Нарве, где эстонцев всего 4%, за независимость Эстонии были 25,49% из 70,11% участвующих в референдуме. Конечно, можно предположить, что у многих просто "рука не поднималась" сказать "нет" независимости. Но в Нарве (как и в Силламяэ и Кохтла Ярве) одновременно горсовет провел опрос, в котором вопрос был задан иначе: "Хотите ли Вы, чтобы суверенная Эстония осталась в составе СССР?" "Против" высказались 19,1%. Такая же картина и в других городах. В Силламяэ, где эстонцев - 3% опрос, проведенный несколько раньше референдума дал следующие результаты. Пришли - 83%, за сохранение Эстонии в составе Союза - 89%. На референдум пришло 25,38%. "Да" независимости сказали 40,45%⁷⁶. Референдум и опросы воочию показали и русским и эстонцам отсутствие единодушия в русскоязычной общине, наличие меньшинства, которое вполне не прочь оторваться от России.

Это меньшинство представлено значительной оппозиционной группой депутатов в горсоветах русскоязычных городов, довольно активной, и даже "захватило" маленький русскоязычный городок Нарва-Йьэсуу, который под руководством демократического мэра Ю.Андреева объявил свою независимость от "реакционной" Нарвы⁷⁷.

Судя по опросам общественного мнения, определенный процент "антисоветских" русских был всегда и только выявился в ходе теперешней демократизации, что, несомненно, способствовало смягчению антимигрантских чувств (как позиция Б.Н.Ельцина способствовала смягчению чувств антирусских). Но более важна все же позиция основной массы русских, не стремящихся "убежать из СССР", и их лидеров. Здесь тоже возникают новые тенденции.

Нарвское "старорежимное" руководство, твердо стоящее на "союзных" позициях, не вывешивающее в Нарве эстонского флага, не допускающее у себя экономической границы, проведшее свой опрос о сохранении Эстонии в составе СССР, тем не менее вступило в длительные переговоры с сависааровским правительством о "свободной экономической зоне". И как всегда в такого рода "торгах", смысл его - двойственен. С одной стороны, это - "подкуп" Нарвы эстонцами, стремящимися отколоть Нарву от единого фронта "русскоязычных", сделать для нее выгодную перспективу отделения Эстонии от СССР⁷⁸. Но одновременно это - уступка Нарве, фактическое признание ее автономии, прекращение борьбы с мигрантами в Нарве. Если мы вспомним, что в 1988 г. НФЭ обсуждал разные планы заселения Нарвы эстонцами, это - очень большая эволюция эстонской позиции. Но это - и эволюция позиции нарвской элиты, которая "нащупывает" свое место в новой общеэстонской элите и в общеэстонской политике.

Нечто в этом роде происходит, очевидно, с руководством русскоязычных "союзных" предприятий по всей Эстонии. Ведутся бесконечные переговоры и, судя по всему, успешно. Во всяком случае, ассоциация "Интеграл", созданная союзным правительством из эстонских предприятий союзного подчинения, которая взяла на себя хозяйственные функции слишком политизированного ОСТК⁷⁹ и управляется советом директоров, вызвавшая при своем возникновении страстную агитацию и сопротивление эстонского руководства⁸⁰, затем была без лишнего шума признана сависааровским правительством.

Можно привести еще много частных фактов, говорящих о все большем "успокоении" русскоязычных и постепенной интеграции их лидеров в эстонскую политику. Но наиболее ярко это видно на эволюции поведения русскоязычных депутатов в Верховном Совете.

Первое время в Верховном Совете обсуждались прежде всего "символические" вопросы - разного рода декларации суверенитета, и русскоязычные голосовали единым блоком - против. Но как только ВС стал

сосредоточиваться на более "практических" вопросах, блок стал исчезать (восстанавливаясь вновь, когда возвращались вопросы "символические"). Стали возникать самые разные комбинации при голосовании. Особенно независимо стала голосовать одна из русских фракций - "Вирумаа", объединяющая в основном хозяйственных руководителей Северо-Востока. Но - не только эта фракция. Очень интересно в этом отношении голосование директора швейной фабрики "Марат" депутата Клавдия Сергей. К.Сергий - типичная "мигрантка" (русская, родилась в Азербайджане, окончила вуз в Белоруссии, в Эстонии с 1969 г.) и типичная советская хозяйственница - коммунистка, награждена орденом "Знак почета" и т.д.⁸¹. Человек с ее биографией должен быть стойким участником русскоязычного "союзного" блока. Она им и является, входя не в "Вирумаа", а в группу "Содружество". Но в один прекрасный день она голосует вместе с большинством эстонцев, против большинства русских за повышение цен на мясо и молоко. Когда в интервью ее спрашивают, как же так получилось, она ответила: "В этом меня убедила работа в экономической комиссии"⁸². Нам в данный момент совершенно не важно, правильно ли голосовала К.Сергий. Важно другое - сама работа в парламенте, постоянное взаимодействие постепенно ведут к "таянию" русскоязычного "айсберга".

Еще более яркий пример постепенно меняющихся отношений - беседа председателя Межрегионального Совета В.Лебедева с Т.Калласом, П.Кааском (оба деятели НФЭ) и М.Лааром, ярким антикоммунистом, деятелем КЭ. Самое поразительное здесь, что наиболее "человеческие" интонации возникали как раз между В.Лебедевым и М.Лааром. В.Лебедев говорит, что Закон о языке, не подкрепленный программой обучения, фактически нацелен не на интеграцию, а на изгнание. М.Лаар - соглашается. В.Лебедев продолжает наступать. Он говорит, что попытки переподчинить завод "Двигатель" - это чистая политика, а не экономика. М.Лаар опять соглашается. В.Лебедев говорит: "Никто в Эстонии не собирается выселять русских. Но прессинг то идет! Прессинг моральный, психологический, экономический. Это чувствуется. Поверьте мне, коллеги!" П.Кааск: "Согласен... Но не чувствуете ли вы, что этот прессинг уменьшается?". В.Лебедев: "А вы заметили, что как только мы касаемся вопросов жизненных...". М.Лаар: "Вот именно". В.Лебедев: "...Экономических, тут мы более всего находим общий язык". Т.Каллас: "Но и в политических вопросах тоже чувствуется сближение"⁸³. Все не так гладко, достаточно сказать, что эта беседа - до голодовки С.Петина и В.Лебедева. И все же здесь четко видны новые, не идеологизированные, человеческие интонации.

В этом новом климате, очевидно, начинается кризис ИД, в какой-то мере параллельный кризису КЭ. Возможностей включения в эстонскую политику у ИД, похоже, нет никаких и ИД все больше - где-то на периферии общественной жизни. Его отношения с русской "верхушкой" Эстонии портятся. Во всяком случае, редактор "Надежды", один из лидеров ИД В.Киемец говорит о том, как их пытались "отчитывать" в ЦК и, что "... у нас нет особого желания объединяться ни с партаппаратчиками, ни с группой директоров, желающих возглавить рабочее движение (ОСТК)..."⁸⁴. В этой ситуации в ИД усиливаются внутренние склоки и идеологическая борьба.

Идеологическая эволюция ИД очень интересна. Мы уже говорили, что начинало ИД с аморфно-либеральной "перестроечной" идеологии, формально очень близкой идеологии НФЭ. Но по мере "выталкивания" ИД из политической жизни и ухода из него либеральных элементов, в нем все более усиливается агрессивный с сильными популистскими антиинтеллигентскими и антибюрократическими нотками коммунистический "фундаментализм". ИД "выталкивается" в тот блок политических сил, где - ОФТ, Нина Андреева и т.д. Но несмотря на все обвинения в черносотенстве и близости к "Памяти", антисемитизма (во всяком случае - идеологического, выраженного) в ИД не было. Е.Когану "по определению" трудно быть антисемитом и его идеология, действительно - интернационалистская⁸⁵. Однако в группе русских людей, все более выталкиваемых из общественной жизни, вокруг которых рушится (и по непонятным для них причинам) привычный мир, антисемитизм просто не мог не возникнуть (или, вернее, выйти на поверхность, перейти в идейную сферу). И он "вынырнул" на поверхность, наложившись на чисто личные склоки в руководстве и стремление "свергнуть" авторитарного Е.Когана. Слухи о том, что в ИД - раздоры, ходили уже давно, но Е.Коганом категорически отрицались⁸⁶. Но в 1991 г. все вышло наружу.

27 апреля 1991 г. оппозиционная Е.Когану группировка, которую возглавляет О.Морозов, провела 2-ой съезд Интердвижения в Таллинне (который когановцы 2-м съездом не признают). Об идеологии этого съезда дает представление цитата из доклада О.Морозова: "... уже продолжительное время циркулируют слухи о расколе в руководстве ИД ... на две группы - на дельцов, которые отрицают ценности национальных традиций почти всех народов (и особенно - русских), которые ставят чистоган во главу угла всей своей деятельности, и на тех, кто считает, что интернациональное невозможно без национального, без учета традиций тысячелетнего общежития нашей страны"⁸⁷.

На морозовском съезде, как говорит корреспондент, доминировали старики-пенсионеры. Таким образом, процесс пришел к логическому завершению. Все, что приписывалось ИД в начале и чего в нем не было, или было лишь в потенции, как один из допустимых вариантов его дальнейшего развития, возникло в нем реально. Среда "вылепила" ИД, сделала его на деле той карикатурой, какую она в нем видела изначально.

Судьба ИД печальна и, очевидно, в Эстонии ее будущее безнадежно. Но будущее русской общины - отнюдь не безнадежно. Как бы ни разворачивались дальше события, в Эстонии эмоциональный пик "эстонской революции" и "русского сопротивления" пройден. Но если страсти, затуманивающие сознание, ослабевают, если мифологии уступают место реализму, то все проблемы рано или поздно решатся (или, во всяком случае, люди научатся спокойно с ними жить). Надо отдать должное эстонцам (и эстонским русским). Они смогли пройти совсем рядом от той черты, за которой начинается кровь и все же не переступить эту черту, чего не смогли в Литве, Грузии, Армении, Азербайджане, Молдавии. И сейчас, если только в России не произойдет какого-либо "срыва", то через какие бы трудности не пришлось пройти Эстонии, как бы ни развивались ее отношения с СССР, самое страшное для нее - позади.

- 1 Список избранных в Верховный Совет приведен в "Советской Эстонии". 23.03.90. С. 1-2. О фракционном составе см.: "Советская Эстония". 25.09.90. С. 2. "Вперед". 04.07.91. С. 1. Э.Аннус "Фракции в нашем Верховном Совете", перепечатано из "Ээсти Аэг"; Postimees. 1991. N 7. Lk 2.
- 2 В основном русские депутаты связаны с ОСТК, которое расценивало эти выборы как свою победу. Но данным ОСТК прошло 23 поддерживаемых им кандидата (всего в "русских" фракциях - 25 человек). Представители ИД и русской Демократической партии, порвавшей с ИД партией вроде российской "травкинской", пытались в Таллине противостоять кандидатам ОСТК, но безуспешно. См.: Известия С.ТК. 1990. N 6. С. 4. К.Ширяев "Уроки выборов".
- 3 "Советская Эстония". 30.03.90. С. 1; 31.03.90. С. 1.
- 4 "Советская Эстония". 04.04.90. С. 1.
- 5 "Советская Эстония". 10.04.90. С. 2. Интервью Э.Сависаара.
- 6 Особо большие возражения вызвало назначение на пост министра промышленности и энергетики Я.Тамма, психолога по образованию.
- 7 Среди депутатов - 30 человек, окончивших Тартуский университет, 23 - сельскохозяйственную академию, 12 - Таллиннский технический университет, 3

- художественные вузы, 1 - консерваторию, 1 - пединститут, 2 имеют дипломы теологов, 6 - ленинградские вузы. Представлены и другие вузы. Со средним или средним специальным образованием - только 9 человек. См.: Postimees. 1991. N 3. Lk2.
- 8 "Советская Эстония". 19.06.90. С. 1. "Нужен ли митинг в Верховном Совете?".
- 9 "Советская Эстония". 02.02.90. С. 1.
- 10 "Советская Эстония". 23.05.90. С. 2. "Каким быть эстонскому государству? (беседа с Т.Келамом)".
- 11 В отношении к русским мигрантам юридический догматизм и нетерпимость лидеров Конгресса достигают размеров, невольно вызывающих ассоциации с фашизмом. Вот, например, отрывок из интервью Т.Келама "Шпигелю". Его спрашивают, что будет с неэстонцами. Ответ: "Примерно 600 000 неэстонцев живут сейчас в Эстонии нелегально, поскольку в действительности являются гражданами другого государства. Здесь должно было создаться русское большинство, чтобы верховная власть была накрепко обеспечена. С этой целью сюда присылали тысячи русских, которые получали привилегии ... ". Вопрос "... Какие привилегии?" Ответ: "Они могли использовать свой язык, отрицать здешние обычаи и привычки". Вопрос: "Вопрос звучал, что с ними будет?" Ответ: "... Считаю, что они должны уйти с армией и КГБ". Вопрос: "Добровольно?" Ответ: "Да, конечно ... ("Тартуский Курьер". N 6, 6 (13) сентября 1990. С. 6). "Дух здесь, действительно, "фашисткоидный". Но все же, на наш взгляд, отождествление с фашизмом было бы не верным, прежде всего, как раз из-за пронизывающего все мышление Т.Келама "юридизма". При всей нелепости ответа "Да, конечно ..." на вопрос о добровольности отъезда 600 000 человек, на наш взгляд, он дан без всякой иронии, всерьез.
- 12 "Советская Эстония". 23.08.90. С. 1.
- 13 Э.Сависаар с самого начала деятельности КЭ получает "щелчек" - его не выбирают в редакционную комиссию ("Советская Эстония". 13.03.90. С. 1-2. "Дневник Конгресса Эстонии"). "В той компании его не жаловали априори" и дело доходило до таких мелочных "уколов" и унижений, как долгая проверка охраной документов Сависаара перед тем как допустить его в зал заседаний ("Мастерская". 1991. N 1. С. 3. Ю. Таммару, И.Никифоров "Психология правительственного кризиса").
- 14 "Советская Эстония". 30.05.90. С. 2.
- 15 "Советская Эстония". 26.10.90. С. 3.
- 16 "Советская Эстония". 05.07.90. С. 3.

- 17 "Советская Эстония". 06.07.90. С. 1.
- 18 "Советская Эстония". 07.07.90. С. 1.
- 19 "Советская Эстония". 24.08.90. С. 2.
- 20 За постановление проголосовали 73 депутата, против - 8, воздержалось 3. "Русскоязычные" в голосовании не участвовали. "Советская Эстония". 31.03.90. С. 1.
- 21 Декларация принята 71 голосом против 27 при 12 воздержавшихся. "Советская Эстония". 31.03.90. С. 1.
- 22 "Советская Эстония". 20.05.90. С. 2.
- 23 Характерно, что человек, которого уж никак не упрекнешь в излишней "мягкости" к русским, лидер ПННЭ Лагле Парек назвала этот акт Сависаара "безответственным". "Молодая Эстония". 19.09.90. С. 2. Интервью с Лагле Парек.
- 24 27.06.90 М.Лысенко попытались задержать, когда он, "выйдя из подполья", пришел к своему сыну в детсад. Но попытка была тут же пресечена обжевавшимися на выручку рабочими. См.: "Советская Эстония". 25.07.90. С. 3,4. Сейчас М.Лысенко, естественно, на свободе, хотя, насколько нам известно, уголовное дело против него не прекращено. (Насколько нам известно, после августовских событий он был арестован).
- 25 "Советская Эстония". 24.05.90. С. 1. В Нарве забастовки не было, была только часовая предупредительная на заводе "Балтиец". "Советская Эстония". 23.05.90. С. 3.
- 26 Председателем Совета стал В.Лебедев, председателем СНХ - В. Яровой, председателем Совета Старейшин - С.Петинов, председателями палат - В.Кузнецов и А.Сай. См.: "Советская Эстония". 29.05.90. С. 1. Один из депутатов съезда в Кохтла Ярве так сказал о МРС - "Это - орган, который на случай блокады из Таллинна и центра защитит своего избирателя, попавшего под двойной гнет в этой неразберихе". "Ленинское знамя". 30.05.90. С. 1. В сентябре 1990 г. МРС проводит свою первую сессию. См.: "Ленинское знамя". 18.09.90. С. 2. Н.Воропаева "Был май и г - сентябрь".
- 27 "Ленинское знамя". 27.03.90. С. 2.
- 28 "Советская Эстония". 05.10.90. С. 1; 06.10.90. С. 1.
- 29 И.Тооме сказал даже, что, очевидно, в стране уже произошел переворот. "Советская Эстония". 16.01.91. С. 3. Н.Кузнецова "Вокруг договора".
- 30 Способствовал их оживлению и приезд в Эстонию О.Калугина, ставшего "демократом" генерала КГБ, который, вроде бы со знанием дела, почерпнутым

- из глубины этой таинственной организации говорил: "Именно усилиями КГБ созданы интерфронты в республиках Прибалтики. Письма, которые демонстрировал на сессии Верховного Совета М.Горбачев ... организуют специально прихваченные люди ... на нас, русских демократов, живущих в России, вы можете положиться". "Советская Эстония". 22.01.91. С. 2. "Куда танки войдут раньше". Впоследствии Э.Сависаар в интервью "Шпигелю" говорил, как об общеизвестных фактах: "... у коммунистов имелся одобренный в Политбюро ЦК КПСС детальный план свержения правительств в Литве, Латвии и Эстонии. Но этот план провалился в результате оказанного в Литве сопротивления и заявлений, сделанных ... Б.Ельциным, а также из-за беспомощности самих коммунистов". "Советская Эстония". 19.02.91. С. 4. "Пресс-досье СЭ".
- 31 "Советская Эстония". 15.01.91. С. 2. Н.Кузнецова "Тревога в парламенте".
- 32 "Советская Эстония". 16.01.91. С. 1.
- 33 Как все подобные события - и в Эстонии, и в Латвии, и в Литве - оно так и остается тайной. Никакие расследования ничего не установили. Для эстонцев это, - провокация КГБ или местных русских, для местных русских - провокация эстонских националистов. М.Лысенко заявил по поводу взрывов: "Кому-то очень хочется, чтобы обстановка в республике обострилась ... 15 января они ждали, что мы пойдем на штурм, но мы не пошли. Тогда они начали возводить баррикаду на Тоомпеа, мы и тут не ответили. И вот - новая провокация". "Советская Эстония". 22.01.91. С. 2.
- 34 В.Лебедев, во всяком случае, как он предстает в своих выступлениях и интервью, не является ни "коммунистическим фундаменталистом", ни русским шовинистом. В одном из своих предвыборных интервью он говорит: "Кто-то из великих сказал, что революцию начинают идеалисты, продолжают фанатики, а пользуются ее плодами подлецы. Я иду в парламент, чтобы в "поющей революции" не наступил третий этап" ("Советская Эстония". 13.03.90. С. 3). Очевидно, так настроенный человек особенно остро ощущал полную невозможность какого бы то ни было диалога с российскими демократами.
- 35 Когда депутаты объявили о голодовке, произошел такой эпизод. К В.Лебеву подошел один из самых радикальных депутатов-эстонцев пастор И.Халласте и положил перед ним пакет макарон. На пакете было написано название фирмы "Интернудель" и молодому пастору показалось удачной шуткой предложить собирающемуся голодать "интеру" макароны с такой надписью ("Советская Эстония". 17.01.91. Н.Кузнецова "На повесте дня - голодовка?").

- 36 См.: "Советская Эстония". 23.01.91. С. 1. Один из эстонских депутатов, старший научный сотрудник Института языка и литературы так выразил свое отношение к голодовке: " ... объяснять что-либо таким депутатам, как С.Петин, В.Лебедев, бессмысленно, они ничего не желают понимать. Самого В.Лебедева я вообще не понимаю - чего он-то боится. Ведь он давно живет в Эстонии, прекрасно владеет эстонским языком" (и следовательно, ему не грозит потеря гражданства - Д.Ф.) "Молодежь Эстонии". 01.02.91. С. 1. "Три ответа и море проблем".
- 37 "Советская Эстония". 23.01.91. С. 1-3. Н.Кузнецова "Эскалация голодовок".
- 38 "Вечерний Таллинн". 15.04.91. С. 1. "Народный Фронт остался фронтом".
- 39 "Советская Эстония". 02.04.91. С. 2. Н.Каллас "Кризис сельского хозяйства. Что дальше?".
- 40 Представители "старой" элиты, объединившиеся в Ваба Ээсти, постоянно критикуют такую политику. И.Тсоме говорит: "Ссоры с руководством СССР и ведомствами, от которых мы все равно будем зависеть в ближайшем будущем, конечно, позволяют продемонстрировать эстонскому народу, какие мы твердые и смелые, но значительно осложняют снабжение Эстонии, процессы наших реформ и, что самое главное, процесс обретения нашей государственной самостоятельности". "Советская Эстония". 01.08.90. С. 3. "Что бы я сделал иначе (беседа с И.Тооме)". Но, естественно, эстонские чиновники скорее прислушиваются к Э.Сависаару, говорящему: "Я понимаю тех, которые требуют сближения с Москвой. Они рассчитывают на усиление своей роли в эстонской политике, поскольку на Востоке найдутся люди, связанные с ними, которые будут полезны ...". "Советская Эстония". 15.12.90. С. 1.
- 41 "Советская Эстония". 07.12.90. С. 1.
- 42 Эта тема постоянно присутствует у Э.Сависаара, хотя ясно, что правительство само в громадной мере способствовало созданию благоприятного для жуликов климата. Еще в 1989 г. Э.Сависаар говорил: "Влияние дельцов на наше общество все возрастает. Наступило время некоего экономического свинства: хватай, что можешь, пользуйся, чем хочешь" ("Советская Эстония". 14.07.89. С. 3. "Не прятать голову в песок". Интервью с Э.Сависааром). На съезде НФЭ в 1991 г. он говорит: "Затягивание переходного периода и продолжение анархии выгодно тем, кто ... экономически укрепляет себя в нынешней неразберихе" ("Вечерний Таллинн". 15.04.91. С. 1).
- 43 "Советская Эстония". 27.04.90. С. 2.
- 44 "Советская Эстония". 29.09.90. С. 1-3. Н.Кузнецова "Идеи или деньги".

- 45 "Советская Эстония". 07.12.90. С. 2. Н.Кузнецова "Как упадет жизненный уровень?"
- 46 "Советская Эстония". 29.06.90. С. 2. Н.Кузнецова "Ничего кроме правды".
- 47 Postimees. 1991. N 1. Lk.2.
- 48 "Советская Эстония". 03.08.90. С. 1. "Точка зрения правительства Эстонской республики на рост цен, обусловленный деятельностью Министерства финансов СССР".
- 49 "Советская Эстония". 10.08.90. С. 1. "Доклад Э.Сависаара на сессии Верховного Совета".
- 50 Очень бурный резонанс вызвало предложение уже известного нам Т.Маде в феврале 1991 г. поднять зарплаты депутатам (до 1200 руб.), А.Рюйтелю (до 2000), Э.Сависаару (до 1700) и Ю.Нугису (до 1500 руб.). (См.: "Советская Эстония". 20.02.91. С. 1. "Должен ли народ экономить на своем Верховном Совете"). Дело дошло до того, что тартуские студенты собрали по мелочи несколько тысяч рублей и передали в Верховный Совет для самого нуждающегося депутата. Т.Маде вынужден был взять свой законопроект обратно (см.: "Советская Эстония". 22.02.91. С. 1).
- 51 См.: "Молодежь Эстонии". 02.03.91. С. 2. А.Эрек "Победное поражение".
- 52 Вот образец этих отношений. М.Титма в своем интервью дал характеристики всем. Сависаара он определил, как хама. "Рюйтель больше всех связан с периодом застоя. Но он нашел в себе силы стать другим. Такой человек нам нужен до тех пор, пока эстонские дела в Москве решаются. А потом ... Мавр сделал свое дело ... Мавром, сделавшим свое дело, нужно признать и В.Вяляса". "Харьюский вестник". апрель 1990. N 5. С. 4.
- 53 "Молодежь Эстонии". 11.04.91. С. 3. К.Мюллер "Хардо идет на войну", Э.Таммер "Городской голова сражается". "Вечерний Таллинн". 12.04.91. С. 1. "Хардо Аасмяэ заявил, что никуда не уйдет". Про свой конфликт с горсоветом Х.Аасмяэ говорит: "Похоже, что стимулирование таких противоречий - одно из звеньев политики сохранения целостности СССР". "Вечерний Таллинн". 10.04.91. С. 3. Интервью с Х.Аасмяэ.
- 54 "Советская Эстония". 12.12.90. С. 2. Интервью с Н.Калласом.
- 55 "Советская Эстония". 06.06.91. С. 2. Интервью с К.Комиссаровым.
- 56 Postimees. 1991. N 5. Lk.2.
- 57 "Молодежь Эстонии". 10.04.91. С. 1. "Ляэт - Вирумаа: не до выборов"; 13.04.91. С. 2. А.Эрек "Без конституции, но с регламентом".
- 58 "Советская Эстония". 30.05.90. С. 2.

- 59 "Советская Эстония". 06.04.91. С. 2. "Комитет Эстонии снова под угрозой выселения".
- 60 "Советская Эстония". 27.02.91. С. 3.
- 61 "The Estonian Independent". 03.01.91. V.1 N 37-38. p.3.
- 62 Так на майской 1991 г. сессии КЭ в начале присутствовало 302 депутата из 495, в конце - только 200. (См.: "The Estonian Independent". 30.05-05.06. 1991. p.2. "New Parliament needed, Congress of Estonia says").
- 63 В марте было, например, принято "Обращение Конгресса Эстонии к гражданам других государств, проживающих в Эстонии", где говорится: "... эстонский народ заинтересован в вашем добровольном возвращении на Родину". "Советская Эстония" 23.03.91, стр.2. Х.Вайну "Как расхлебать кашу".
- 64 "Советская Эстония". 08.02.91. С. 1. "Конгресс Эстонии отказался бойкотировать намеченный референдум".
- 65 "Советская Эстония". 05.03.91. С. 1.
- 66 "Советская Эстония". 09.03.91. С. 1.
- 67 "Нарвский рабочий". 15.11.90. С. 3. (Из "Эдази" 25.10.90).
- 68 "The Estonian Independent". 18.04.91. N 51.p.1-2. T.Tammerk " P F to remain umbrella group".
- 69 "Советская Эстония". 06.11.90. С. 1.
- 70 "Пяэвалехт". 12.09.90. "Советская Эстония". 14.09.90. С. 3. Впоследствии в одном интервью, объясняя свою позицию и свое сближение с Т.Каламом, Я.Аллик сказал, что есть два человека, которым эстонцы должны быть благодарны. Первый - это Горбачев. Не будь Горбачева, "наш президент по-прежнему был бы членом ЦК КПСС и Сависаар продолжал бы писать статьи о коммунистическом воспитании рабочего класса, а мы так и не узнали бы, какие в нем скрыты способности. Заслуга Келама и его единомышленников состоит в том, что в самое тяжелое время, подвергаясь опасности потерять собственную свободу, они сохранили идеи независимости". "Молодежь Эстонии". 09.05. 91. С. 3.
- 71 "The Estonian Independent". 14.03.91. N 50. p.2. T.Tammerk "After referendum, political debate opens again".
- 72 "Молодежь Эстонии". 11.04.91. С. 3. Интервью с Л.Аннусом.
- 73 "Советская Эстония". 19.06.91. С. 1. Н.Кузнецова "Разрешится ли ситуация?"
- 74 Более того, оформившись в Ээсти и получив места в парламенте, она упрочила свои позиции, став действительно демократически избранными депутатами, и завершив, таким образом, тот процесс укрепления статуса за счет его

- "перевода" из партийной бюрократической иерархии в другие иерархические системы, соответствующие общемировой и "западной" иерархии, о котором мы говорили в первой главе. И очевидно, в условиях приближающегося рынка и начавшейся приватизации старая элита, с ее реальным опытом, знаниями и связями, сумела обеспечить себе и достаточно хорошие стартовые позиции. Во всяком случае, один из деятелей Народного фронта сказал: "Ваба Ээсти - это будущая промышленно-финансовая олигархия Эстонской Республики" (См.: "Советская Эстония". 10.10.90. С. 3. А.Фаворская "Как это делается в цивилизованных странах").
- 75 МРС и КПЭ (КПСС) призвали своих сторонников прийти на референдум и сказать "нет". Но ИД через свою радиостанцию "Надежда" призвало к бойкоту, что усилило разногласия "интергов" и руководства КПЭ(КПСС). См.: "Советская Эстония". 13.02.91. С. 1 "Рудяк отбил от рук".
- 76 Результаты референдума по отдельным районам и городам см. в: "The Estonian Independent". 07.03.91. N 49. p.3. "Final figures for referendum". Об опросах см.: "Молодежь Эстонии". 26.02.91. С. 1. 06.03.91. С. 1; "Советская Эстония". 05.03.91. С. 3. Об общесоюзном референдуме см.: "Молодежь Эстонии". 19.03.91. С. 1. Несмотря на то, что русскоязычное население Эстонии в феврале-марте должно было "изнемогать" от референдумов, участвовали в общесоюзном референдуме 250 000 человек (не считая военных) и "да" сказали 95%. Для сравнения - на эстонском референдуме "нет" сказали 203 199 человек.
- 77 Маленький поселок Нарва-Йыэсуу в 1991 г. попал в центр внимания Эстонии, ибо после победы Ю.Андреева в нем и вокруг него разразилась ожесточенная борьба. Против Ю.Андреева возникла сильная оппозиция и в конце концов против него оказалось большинство Совета (обвинения - финансового характера). Сам Андреев говорит: "За этим стоят определенные консервативные силы", и уходит не собираясь, опираясь, вроде бы, на поддержку Сависаара. Ситуация очень напоминающая ситуацию в Таллинне с мэром Х.Аасмяэ. См.: "Советская Эстония". 08.06.91. С. 2. "Нарва-Йыэсуу: страсти в горсовете".
- 78 В очень яркой и даже наивной форме это стремление выражено шведским экономическим советником на службе эстонского правительства Бу Крагом. " ... Я вам гарантирую, - обращается он к нарвлянам, - что если Эстония станет независимой, то ваш город может смело рассчитывать на столь же бурное и успешное развитие, какое мы наблюдаем в Гонконге ... Если Нарва будет частью СССР, надеяться на приток иностранного капитала ей не следует. А

потому и вторым Гонконгом ей не стать. Я вам напоминаю, что уровень жизни в Гонконге примерно в десять раз выше, чем в Китае ... "Советская Эстония". 07.03.91. С. 1. "Быть ли новому "молодому дракону?"

- 79 После возникновения МРС и "Интеграла" ОСТК стал сосредотачиваться на чисто социальных вопросах и "деполитизировался". См.: "Советская Эстония". 12.06.90. С. 3. "ОСТК - перестановка сил".
- 80 См.: "Советская Эстония". 21.07.90. С. 3. "Троянский конь экономики"; 28.08.90. С. 2. "Интеграл" - правит бал?"
- 81 См.: "Харьбский вестник", март 1990. N 9. С. 3.
- 82 "Харьбский вестник". октябрь 1990. N 15-16. С. 2. "Ценою должен править рынок (интервью с К.Сергий)".
- 83 "Советская Эстония". 08.07.90. С. 3.
- 84 "Вперед". 16.04.91. С. 2. "Что скажет "Надежда"?" Интервью с В.Киесцем.
- 85 Характерно, например, такое его высказывание по поводу А.С.Солженицына, которого он порицает: "для меня ведь что "приоритет эстонской нации" неприемлем, что "приоритет русской нации" ("Советская Эстония". 10.10.90. С. 2. "Яко же и мы отпускаем должникам нашим (интервью с Е.Коганом)"
- 86 "Советская Эстония". 08.11.90. С. 2. Интервью с Е.Коганом.
- 87 "Советская Эстония". 30.04.91. С. . "Борьба, борьбы, борьбу, борьбою ... (после второго съезда ИДЭ)" В мае один из членов этой группы, некая Л.Денисова публикует в "Вечернем Таллинне" статью против Е.Когана, где ему ставится в вину подпись под каким-то обращением к правительству СССР против антисемитизма, ибо, по мысли Л.Денисовой, если ты выступаешь за один народ, ты не можешь быть лидером Интердвижения ("Вечерний Таллинн". 15.05.91. С. 3. Л.Денисова "Под маской защитника". См. также ответ "когановцев" в "Вечернем Таллинне". 30.05.91. С. 3. "Под маской разоблачителя").

Заключение. ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В
ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ В ЭСТОНИИ.

Процессы, которые мы пытались описать выше - эстонский вариант процессов общесоюзных, общая логика которых вытекает не из каких-либо специфических эстонских закономерностей, а из закономерностей нашей идеологической, политической и социально экономической системы.

Везде в СССР увеличивался разрыв между окостеневшей официальной идеологией, застывшей и неспособной к развитию, и реальным содержанием сознания людей. Везде шел процесс разложения и трансформации правящего слоя. Везде существовали диссидентские группы и "либеральная" оппозиция статусной интеллигенции и в каждой республике можно найти "функциональные эквиваленты".

Л.Парек и А.Кокину, равно как и Э.Пылдроосу или М.Микиверу. Везде возникало либерально-реформистское крыло партаппарата, и В.Вялясу, И.Тооме, А.Рюителю можно легко найти аналогов в лице Э.Шеварднадзе, А.Яковлева, да и самого М.Горбачева.

Процесс образования новых общественных организаций также имеет общую логику. Как в Эстонии первой оформляется как партия, объявляет себя партией ПННЭ, так и в России это - Демократический Союз. Специфическая роль на ранних этапах процесса движений-"прикрытий" - зеленых и охраны памятников - также явление не специфически эстонское, как и создание затем широких "общенародных движений" по типу "фронтов".

Процесс создания новых маленьких партий с "западными" названиями - также отнюдь не эстонское явление, как отнюдь не спецификой эстонского национального характера объясняется стремление их лидеров установить связи с их западными "аналогами". Даже в современной попытке Шеварднадзе и Яковлева создать новое политическое объединение можно усмотреть аналогию созданию "Ваба Ээсти". И ритм развития перестроечной "революции" - общий - от эйфории 1987-88 гг. с характерной для того времени "либерально-коммунистической" фразеологией, через взрыв антикоммунизма в 1989 - нач. 91 гг. к "усталости", некоторому "разочарованию" к "прагматизации" общественного сознания, которые, на наш взгляд, все более заметны сейчас повсюду. Общего здесь - очень много. Ясно, что действует здесь не эстонская, российская или армянская логики, а логика "общесоветская", "общеперестроечная".

Но эта общая логика выступает все же в своем неповторимом национальном варианте. Действительно раскрыть национальное своеобразие мы не можем - для этого нужна большая сумма сравнений. Но кое-что - достаточно очевидно, бросается в глаза.

Так раскладка политических сил в Эстонии и в России - очень разная. Крайние антикоммунистические, диссидентские по происхождению группировки есть и в Эстонии и в России. Но в России они неизмеримо слабее и наш "Демократический Союз" даже сопоставить нельзя по влиянию с ПННЭ. "Конгресса России" по аналогу "Конгресса Эстонии" у нас нет и не будет, и не только потому, что КЭ возникает из специфической для Эстонии проблемы гражданства и правопреемственности, но и просто потому, что российские аналоги ПННЭ не в состоянии повести за собой широкие народные массы. Как слабее радикальный, "революционный" демократический антикоммунизм, так слабее, хотя и доминирует сейчас, с приходом к власти Ельцина, "умеренный", народнофронтовского типа, "демократический антикоммунизм". В 1988 г. у нас в разных городах начали создаваться, по примеру Прибалтики, "Народные Фронты", но им не удалось занять даже отдаленно напоминающего Народный Фронт Эстонии положения, стать действительно "общенародным", каким был НФЭ во второй половине 1988 - начале 1989 года. Теперешняя "Демократическая Россия" - очень мощное объединение, но все же его не сравнить ни с НФЭ 1988-89 гг., ни с теперешним НФЭ, который стал "центром", теснимым "слева" радикалами. Теперешняя ДР - это "левая" часть общества, НФЭ 1988-89 гг. был практически движением всего общества, а теперешний НФЭ - "центр". Наоборот, "правая" часть спектра в России - мощнее, чем в Эстонии. "Ортодоксальной" КПСС в эстонском обществе практически нет, партия Гусева-Панфилова - образование специфически "мигрантское". Наш аналог партии Гусева-Панфилова - не чужеродный, мигрантский, а наш, и неизмеримо более мощный, чем эстонская "русскоязычная" компартия. И наконец в Эстонии вообще нет аналога нашей "Памяти".

В чем же причины этих различий? В какой-то мере, возможно, они связаны с социальными различиями эстонского и русского обществ, с несколько

большой ролью в эстонском обществе "средних слоев" - интеллигенции и бюрократии. Но то, что дело не только в этом, достаточно ясно, если сравнить, например, политические позиции Союза писателей РСФСР с позициями его полного социального аналога - Союза писателей Эстонии. Дело не в уровне культуры, а в ее характере, в разной национальной памяти, разных типах национального самосознания и разных политических направленностях этого самосознания, разных векторах национализма. Русское прошлое - это прошлое великой самодержавной империи, затем - революции, шедшей под интернационалистическими лозунгами, и фактического воссоздания этой империи под видом союза равноправных народов. СССР вплоть до настоящего времени - это "янусоподобное" образование. Это - великая Россия и одновременно - союз республик ("Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь"). И эти два лика Януса не отделимы друг от друга, ибо только как союз республик, как "интернационалистическое" образование могло быть воссоздано объединение народов СССР вокруг русского. Провозглашение СССР просто "Великой Россией", даже чрезмерный акцент на русском величии неминуемо означает его дезинтеграцию и гибель. Даже Сталин при всем великодержавном русском шовинизме позднего периода своего правления держался здесь в определенных "рамках". Русский национализм - саморазрушителен, ибо он означает распад СССР, т.е. немыслимых масштабов национальную катастрофу русского народа, многие миллионы представителей которого живут не в России, а в союзных республиках, и любой русский националист, вообще любой русский в какой-то мере это понимает. Отсюда - относительная слабость русского национализма, его внутренняя противоречивость и истеричность, проявляющаяся в идеологии "Памяти" и в патологической атмосфере пленумов Союза писателей РСФСР. На национализме пытаются играть - и демонстрирующие свое "православное сознание" Ельцин и Руцкой, и Полозков, и Гидаспов. И он раздираем этими разными силами и своими внутренними противоречиями. И отсюда же - относительная слабость нашего демократизма и антикоммунизма, который в своей антисоюзной политике все время балансирует на грани "предательства национальных интересов".

Этот демократизм проявил полную "глухоту" к проблемам русских меньшинств в союзных республиках, в том числе, в Прибалтике, что во многом определило идеологическую эволюцию движения "русскоязычных".

И в своей "антисоюзной" направленности он все время приближается к той опасной грани, за которой он не может не возбудить против себя русского национального чувства. Четко наметившийся в 1990 - начале 1991 гг. союз Ельцина с прибалтийскими сепаратистскими правительствами, ведущими политику, направленную и против Союза и против своих русских нацменьшинств - был, очевидно, уже немного слишком для русского национального самосознания и, возможно, понимание этого вызвало его позднейший поворот к Союзному договору.

Эта неопределенность русского национализма, его противоречивость крайне усложняет русскую политическую жизнь, делает ее "запутанной", противоречивой, полной странных и "противоестественных" комбинаций ("фашист" Невзоров - протеже ленинградских ультрадемократов и любимец коммунистических боссов, Ельцин, идол западников-демократов - поклонник Глазунова, Гидаспов, объявляющий моральным образцом Алексея П, просто потому, что он - Алексей П, реально его моральный облик никому, в том числе и Гидаспову, не известен, и т.д.).

В Эстонии все определенной и проще. Национальное чувство направлено в одну сторону - против Москвы, коммунизма. Его естественный идеал, точка притяжения - Эстонская Республика 1918 - 1940 гг., парламентское государство. Национализм и "буржуазный демократизм" здесь имеют один, совпадающий вектор. Отсюда и громадная степень единства эстонцев, отсюда и общенародный характер НФЭ в 1989-1990 гг. и всеобщее участие в выборах в КЭ. Но отсюда же и другое - националистическая окраска эстонского демократизма, его центрированность на правах коренной нации. Создается даже ощущение, что демократизм и идеи правового государства, правопреемственности и т.п. - во многом прикрытие, удобная форма выражения национализма народа, который - большинство в Эстонии и знает, что всегда сможет демократическим путем справиться с меньшинством. Русский демократизм - слабее, но "чище", он порождает формы, не только не националистические, но даже переходящие в своем антинационализме границы демократизма (наша "глухота" ко многим безусловно демократическим требованиям русских нацменьшинств). Эстонский демократизм - мощнее, но не так "чист". Часть русских в Эстонии может голосовать за эстонскую независимость, сознательно идти на перспективу "граждан второго сорта" во имя того, чтобы оказаться в западного типа государстве. Эстонцы же, при всей своей озабоченности правовыми проблемами, категорически не идут во имя

демократических принципов на предоставление правовых гарантий русскому меньшинству. В Эстонии нет "Памяти", нет агрессивного антидемократического национализма, но в самом эстонском демократизме есть элементы идеологии "Памяти"¹.

Это - самое основное отличие современных русской и эстонской культуры и жизни. Но, безусловно, не единственное. В поведении эстонцев и русских сказывается, несомненно, и различие таких глубинных пластов культуры, которые связаны с различными религиозными традициями (православной и лютеранской). В Эстонии поражает организованность, уважение к праву и роль правовых проблем в сознании, своеобразный "юридизм" эстонского мышления. В эстонских спорах по проблемам гражданства, поднимающихся у них вопросах о том, не действует ли "строго юридически" до сих пор конституция 1938 г. очень много от этого специфического стиля мышления, порожденного особой культурной традицией, совсем не свойственного нам, русским, и часто нами не воспринимаемого².

У русских - неизмеримо меньшая способность к самоорганизации, так блестяще проявившаяся в эстонских праздниках песни, в гражданских массовых мероприятиях эстонского национального движения, в деятельности КЭ и НФЭ. Призрак "пугачевщины" витает в политической жизни России, периодически обретая плоть в виде челябинских бунтов с разгромом магазинов и кузбасских забастовок. И в Эстонии различие поведения эстонских организаций и русских с их плохо организованными забастовками, и совершенно бессмысленным штурмом здания Верховного Совета на Тоомпеа 15.05.90 - это не только различие поведения интеллигентов и рабочих, это еще и проявление национальных характеров.

Если различия в политических процессах в Эстонии и России - очень велики и очевидны, различия Эстонии с Латвией и Литвой - меньше. Здесь действует в целом одна и та же логика. Тем не менее различия есть и здесь, особенно в Эстонии с процессами в Литве. Возникает впечатление, что одна и та же картина, например, портрет одного и того же человека, написаны

разными художниками, работающими в разных стилях, имеющими свою неповторимую манеру.

Диссиденты, например, были и в Литве и в Эстонии. Но в Литве их было больше, они были активнее. В Эстонии не могло быть события, аналогичного самосожжению Ромаса Каланты 14.07.72. Масштабы "самиздатской" деятельности в Литве были больше, чем где-либо в Союзе.

И в Эстонии и в Литве в конце 1987 - начале 1988 гг. начинается широкое "общенародное" движение, из которого возникают НФЭ и Саюдис и которым сопротивляется партийная верхушка. Но в Эстонии сопротивление - "мягче", слабее. В 1988 г. эстонская либерализация - вдохновляющий пример для литовского национального движения. Еще 28 сентября 1989 г. в Литве силой разгоняется демонстрация Лиги Свободы Литвы, участников демонстрации бьют дубинками и 25 человек арестовывают. А.Юозайтис, один из деятелей Саюдиса, приехавший в это время из Эстонии, говорит: "Таких инцидентов, какие взволновали общественность в Литве, там не было и быть не могло, потому что партия и советские органы ведут гибкую политику, прибегают к разумным аргументам"³. Таким образом, в Литве - сильнее, агрессивнее напор национального движения и сильнее сопротивление.

В октябре 1988 года в Литве происходит событие, аналогичное смене К.Вайно В.Вялясом. К власти приходит А.Бразаускас, представитель национально-либеральных сил в партийной верхушке. Но хотя приходит он к власти позже, действует он значительно резче и Литва вскоре "обгоняет" Эстонию. В декабре 1989 г. литовская компартия порывает с КПСС, то что эстонцы "до конца" так и не сделали. Выборы в Верховные Советы приносят победу НФЭ и Саюдису. Но в Эстонии во главе государства остается представитель старого руководства - А.Рюйтель, в Литве - "неистовый" В.Ландсбергис. Победа антисоюзных, националистических сил в Литве - "тотальнее". В апреле 1990 г. эстонские социологи Г.Соотла и М.Майтсе так характеризуют отличие литовской и эстонской ситуаций: "У нас Сависаара можно заменить Келамом, а можно - Тооме ... Другими словами, есть спектр. А у литовцев политика движется в одну сторону. У них происходит захват власти готового аппарата ... Перестройка в Литве была сверхполитизирована. Литовцы меняли символы, а внутри все оставалось по-прежнему"⁴. Вряд ли эти высказывания надо воспринимать слишком серьезно - они во многом "импрессионистские", но важно все же, что эстонцам бросается в глаза большой "тоталитаризм" Литвы. Победив "тотальнее", Саюдис и действует смелее и

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЭСТОНИИ.

агрессивнее - Литва объявляет о выходе из СССР, после чего начинается эпопея с экономической блокадой.

И в Эстонии и в Литве экономические меры правительств Сависаара и Прунскене вызывают недовольство. Но Сависаар - держится, а правительство Прунскене сметено народной волной, переходившими в насилие народными выступлениями, и к власти приходят еще более радикальные элементы, аналоги не Сависаара, а лидеров КЭ.

Русские сопротивляются и в Эстонии и в Литве. Но в Литве это сопротивление принимает насильственный характер. Его кульминация - штурм вильнюсской телестанции, история, в которой ясно одно - эмоции дошли до предела и насилие было с обеих сторон. Насилие периодически продолжается в Литве до сих пор и так как русские в Литве не отличаются от русских в Эстонии, различие их поведения скорее может быть объяснено различием поведения эстонцев и литовцев⁵.

Таким образом, мы видим, что в Литве - все "резче". И сопротивление старой партийной верхушки - активнее, и напор национального движения - сильнее и идет оно дальше, и сопротивление, которое оно вызывает, в свою очередь - сильнее. Насилие здесь - "в воздухе" (Латвия, очевидно, "посередине" между Эстонией и Литвой как географически, так и в отношении радикализма и насильственности политической борьбы). Сюжет картины и в Литве и в Эстонии - тот же, это - тот же пейзаж или натюрморт или портрет того же человека, но стили художников - разные, ноты - одни, но разные манеры исполнения. Откуда эти различия?

Прежде всего, убедимся, что это - действительно различия стилей, а не серия случайностей (просто Ландсбергис - такой уж человек, а вильнюсский ОМОН - такой нервный). Убедиться в этом - довольно просто, ибо уже был период в истории, когда эти же художники создавали картины на один и тот же сюжет. Это период 1918-1940 гг.

Все три добившихся независимости прибалтийских государства вначале - демократические республики. Но из них самая демократическая - Эстония. В Литве выборы в Учредительное собрание проходят в обстановке военного положения, когда господствующая христианско-демократическая партия создает административные препоны для противников. В Учредительном собрании доминируют христианские демократы. В Эстонии выборы - самые свободные и в Учредительном собрании доминируют левые партии - социал-демократы,

эсеры и трудовики (Латвия - опять таки "посередине", здесь сильные социал-демократы и сильные крестьянские партии).

Самая демократическая конституция - в Эстонии, это чисто парламентская республика; без президентской власти; министров и судей назначает парламент, национальные меньшинства пользуются культурной автономией и имеют свое самоуправление. В Литве и Латвии - президентская власть и меньшие полномочия парламента, сохраняются "особые положения", самое жесткое в Литве, где военные коменданты полностью господствуют в городах и запрещают даже ходить по улицам группами.

Церковь отделена от государства в Эстонии и Латвии и не отделена в Литве.

Во всех трех республиках демократии - слабые, раздираемые борьбой партий и все три общества порождают фашистские движения и идут к диктатуре. Но первой приходит Литва (переворот 17.12.1926). Военный переворот, поддержанный профашистски настроенными студентами, приводит к власти партию таугининков. И когда читаешь о студенческих демонстрациях под лозунгами "Прочь призрак большевизма!" или обращение участников переворота к народу: "Литовское войско ... видя, что теперешний сейм и правительство продают нашу отчизну большевикам и иноземцам, постановило временно взять власть в свои руки, чтобы как можно быстрее передать эту власть в руки истинным сынам Литвы"⁶, создается ощущение, что читаешь какой-то текст 1991 г. (только "литовского войска" еще нет). Таугининки - это, конечно, не фашизм немецкого типа, нацизм, но что это за партия, достаточно ясно из текста телеграммы Сметоне с поздравлениями в связи с переворотом от генерального секретаря итальянской фашистской партии А.Турати: "Прошу сообщить его превосходительству президенту Сметоне, что мы видим в Литве другую молодую силу, вступающую в шеренги союзников, противостоящих тенденциям распада"⁷. Но переворот 17.12.1926 г. - не единственное вмешательство "физической силы" в политические процессы в Литве.

Уже 12.01.1927 г. раскрыт военный заговор офицеров монархической прогерманской ориентации. В сентябре 1927 года - восстание армейских частей, находящихся под влиянием левой партии лаудининков, в конце 1927 года - выступление военных, ориентирующихся на христианских демократов. Лето 1930 года - подавление путча, организованного "крайней" фашистской организацией "Железный Волк", стремящейся привести к власти соперника Сметоны,

ориентирующегося на германский нацизм Вольдемараса. 1934 год - новая попытка переворота Вольдемараса.

В Латвии история иная. Здесь тоже действуют сильные фашистские организации, несколько раз пытавшиеся организовать путчи. Но переворот 15.05.1934 года (значительно позже, чем в Литве) совершает руководитель партии Крестьянский Союз К.Ульманис, опираясь на военизированной добровольческую организацию айсаргов. Но хотя Крестьянский Союз - не фашистская партия, диктатура Ульманиса - очень жесткая. Партии и парламент распущены, идет последовательное наступление на права нацменьшинств (борьба за "вторую свободу" в сфере экономики) над негульской ГЭС горит надпись из лампочек: "Воля вождя вызвала энергию Негулы".

В Эстонии также возникает сильное фашистского типа движение вабсов, на основе союза участников освободительной войны. Но это движение, в отличие от литовских и латвийских фашистов, действует (до пятсовского переворота и запрещения вабсов) исключительно в рамках легальности. Вабсы борются против "излишеств" парламентаризма, за сильную центральную власть и в октябре 1938 года им удается добиться одобрения своего проекта конституции на референдуме. Возникает угроза их легального, на волне одобрения их проекта, прихода к власти. И тогда 12.03.1934 года главнокомандующий Лайпонер и руководитель Аграрного Союза К.Пятс производят переворот. Однако диктатура Пятса - самая "мягкая" из трех прибалтийских диктатур. Сохраняется сейм, а в 1938 году во многом происходит возврат к парламентским порядкам.

Таким образом мы видим, что различия событий 1987-1991 гг. как бы "параллельны" различиям событий 1918-1940 гг. И тогда и сейчас Литва наиболее склонна к насилию, здесь - наиболее жесткое противостояние различных политических сил, наиболее бескомпромиссная борьба. Латвия - "посередине", и Эстония дает наиболее "мягкий" правовой и парламентский вариант развития событий. И в 1987-1991 и в 1918-1940 гг. мы видим единство национальных "стилей" политической жизни, политических культур. Откуда же это различие национальных и политических культур и их сохраняющееся своеобразие?

Очевидно, их можно понять учитывая глубокие религиозные и исторические основы прибалтийских культур. Эстония - лютеранская страна, культура которой формировалась под лютеранским немецким, а что особенно важно - под шведским влиянием. Шведский период вспоминается эстонцами

как "доброе шведское время". В Нарве в 1936 году был сооружен памятник Карлу XII и газета "Пяэвалехт" в связи с этим писала: "Формы и идеи шведской общественной жизни должны быть для нас не только ценным воспоминанием о прошлом, но должны стать образцом при разрешении проблем сегодняшнего дня"⁸.

Латвия - страна наиболее сложного сплава различных культур. Юг Латвии находился под сильным польским влиянием и был объектом католической пропаганды. Русское православное влияние, возникшее после присоединения к России, в Латвии также было сильнее чем в Эстонии. В начале 20-х годов в Латвии - 55% лютеран, 24% католиков и 9% православных. Проблема национального единства в Латвии стояла особенно остро и диктатура Ульманиса стремилась прежде всего - сплотить нацию, обезопасить ее от центробежных тенденций.

Литва - католическая страна с великим средневековым прошлым. Как все католические страны, она значительно отставала от протестантских и статистика Литвы, Латвии Эстонии в межвоенный период является великолепной иллюстрацией веберовского тезиса о роли протестантизма. И ее культура типологически близка к культуре католической южной Европы. Сметону приветствовал Муссолини. Но, очевидно, еще большие аналогии сметоновскому режиму - в Португалии Салазара, Словакии Тиссо, Испании Франко.

Прошлое никогда не исчезает бесследно. Советский период истории народов СССР можно сравнить со временем, когда в древнем здании очень сложные и разнообразные узоры на потолке и стенах штукатуриваются и закрашиваются одной (в данном случае - красной) краской. Но они не исчезают. И через какое-то время, по мере того как штукатурка и краска осыпаются, они вновь выходят наружу.

- 1 На наш взгляд, это очень верно отмечено в статье В.Л.Цымбурского "Эстонские заметки" ("Ожог родного очага". Составление Г.Гусейнова и Д.Драгунского. Прогресс. 1990), хотя, на наш взгляд, автор - все же "переходит границы" в своих сопоставлениях, не отмечая "слитности" эстонского национализма и демократизма.
- 2 Для нас, например, признание того, что в 1940 году Эстония была захвачена - это признание исторического факта, вроде факта захвата Казанского ханства. Для эстонцев - в значительно большей мере - признание юридического факта. И, на наш взгляд, это - не только использование в своих целях юридических принципов, перенесение борьбы за независимость в выгодную юридическую плоскость, это еще и особенности восприятия.
- 3 Цит. по: Г.Ефремов "Мы люди друг другу" (Литва: будни свободы, 1988-89). М., Прогресс. 1991. С. 173.
- 4 "Советская Эстония". 12.04.90. С. 2. "Март - месяц стартовый" (беседа с Г.Соотла и М.Майгсе).
- 5 Литовцы с очень большой легкостью прибегают для объяснений всех этих событий к идее "заговора КГБ". Самое "предельное" и гротескное выражение заговоромании, которое когда-либо мне доводилось встречать, я прочел в статье представителя Литвы в Эстонии. Он говорит про попытку создания в Литве "антиландсбергисовского" блока (очевидно, аналог заявлениями 8 и 26): " ... хотя нет доказательств вовлеченности КГБ в теперешний кризис, но доказательств его непричастности тоже нет" ("The Baltic Independent". 13-19.06.91. P.4. S. Hudaraucasas: "Roots of crisis in Lithuania". Но КГБ - постоянная "равная себе" величина и остается вопрос - почему она плетет заговоры именно в Литве).
- 6 Piotr Lossowski. "Kraje balyckie na drodze od demokracji parlamentarnej do dictatury". Warszawa. 1978. P. 108.
- 7 Ibidem. P. 115.
- 8 Ibidem. P. 284.
- 9 Идея великого прошлого, Литвы Гедиминаса и Витовта, очевидно, до сих пор сейчас над литовским сознанием. Вот фраза С.Гяда на одном из митингов 1988 года: "Литва пробудилась, она встает, и она воскреснет, новая, невиданная, великая, являвшаяся нам, быть может, только во снах ... " (Г.Ефремов. Цит.соч. С. 129). При всей патетике, вызванной к жизни эстонским движением, такие образы оно не порождало.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	1
I. Предпосылки процесса образования новых политических партий в Эстонии.	4
II. Эпоха "гласности" (до выборов народных депутатов СССР)	30
III. Предпарламентская эпоха	73
IV. Начало парламентской эпохи	102
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Общее и особенное в политическом процессе в Эстонии	138

Фурман Д.Е.

Становление политических организаций в
современной Эстонии.

Утверждена к изданию Ученым советом Аналитического
Центра по проблемам социально-экономического и
научно-технического прогнозирования АН СССР.

Отв. за выпуск Яцунов А.В.

Тех. редактор Авраменко Ю.П.

Книга посвящена политическому развитию Эстонии с начала перестроечной демократизации в этой стране до июля 1991 года. В ней анализируются социальный и культурный аспекты движения за независимость, динамика взаимоотношений эстонской и русской общин и логика становления многопартийной системы.

Типография Московского института электронной техники.

Без объяв. тиража.

(С) Полинакс